

С.И. Бернштейн

Словарь
фонетических
терминов

С.И.Бернштейн

Словарь
фонетических
терминов



С.И.Бернштейн

Институт языков и культур
имени Л. Н. Толстого

С. И. Бернштейн

Словарь
фонетических
терминов

Под редакцией
А. А. Леонтьева



Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
1996

ББК 92
Б51

**Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного
научного фонда
согласно проекту 96-04-16239**

Редактор издательства
М.И.КАРПОВА

Бернштейн С.И.

Б51 Словарь фонетических терминов. — М.: Изда-
тельская фирма «Восточная литература» РАН.
1996. — 175 с.

ISBN 5-02-017939-6

Сергей Игнатьевич Бернштейн (1892—1970) — известный российский языковед, автор основополагающих работ по общей и русской фонетике, звучащей художественной речи, синтаксису и др.

Словарь, составленный С.И.Бернштейном, издается впервые. Он содержит толкования основных фонетических терминов, по существу, это своего рода фонетическая энциклопедия; в словарь включены также некоторые лингвистические термины, необходимые для объяснения терминов фонетических. Приводится список опубликованных трудов С.И.Бернштейна и список основной литературы о нем.

В Приложении даются: статья А.А.Леонтьева «Русская фонетика в универсально-сопоставительном освещении» и таблицы основных типов гласных и согласных фонем.

ББК 92

© А.А.Леонтьев,
вступительная статья,
приложение, 1996
© Издательская фирма
«Восточная литература»
РАН, 1996

ISBN 5-02-017939-6

От редактора

«Словарь фонетических терминов» составлен С.И.Бернштейном еще в 1937 г. в качестве приложения к книге «Вопросы обучения произношению применительно к преподаванию русского языка иностранцам», но тогда не был опубликован. Позже С.И.Бернштейн вносил в текст авторскую правку, однако коренным образом его не менял — да в этом и не было необходимости, так как все эти годы его фонологические и фонетические взгляды в основном оставались теми же; поэтому не случайно он не протестовал против публикации в 1962 г. статьи «Основные понятия фонологии», написанной в 1936 г.

«Словарь» публикуется по оригиналу (машинописный экземпляр с черновой правкой), хранящемуся в архиве С.И.Бернштейна. Текст подвергся незначительному стилистическому редактированию. К сожалению, по техническим причинам пришлось кое-где упростить транскрипцию. Автор по неизвестным причинам не написал отдельных ключевых статей (например, Слог), поэтому мы решили включить в состав «Словаря» статьи по вопросам фонетики и фонологии, опубликованные Сергеем Игнатьевичем в различных энциклопедических изданиях.

В качестве приложения в справочных целях мы даем очерк русской фонетики в сопоставительно-типологическом (универсально-сопоставительном) освещении, как мы надеемся, дополняющий в этом отношении фундаментальный труд Сергея Игнатьевича. Приложены также сводные таблицы основных типов гласных и согласных, заимствованные из книги Л.Р.Зиндера «Общая фонетика» (см. Список

Это следующие статьи, как правило отсутствующие в «Словаре» (или дающие более позднюю и более подробную трактовку): Орфоэпия. БСЭ. 1-е изд. (т. 43, с. 414—415); статьи из 2-го издания БСЭ: Речь (т. 36, с. 453), Ритм речи (там же, с. 553—554), Синтагма (т. 39, с. 106—107), Слог (там же, с. 359), Фонема (т. 45, с. 295—297), Фонетика (там же, с. 297—299), Фонетические законы (там же, с. 299—300), Фонограмма (там же, с. 301), Фонология (там же, с. 301), Фраза (там же, с. 411—412); статья Акцент из «Краткой литературной энциклопедии» (т. 1, с. 127).

литературы), который использовал таблицы Л.В.Шербы, опубликованные как приложение к первому изданию его «Фонетики французского языка».

Книга рассчитана на преподавателей родного, второго и иностранного языков, филологов разных специальностей, а также логопедов, специалистов по сценической речи и т.д.

А.А.Леонтьев

С.И.Бернштейн как фонетист

Сергей Игнатьевич Бернштейн родился 15 января 1892 г. в Тифлисе, в семье инженера. В 1916 г. он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, где его учителями были С.А.Венгеров, Э.А.Вольтер, А.А.Шахматов, И.А.Бодуэн де Куртенэ и Л.В.Щерба. К студенческим годам относятся первые печатные работы Сергея Игнатьевича — это статьи по библиотековедению и по истории русского театра и драматургии второй половины XIX в. Однако основными научными интересами его вскоре стали вопросы экспериментальной фонетики и теории декламации. Именно эту проблематику он разрабатывал сначала в университете, затем в Институте живого слова и, наконец, в Государственном институте истории искусств, где он организовал в 1923 г. Кабинет изучения художественной речи, просуществовавший до 1930 г.

Переехав в 1931 г. в Москву, Сергей Игнатьевич до 1935 г. занимался проблемой языка радио в Радиокomiteе, НИИ радио и телевидения и других учреждениях. После 1935 г. он — профессор различных московских вузов (МГПИ им. В.П.Потемкина, МГПИИЯ, МГПИ им. В.И.Ленина, филологического факультета МГУ). С.И.Бернштейн вырастил много учеников, за жизнью и работой которых всегда продолжал следить и после того, как выпускал их в большую науку.

В начале 50-х годов С.И.Бернштейн работает старшим научным сотрудником в Институте языкознания АН СССР и является одним из создателей «Словаря языка Пушкина», а в 1954 г. уходит на пенсию, не бросая, однако, научной работы, несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье. Он скончался 28 октября 1970 г. в Москве на 79-м году жизни.

Помимо общей и русской фонетики и фонологии С.И.Бернштейн разрабатывал целый круг филологических

дисциплин. Это, прежде всего, синтаксис. Первая работа Сергея Игнатьевича по этой проблематике была опубликована в 1920 г., последняя — «Синтаксис русского языка» — остается пока в рукописи. Далее, это проблема звучащей художественной речи; поэтика; лексикография (и здесь первая публикация относится к 1922 г.); культура речи; история русского литературного языка; история языкознания. Наконец, нельзя переоценить вклад С.И.Бернштейна в развитие теории языкознания; напомним, что именно он был первым советским лингвистом, ознакомившим своих коллег с «Курсом общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра. Здесь не место давать полный обзор и анализ всех его лингвистических и других научных идей, но одно ясно уже сегодня: Сергей Игнатьевич принадлежал — как по масштабу своего научного дарования, так и по значимости сделанного им — к первому ряду европейских языковедов 20—50-х годов. Другое дело, что он (как отчасти и его тезка Сергей Карцевский) был весьма неплодовит. Вернее, писал он довольно много, но почти ничего не печатал. После кончины в его архиве оказалось шесть рукописей книг (в том числе и «Словарь») и бесчисленное количество разнообразных статей (иногда объемом 2—3 а.л.) и материалов. Ученый все работал и работал над своими рукописями и не считал себя вправе отдать их в печать.

Последние десять лет жизни Сергея Игнатьевича автор этих строк был — позволю себе это сказать — ближайшим, если не единственным его учеником, постоянно бывавшим в его доме, и старался сделать максимум для того, чтобы его работы были опубликованы. В отношении двух («Основные понятия фонологии» и расширенное издание книги 1937 г. «Вопросы обучения произношению...») это с огромным трудом удалось — я имею в виду труд, положенный на то, чтобы уговорить Сергея Игнатьевича.

Он умер не академиком, не член-коррором, даже не доктором наук — обычным, можно сказать, рядовым профессором-пенсионером. Рядовым... Как дико это звучит применительно к ученому масштаба С.И.Бернштейна! Да и вообще в науке нет «рядовых»: это офицерский корпус.

Будучи, казалось бы, узким специалистом, пользуясь известностью среди сравнительно небольшого круга профессиональных фонетистов, специалистов по звучащей художественной речи и отчасти синтаксистов, Сергей Игнатьевич, как показывает только изучение его опубликованных работ, оставил массу идей общего, принципиального характера, идей, каждая из которых, принадлежи она человеку

иного склада — более легко и безответственно пишущему, менее требовательному к себе и к другим, — могла бы обеспечить ему широкую популярность. (Достаточно ознакомиться с его статьями для 2-го издания БСЭ — «Речь», «Синтаксис», «Члены предложения» и «Части речи», — в совокупности дающими, хотя и в предельно лаконичной форме, совершенно оригинальную общелингвистическую концепцию.) Увы, так часто распространённость той или иной научной идеи определяется не её объективной ценностью или, по крайней мере, не только объективной ценностью... Самое парадоксальное, однако, что многие идеи С.И.Бернштейна разошлись по миру без его имени или даже просто под чужими именами (среди которых есть и Л.В.Щерба); он ещё при жизни своей полной чашей испил то, чем далеко не всякий учёный может похвастаться и после смерти, — именно когда то, что сказал ты, перестаёт быть твоим личным научным достоянием, когда тебя цитируют, предваряя цитату словами: «Наука говорит, что...». Это — высшая степень признания, но это и горькая доля учёного, и не всякий учёный способен найти удовлетворение в таком бессмертии.

Сергею Игнатьевичу это тоже, вероятно, было порою горько, но он всегда думал больше о науке и о своих учениках, чем о собственной славе и собственном благополучии. Помню, как, указывая на полку, забитую диссертациями его аспирантов, он с грустью сказал: «Кто узнает, сколько страниц здесь прямо продиктовано мной...».

Даже самая общая характеристика взглядов С.И.Бернштейна на фонетику и её преподавание — крайне сложная задача, потому что многое осталось только в его рукописях, конспектах лекционных курсов, на полях диссертаций и дипломных работ. Вероятно, сколько-нибудь подробный анализ фонетической концепции Сергея Игнатьевича придётся отложить до того времени, когда будет полностью разобран и прочитан его архив. В настоящей статье мы ставим себе гораздо более узкую цель: опираясь только на опубликованные работы С.И.Бернштейна, обрисовать тот вклад, который сделан им в науку о звуках русского языка и в теорию и практику преподавания иностранцам русской фонетики (а русским — фонетики основных европейских языков).

Конечно, первое, на чем следует остановиться из фонетического наследия С.И.Бернштейна, — это его известная книга «Вопросы обучения произношению применительно к преподаванию русского языка иностранцам», выпущенная в

1937 г. Издательским товариществом иностранных рабочих в СССР и давно ставшая библиографической редкостью¹. Не говоря уже о том, что книга эта даже формально — первое в нашей стране издание, специально посвященное лингвистическому и методическому обоснованию приемов обучения иностранных учащихся русскому языку, в ней были впервые сформулированы те важнейшие методические идеи, которыми живет и сейчас наша методика и практика преподавания иностранных языков, в том числе русского языка иностранцам.

Во-первых, серьезное обоснование того метода обучения произношению, да и вообще языку, который получил в последние десятилетия широкое распространение под названием «сознательно-практического», а сам Сергей Игнатьевич называл его «фонетическим» методом. «Рациональный метод требует, — писал он, — чтобы обучение произношению протекало... в русле сознательного усвоения произносительных факторов и их акустических эффектов»². Увы, до сих пор еще кое-где в практике обучения иностранцев русскому языку бытует отмеченное ученым заблуждение, «будто иностранец, живущий среди русских, не нуждается в специальном обучении русскому произношению» и будто для него достаточно простой имитации (с. 18). «Непосредственно-имитативный метод... дает учащемуся только условия задачи, но не указывает путей к ее решению» (с. 18). Кстати, эта позиция Сергея Игнатьевича полностью соответствует ведущей тенденции в современной психологии обучения языку. При этом он, впрочем, подчеркивает также огромную важность слушания иноязычной речи при пребывании в иноязычной языковой среде.

Во-вторых, четко высказанное и последовательно отстаиваемое убеждение в необходимости опоры на навыки родного языка.

В-третьих, то, что отражается во второй половине термина «сознательно-практический», т.е. положение о том, что «всякое фонетическое знание должно быть путем систематического упражнения претворено в автоматизированный навык» (с. 23), и указание оптимальных путей к такой автоматизации речевых умений — в частности, путем включения в связную коммуникативную речь. «Автоматизация произно-

¹ Сейчас эта книга — с восстановлением по корректуре мест, по разным причинам выпущенных в первом издании, — переиздана в сб. «Вопросы фонетики и обучение произношению» (М., 1971).

² Указ. соч., с. 19. Далее сноски на страницы цитируемых работ даются всюду в тексте в скобках.

сительных навыков невозможна вне всякой связной речи» (с. 51).

В-четвертых, решительное подчеркивание значения фонологии для обучения языку³. Сергей Игнатьевич понимал это значение гораздо глубже, чем большинство авторов, писавших об этом позднее. Наряду с анализом фонологической системы он анализирует и роль фонетической нормы для обучения произношению, а также взаимоотношения системы и нормы в языке. В связи с этим С.И.Бернштейн выдвигает тезис, несколько ранее сформулированный Е.Д.Поливановым⁴ применительно к преподаванию русского языка в национальной школе, — о методической целесообразности выбора из предоставляемых фонетической системой вариантов фонетической нормы того варианта, который является оптимальным с точки зрения легкости усвоения. Так, в русском языке ударные [o] и [a] дают в предударных слогах [л] и [ъ] в зависимости от степени редукции. Но, так как темп, стиль речи, индивидуальные особенности обуславливают нормативность также и вариантов (кърлл'á) и (къръл'á), а не только (кърл'á), иностранец может «пользоваться одноступенной редукцией гласных» (с. 29).

В-пятых, С.И.Бернштейн развивает в своей книге очень важное понятие артикуляционной базы, которая, по его словам, «слагается из общих признаков, отличающих произношение данного языка от произношения других языков; под „общими признаками“ разумею такие фонетические моменты, которые, выходя за пределы отдельных звуков, лежат в основе всех или значительной части произносительных работ данного языка и их слуховых эффектов» (с. 30). Здесь он дает, между прочим, и набросок теории фонетического акцента.

В-шестых, в работе дается тонкий анализ акцентно-интонационных и темповых особенностей русского языка.

И наконец, в-седьмых, в книге дается ряд интересных конкретных рекомендаций методического характера, не потерявших злободневности и ныне. В их числе рекомендации о том, чтобы изучение произношения шло от односложных слов к многосложным; о том, что «в первых двух уроках должны встречаться только те звуки, которые наи-

³ Следует иметь в виду, что С.И.Бернштейн не очень охотно пользовался в своих печатных работах самим термином «фонологический» (см. ниже).

⁴ См.: Леонтьев А.А. Е.Д.Поливанов и обучение русскому языку в национальной школе. — Русский язык в национальной школе. М., 1966, № 2.

более близки к звукам родного языка учащихся, и на этом материале должны быть усвоены основные элементы фонетической базы русского языка» (с. 50); об использовании фонетической транскрипции в преподавании; о методах выработки правильного произношения в условиях заочного обучения и т.д.

Не следует забывать о том, что, начиная с 30-х годов и до самой кончины, Сергей Игнатьевич был постоянным рецензентом практических и теоретических курсов, официальным и неофициальным консультантом по самым различным вопросам обучения фонетике и внес в этом своем качестве очень большой вклад не только в теорию и методику, но и в практику обучения иностранцев русскому языку.

Первая опубликованная работа С.И.Бернштейна по фонологии относится к 1927 г. Это «Стих и декламация». Уже в ней содержатся некоторые важнейшие фонологические идеи, которые ученый развивал в течение всей своей дальнейшей научной деятельности. Сюда относится прежде всего указание на то, что фонологические единицы и единицы, так сказать, звукового представления не всегда тождественны (сейчас мы бы сказали о несовпадении фонемы и звукового типа). Именно на тезисе об относительной «зыбкости фонетических представлений», их большей генерализованности по сравнению с единицами фонологического описания покоится концепция С.И.Бернштейна о звуковом аспекте стихотворной речи. Это указание представляется принципиально важным потому, что он вслед за одним из своих учителей, Л.В.Щербой, не побоялся ввести в свою теоретическую систему то, что Л.В.Щерба называл «субъективным принципом», потому что — в противоположность подавляющему большинству современных ему лингвистов — Сергей Игнатьевич никогда не пытался «вынести за скобки» говорящего человека, если обращение к говорящему человеку было необходимо в логике развития его научных воззрений по тому или иному вопросу.

Второе крайне важное положение, находимое нами в указанной статье, сформулировано С.И.Бернштейном следующим образом: «В стиховой речи... могут выступать и другие принципы различения фонетических элементов: в известных случаях могут, например, различаться как самостоятельные элементы два образования, составляющие единство с точки зрения практической речи, руководствующейся одним только семантическим принципом различения фонетических единиц» (с. 23). Собственно, эта же мысль встречалась в более ранних работах С.И.Бернштейна

по вопросам поэтики. Цитированное положение исключительно важно потому, что он опять-таки решительно выходит здесь за границы, как говорил И.А.Бодуэн, «бумажной фонологии»: он прямо указывает на то, что возможны разные виды функциональности и семасиологизация есть с этой точки зрения «частный случай функциональности».

Иными словами, в зависимости от контекста и ситуации, а также функциональной специализации речи фонологическое различие может иметь разный «вес». Это положение, следствия из которого еще не до конца проанализированы в нашей фонологии, было успешно развито, в частности, Л.Р.Зиндером. За границей аналогичные идеи стали высказываться в определенной форме лишь в 1964 г. (Д.Болинджером на страницах журнала «Lingua»).

Следующая работа С.И.Бернштейна, непосредственно посвященная проблеме фонемы, — статья «Фонема» в 1-м издании БСЭ. Здесь мы находим едва ли не самую важную из фонологических идей ученого — тезис, что «круг звуковых признаков, которыми фактически пользуются говорящие для различения слов, гораздо шире, чем тот минимум звуковых признаков, который достаточен для этой цели и которым исчерпывается содержание фонемы» (с. 106). Поэтому, по мнению Сергея Игнатьевича, фонологическая теория «впадает в ошибку, говоря о социальной функции выражения значений в аспекте индивидуального сознания». Думается, что этот последний тезис сформулирован неточно, но мысль автора ясна и представляется совершенно правильной.

К тому же, 1936 г. относится статья «Основные понятия фонологии», впервые опубликованная только в 1962 г. И здесь тоже содержатся принципиально важные положения, до конца нами не оцененные. Мы не имеем в виду те фонологические тонкости, те более или менее частные положения узкофонологического характера, которые здесь можно найти; хотелось бы обратить внимание читателя на те общие идеи этой работы, благодаря которым она далеко опередила свое время.

Прежде всего, это идея, которую Г.А.Климов⁵ не очень удачно назвал «плюралистической» концепцией фонемы. По мысли С.И.Бернштейна, в зависимости от нашего подхода к моделированию звуковой материи языка, в зависимости от уровня фонологической абстракции, мы можем получить различные понятия фонемы, различные фонологические

⁵ См.: Климов Г.А. Фонема и морфема. М., 1967.

единицы, что позволяет снять (в гегелевском смысле) затянувшееся противоборство ленинградской и московской школ. Эта мысль, восходящая к И.А.Бодуэну, получила в современном общем языкознании широкое распространение благодаря высказанному в 1934 г. тезису американского лингвиста Чжао Юаньжэня о неединственности фонологической интерпретации. С именем Чжао Юаньжэня этот тезис обычно и связывается в американской, а в последнее время и в отечественной фонологии. Однако у этого автора абсолютно нельзя найти систематического теоретического обоснования той идеи, которая так детально разработана С.И.Бернштейном. Совершенно прав был М.И.Стеблин-Каменский, говоря, что у Чжао Юаньжэня и его последователей «речь идет либо о решениях, в неодинаковой мере учитывающих факты..., либо — и это большей частью — о разных изображениях одного решения, а именно изображениях фонемы одной или двумя буквами, употреблении разных алфавитов, символов и т.д.»⁶.

Второе, связанное с первым, существенное положение — понимание фонемы как альтернативного ряда, как класса чередующихся сегментов. Нет необходимости подчеркивать значение этой мысли, позволяющей, так сказать, оторваться от индивидуального языкового чутья, от звукового представления и дающей возможность определить фонему как понятие строго и последовательно лингвистическое.

Третье важное положение, которое можно найти, впрочем, и у других крупнейших фонологов XX в., — это положение о том, что фонетические единицы, звуки речи, суть абстракции, конструкты, «антропофонические категории», а не непосредственно материальные факты.

Удивительно, но несомненно четвертое — идея фонетических универсалий, совершенно явно выступающая в этой работе и обгоняющая яacobсоновские работы в аналогичном направлении по крайней мере лет на десять.

Пятая идея — идея фонетического нуля, которой мы и закончим вынужденно краткий обзор этой интереснейшей работы.

Обращаясь снова к книге «Вопросы обучения произношению...», следует указать прежде всего на отстаиваемый в ней тезис о целостности фонологического слова. Прочитав важнейшие положения автора, связанные с указан-

⁶ *Стеблин-Каменский М.И.* О симметрии в фонологических решениях и их неединственности. — ВЯ. 1964, № 2, с. 51.

мым тезисом: «...для опознавания и различения слов служат все произносимые и слышимые звуки, употребляемые в данном языке и воспринимаемые в составе слов в конкретных сочетаниях. Разложение слов на отдельные звуки при пользовании родным языком наблюдается разве только при недослышках, при слушании невнятной речи и тому подобных случаях, выходящих за пределы нормальной речевой практики... У говорящего есть единственное намерение — произнести определенное слово» (с. 25). Эти положения сейчас не только бесспорны, но и вполне соответствуют принципиальной позиции современной психологии и физиологии речи.

Оставляя в стороне некоторые менее существенные фонологические публикации С.И.Бернштейна, перейдем к его статье 1952 г. «Против идеализма в фонетике». В ней наиболее четко разведены материальная (антропофоническая) и функциональная (фонетическая, фонологическая) точки зрения (после работ К.Л.Пайка мы бы сказали — этическая и эмическая). В то же время Сергей Игнатьевич обосновал здесь свой отказ от противопоставления фонетики и фонологии, видя в обеих этих дисциплинах разные варианты функциональной фонетики. Из высказанных впервые тезисов укажем прежде всего на тезис о примате фонологического отождествления перед фонологическим различением (мысль в конечном счете тоже бодуэновская). Формула С.И.Бернштейна, с которой, видимо, можно полностью согласиться, гласит: «Словоразличение есть лишь вспомогательное средство для словоузнавания, которое, в свою очередь, служит предпосылкой словопонимания» (с. 544). В зарубежной фонологии схожее положение было сформулировано примерно в то же время Эриком Бейссансом на базе иной (соссюровской, а не щербовской) фонологической традиции, но Бейссанс писал не о примате функции словоузнавания (тождества), а о ее сосуществовании с функцией различения (см. его полемику с А.Фреем).

Вторым принципиально новым положением является динамический, диалектический подход к понятию фонологической системы. Комментируя известное, заимствованное у А.Мартинэ, рассуждение С.К.Шаумяна, С.И.Бернштейн дает развернутую критику всей соссюрианской исторической фонологии, называя ее «принципиально антиисторической» (с. 554). Любопытно, что за истекшие почти полвека советская, а затем российская историческая фонология развивалась как раз в направлении, намеченном в этой статье.

Мы не имеем возможности подробно анализировать здесь узкофонетические и орфоэпические публикации С.И.Бернштейна. Остановимся только на одной статье 1936 г. («Назревший вопрос»). В ней отстаивается мысль, что единообразное произношение, обуславливающее «постоянство слухового облика слов», «воспитывает автоматизм восприятия слов: восприняв много раз то или иное слово в определенной, неизменной... слуховой форме, мы в дальнейшем воспринимаем его без малейшей затраты умственной энергии, на основании общего облика, не... вслушиваясь в отдельные звуки, часто даже... недослушивая. При этих условиях наше произвольное внимание направлено целиком на смысл речи, и ни одна капля его не растрачивается непродуктивно» (с. 110). В современных терминах: единообразии произношения облегчает процессы вероятностного прогнозирования при слуховом восприятии речи. Из этого бесспорного положения Сергей Игнатьевич делает значительно более спорный, но интересный вывод о том, что рациональным путем орфоэпической унификации является опора на письмо, «сближение произношения с письмом»⁷. Статья эта содержит и ряд других интересных положений, представляющих важность не только в плане описания русского языка, но и в плане обучения ему иностранцев. Так, укажем на необычную для 1936 г. тенденцию анализировать не только социологические, но и социально-психологические факторы речевой нормализации.

Публикуемый нами «Словарь фонетических терминов», относящийся, как уже было сказано, к 1937 г., в теоретическом плане не отличается от писавшихся в то же время «Вопросов обучения произношению...» и «Основных понятий фонологии». По существу, это своего рода фонетическая энциклопедия, построенная на материале четырех основных европейских языков (английского, немецкого, французского и русского).

Адресат «Словаря», как видно из авторского предисловия, — рядовой преподаватель языка. Поэтому Сергей Игнатьевич, по-видимому, стремился изложить фонетические и фонологические идеи и факты максимально просто и понятно. И это ему удалось.

По содержанию статьи «Словаря» относятся к двум типам. С одной стороны, это раскрытие чисто фонетических

⁷ Общеизвестно, что в последние десятилетия такое «сближение» становится особенно заметным, — ср., например, тенденцию к выбору варианта с (к') в словах на *-кий/-ский*.

терминов; здесь за почти шестьдесят лет, естественно, ничего не изменилось. С другой стороны, часть словарных статей носит фонологический и — даже шире — общелингвистический характер (см., например, статью «Слово»). Здесь можно было бы дать обширный историко-научный комментарий, однако мы воздержались от него, считая, что теоретическая концепция С.И.Бернштейна, четко изложенная в подобных статьях, в основе своей совершенно не устарела.

Мы позволили себе дополнить «Словарь» (если не считать введенных в него других статей автора) только в одном отношении. Дело в том, что в 1937 г. сопоставление русского языка с другими языками, кроме основных европейских, было неактуально — в СССР почти не было иностранцев, не владевших этими тремя языками, и советским учащимся преподавались тоже в основном эти языки. Сейчас проблема обучения русскому произношению иностранцев с самыми различными родными языками (нечего и говорить о русской фонетике как предмете усвоения детьми различных нерусских национальностей России) стоит достаточно остро; резко возросло и число языков, преподаваемых в средней и высшей школе. Поэтому мы сочли полезным приложить к «Словарю» своеобразный справочник — статью «Русская фонетика в универсально-сопоставительном освещении», — где явления русской фонетики подавались бы на фоне сходных или контрастных явлений других языков, причем круг этих языков был бы максимально широк. Используемая в ней понятийная система и терминология не вполне совпадают с терминологией С.И.Бернштейна, однако в теоретическом плане восходят к той же бодуэновской и щербовской традиции.

В тексте «Словаря» вслед за автором используется Международная фонетическая транскрипция (МФТ), а в примерах из русского языка — или МФТ, или практическая транскрипция. В Приложении использована только МФТ (или принятая ныне русская транскрипция, например для китайского языка).

Список опубликованных трудов С.И.Бернштейна

В список включены все обнаруженные до 1 января 1996 г. публикации С.И.Бернштейна, независимо от их тематики, как подписные, так и неподписные. В основу положена библиография, составленная самим С.И.Бернштейном и опубликованная в издании: «Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию», т. I, М., 1960; то же, т. II, М., 1968. Широко использованы также материалы личного архива С.И.Бернштейна. Составил библиографию А.А.Леонтьев при участии Т.Н.Наумовой.

1911

1. (Ряд статей под общим заголовком:) Библиотечное дело за границей. СПб., изд-во «Школа и жизнь». 1911—1912. (С.И.Бернштейн, рукописный список работ).

2. Около 15 рецензий на книги по библиотековедению и теоретической библиографии. — Речь. СПб., 1911—1915. (С.И.Бернштейн, рукописный список работ).

1912

3. (За подписью С.Б-ш-ъ). Друг Островского (К 25-летию со дня смерти Ф.А.Бурдина). — Театр и искусство, № 9 (воскресенье, 26 февраля). СПб., 1912, с. 196—197.

4. (Перевод книги:) *Эйхлер Ф.* Библиотековедение высшего порядка в его отношении к методам научного исследования и преподавания. СПб., изд-во «Школа и жизнь», 1912. См. также № 1, 2.

1913

5. Пьесы Островского и их критики полвека тому назад. — Библиотека Театра и Искусства (бесплатное прило-

жение к № 51 журнала «Театр и искусство»). Декабрь, кн. 12. СПб., 1913, с. 30—57.

6. (Без подписи и заглавия). Заметка о книге проф. И.Патуйе об Островском. — «Раннее Утро». 28 апреля. См. также № 2.

1914

7. (За подписью Вас.Досужев). Василий Игнатьевич Живокини (К сорокалетию со дня смерти). — «День», № 17 (суббота, 18 января).

8. (Без подписи и заглавия). Заметка о первом представлении «Без вины виноватые». — «День». 20 января.

9. (То же). Заметка о водевилесте С.И.Турбине. — «День». 22 января.

10. (То же). Заметка о книжке Купчинского об Островском. — «День». 22 января.

11. (То же). Заметка о С.И.Турбине. — «Обозрение театров». 23 января.

12. (За подписью Вас.Досужев). Ф.А.Кони (К 35-летию со дня кончины). — «День». 25 января.

13. (Без подписи и заглавия). Заметка о первом представлении «Бедность не порок». — «День». 25 января.

14. (За подписью Вас.Досужев). Водевильная публицистика Федора Кони. — Библиотека Театра и Искусства (бесплатное приложение к № 8 журнала «Театр и искусство»). Февраль, кн. 2. СПб., 1914, с. 32—42.

15. (Без подписи и заглавия). Биографическая заметка об актере Н.С.Стружкине. — «День». 8 февраля.

16. (Без подписи). Н.С.Стружкин. — «Обозрение театров». 9 февраля.

17. (За подписью Вас.Досужев). Начало оперетки на русской сцене. В.А.Лядова (К 75-летию со дня рождения). — «День». 15 марта.

18. (Без подписи). Из театральной старины. — «Обозрение театров». 16 марта.

19. (За подписью Вас.Д-въ). Лев Гурыч Синичкин. — «День». 19 апреля. См. также № 2.

1915

20—21. Две рецензии на книги по теоретической библиографии. — Русская мысль. 1915, апрель и сентябрь—октябрь (С.И.Бернштейн, рукописный список работ). См. также № 2.

1920

22. Основные вопросы синтаксиса в освещении А.А.Шахматова. — ИОРЯС. 1920, т. 25, с. 208—233. (Важнейшие опечатки к статье С.И.Бернштейна «Основные понятия...» — см. ИОРЯС. 1922, т. 26, с. 312.)

1922

23. О методологическом значении фонетического изучения рифм (К вопросу о пушкинской орфоэпии). — Пушкинский сборник. Памяти С.А.Венгерова. Под ред. Н.В.Яковлева. М.—Пг., 1922, с. 329—354.

24. (За подписью С.Б.). О пушкинском словаре (Справка). — Там же, с. XXXIV—XL.

1924

25. Главы из курса фонетики (Конспективное изложение). I. Фонетика стиха. II. Основы психофонетики. III. Классификация звуков речи. (Размножено на ротаторе Профкомом студентов Гос. курсов при ГИИИ.)

26. Принципы составления словарей языка русских писателей. (Размножено на ротаторе по постановлению Общелингвистической секции НИИ сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при ФОН ЛГУ.)

1925

27. Звучащая художественная речь и ее изучение. — Поэтика. Сб. статей, 1. Л., 1925, с. 41—53.

28. Культура языка (Ответ на анкету «Журналиста»). — Журналист. 1925, № 2, с. 8—9.

29. Еще о культуре языка. — Журналист. 1925, № 4, с. 11—12.

1927

30. Стих и декламация. — Русская речь. Новая серия, 1. Л., 1927, с. 7—41.

31. Эстетические предпосылки теории декламации. — Поэтика. Сб. статей, 3. Л., 1927, с. 25—44.

1929

32. Опыт анализа «словесной инструментовки» (1-ая строфа стихотворения Тютчева «Сумерки»). — Поэтика. Сб. статей, 5. Л., 1929, с. 156—192.

1930

33. О «горе-учебниках». — «Красная газета» (вечерний выпуск). 4 апреля.

34. (Без подписи). Внимание звучащему слову! — Рабочий и Театр. 1930, № 28 (21 мая).

1931

35. Более 60 словарных статей в 1-м изд. «Советского энциклопедического словаря». Т. I. М.—Л., 1931, в том числе: Алфавит, Английский язык, Арабский язык, Гельский язык, Гласные звуки, Голос, Готский язык, Греческий язык, Датский язык, Еврейский язык, Египетский язык (С.И.Бернштейн, рукописный список работ).

36. Методические указания по языковому оформлению учебных радиопередач (Проект). 7 с., литогр.; Примеры к проекту методических указаний..., 15 с., литогр.; Дополнения к методическим указаниям..., 2 с., литогр. (То же под назв.: «Проект инструкции для лекторов ИМЗО при ЦК ВКП(б)» и т.д., соотв. 14 + 25 + 4 с., литогр.)

1932

37. Языковое оформление. — *Экземплярский В.М., Бернштейн С.И., Долинский Ю.П.* Методические правила для составления и чтения лекций по радио в области техпропаганды. М., Техпроп НКТП, 1932, с. 16—25.

38. Устная публичная речь и проблема ораторской радиоречи. — *Говорит СССР*. 1932, № 32—33, с. 4—5.

39. Центральный государственный фоноархив. — *Говорит СССР*. 1932, № 34, с. 6—7.

1933

40. Методическое оформление учебных радиопередач. — Организация и методика применения радио в заоч-

ном обучении (Инструктивно-методическое письмо). М.—Л., 1933, с. 11—23.

1934

41. Словарь языка Пушкина. — Литературное наследство. М., 1934, № 16—18, с. 1167—1168.

1935

42. В чем сущность художественного чтения? — Говорит СССР. 1935, № 24, с. 34—36.

43. Фонетика и орфоэпия. — Программы театральных училищ. Мастерство речи. М., НКП РСФСР, 1935, с. 5—6, 7, 7—11, 37—38.

1936

44. А.А.Шахматов. Методология его лингвистических исследований и его понимание истории русского литературного языка. — *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. 3-е изд. М., 1936, с. I—XXIV.

45. Маяковский — чтец. — Говорит СССР. 1936, № 4, с. 47—52.

46. Назревший вопрос (Русское литературное произношение). — Русский язык в школе. 1936, № 5, с. 108—119.

47. О произношении в стихах Пушкина. — Говорит СССР. 1936, № 3, с. 23—25.

48. Проблема русского произношения. — Говорит СССР. 1936, № 1, с. 23—27.

49. Фонема. — БСЭ. 1-е изд. Т. 58, с. 106—107.

1937

50. Вопросы обучения произношению применительно к преподаванию русского языка иностранцам. М., 1937, 67 с.

1938

51. Основные понятия грамматики в освещении А.М.Пешковского. — *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938, с. 7—42.

52. Грамматическая система А.М.Пешковского. — Русский язык в школе. 1939, № 2, с. 95—109.

53. Орфоэпия. — БСЭ. 1-е изд. Т. 43, с. 414—415.

54. Фонетика. — Литературная энциклопедия. Т. 11, с. 796—802. (Таблица звуков речи составлена редакцией).

1940

55. Грамматическая система А.А.Шахматова. — Русский язык в школе. 1940, № 5, с. 70—83.

56. Потехня А.А. — БСЭ. 1-е изд. Т. 46, с. 542—544 (статья без подписи и с искажающими смысл редакционными изменениями).

57. (Совместно с другими авторами). Л.В.Щерба (По случаю исполнившегося шестидесятилетия со дня его рождения). — Русский язык в школе. 1940, № 6, с. 85—86.

58. Материалы для библиографии по вопросам фразовой интонации. — Ученые записки 1-го МГПИИЯ. Т. 1. Экспериментальная фонетика и психология в обучении иностранному языку. М., 1940, с. 327—343.

1941

59. А.А.Шахматов как исследователь русского литературного языка. — *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941, с. 3—55.

60. Редукция. — БСЭ. 1-е изд. Т. 48, с. 488 (без подписи).

1946

61. (Рец. на:) *Аванесов Р.И.* и *Сидоров В.Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945. — Русский язык в школе. 1946, № 3, с. 81—86.

1947

62. (Рец. на:) *Ягодинский А.С.* Овладеем литературной речью. Вологда, 1946. — Русский язык в школе. 1947, № 3, с. 69—72.

63. (Без подписи). Заключение кафедр русского языка (МГПИ им. В.И.Ленина и МОПИ) по книге акад. В.В.Вино-

градова «Русский язык. Грамматическое учение о слове». — Русский язык в школе. 1948, № 2, с. 72—74.

64. (Без подписи). Бодуэн де Куртенэ И.А. — БСЭ. 2-е изд. Т. 5, с. 366—367.

1951

65. Gramatický systém A. Šachmátova. — Sovětska Jazykověda. Praha, 1951, № 5, с. 58—74 (ошибочно приписана редакцией С.Б. Бернштейну).

66. (Без подписи). Виноградов В.В. — БСЭ. 2-е изд. Т. 8, с. 120.

1952

67. Против идеализма в фонетике. — ИАН ОЛЯ. Т. 2, 1952, вып. 6, с. 541—559.

67а. (Совместно с Л.Г. Красниковой). Программа по теоретическому курсу фонетики испанского языка (для гос. пед. институтов иностранных языков). 8 с. (МВО СССР).

1953

68. (Без подписи). Интонация. — БСЭ. 2-е изд. Т. 18, с. 317.

69. (Без подписи). Конвергенция. — БСЭ. 2-е изд. Т. 22, с. 330.

70. (Без подписи). Крушевский Н.В. — БСЭ. 2-е изд. Т. 23, с. 532.

71. (Без подписи). Кудрявский Д.Н. — БСЭ. 2-е изд. Т. 23, с. 598.

1954

72. (Без подписи). Некрасов Н.А. — БСЭ. 2-е изд. Т. 29, с. 389.

1955

73. (Без подписи). Пешковский А.М. — БСЭ. 2-е изд. Т. 33, с. 7—8.

74. (Без подписи). Прогрессивная ассимиляция. — БСЭ. 2-е изд. Т. 34, с. 594—595.

75. (Без подписи). Речевой такт. — БСЭ. 2-е изд. Т. 36, с. 444.

76. (Без подписи, в соавторстве: С.И.Бернштейну принадлежат два первых абзаца и библиография). Речь. — БСЭ. 2-е изд. Т. 36, с. 453.

77. (Без подписи). Ритм речи. — БСЭ. 2-е изд. Т. 36, с. 553—554.

78. (Без подписи). Связка. — БСЭ. 2-е изд. Т. 38, с. 276.

1956

79. (Сост., совм. с другими авторами). Словарь языка Пушкина. Т. 1. М., 1956, 806 с.

80. (Без подписи). Синтагма. — БСЭ. 2-е изд. Т. 39, с. 106—107.

81. (Без подписи). Синтаксис. — БСЭ. 2-е изд. Т. 39, с. 107—109.

82. (Без подписи). Синхрония. — БСЭ. 2-е изд. Т. 39, с. 121—122.

83. (Без подписи). Сказуемое. — БСЭ. 2-е изд. Т. 39, с. 200—201.

84. (Без подписи). Слог. — БСЭ. 2-е изд. Т. 39, с. 359.

85. (Без подписи). Сонорность. — БСЭ. 2-е изд. Т. 40, с. 82.

86. (Без подписи). Темп речи. — БСЭ. 2-е изд. Т. 42, с. 194.

87. (Без подписи). Фонема. — БСЭ. 2-е изд. Т. 45, с. 295—297.

88. (Без подписи). Фонетика. — БСЭ. 2-е изд. Т. 45, с. 297—299.

89. (Без подписи). Фонетические законы. — БСЭ. 2-е изд. Т. 45, с. 299—300.

90. (Без подписи). Фонограмма. — БСЭ. 2-е изд. Т. 45, с. 301.

91. (Без подписи). Фонология. — БСЭ. 2-е изд. Т. 45, с. 301.

92. (Без подписи). Формант. — БСЭ. 2-е изд. Т. 45, с. 317.

93. (Без подписи). Фраза. — БСЭ. 2-е изд. Т. 45, с. 411—412.

1957

94. (Сост., совм. с другими авторами). Словарь языка Пушкина. Т. 2. М., 1957, 896 с.

95. (Без подписи). Части речи. — БСЭ. 2-е изд. Т. 47, с. 61—62.

96. (Без подписи). Члены предложения. — БСЭ. 2-е изд. Т. 47, с. 424—425.

97. (Без подписи). Чередование звуков. — БСЭ. 2-е изд. Т. 47, с. 129.

98. (Без подписи). Энклитика. — БСЭ. 2-е изд. Т. 49, с. 88—89.

99. (Без подписи). Эпентезис. — БСЭ. 2-е изд. Т. 49, с. 143—144.

1959

100. Г.В. Артоболевский. — *Артоболевский Г.В.* Очерки по художественному чтению. Сб. статей. М., 1959, с. III—XVI.

101. (Дополнения). Там же, с. 8, 9—10, 10, 13, 14, 14—15, 15, 15, 16, 16, 20, 20—22, 22, 22, 23—24, 23, 25, 26, 26, 27, 27, 28, 29—30, 32—35, 32, 34, 35, 35—36, 36—37, 37, 37, 38, 38—39, 39, 41, 42—43, 43—44, 44, 45, 45—46, 45, 53, 65, 67—68, 69, 70, 72, 73, 75, 91—92, 95—96, 96—97, 97, 126—127, 136, 138—139, 139—140, 140—141, 140, 144, 144, 144—145, 145, 145, 146—148, 148, 148—149, 149, 149—159, 150, 150, 151, 151, 151—152, 153, 153, 153—154, 154, 154—157, 155, 157—158, 158, 159, 159—160, 180, 188, 190, 197, 214, 214—215, 216, 217—218, 218, 222, 223, 224, 226, 227, 228, 229, 229—231, 232, 238, 239, 252, 252—253, 253, 254.

102. Ред.: *Артоболевский Г.В.* Очерки по художественному чтению. Сб. статей. М., 1959, XVI + 268 с.

1962

103. Основные понятия фонологии. — Вопросы языкознания. 1962, № 5, с. 62—80.

104. Акцент. — КЛЭ. Т. 1, с. 127.

105. Богородицкий В.А. — КЛЭ. Т. 1, с. 658—659.

106. Бодуэн де Куртенэ И.А. — КЛЭ. Т. 1, с. 664—665.

107. (Без подписи). Виноградов В.В. — КЛЭ. Т. 1, с. 979—980.

1964

108. Мои встречи с А.А. Блоком. — День поэзии. Л., 1964, с. 167—186 (нижние трети страниц).

1971

109. Вопросы обучения произношению применительно к преподаванию русского языка иностранцам. 2-е изд., исправленное и дополненное. — Вопросы фонетики и обучение произношению. М., 1971, с. 5—61. См. также № 50.

110. Голос Блока. — Блоковский сборник, 2. Тарту, 1971.

1972

111. Устная публичная речь и проблема ораторской радиоречи. — Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972, с. 107—113.

112. Языковая сторона радиолекций. — Там же, с. 114—126.

1973

113. Художественная структура стихотворения Блока «Пляски осенние». — Труды по знаковым системам, VI. Тарту, 1973, с. 521—545.

1975

114. Наблюдения над языком радиолекций. — Вопросы лекционной пропаганды. Вып. 2. М., 1975, с. 147—152.

115. Рукописные материалы С.И. Бернштейна о Ф. де Соссюре. — ИАН ОЛЯ. 1976, т. 35, № 5, с. 440—450.

1977

116. Язык радио. М., 1977, 48 с. (авторский текст: с. 8—45). См. также № 36, 37, 38, 40, 113, 114.

1981

117. Основные понятия фонологии. — История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматия. Сост. Ф.М. Березин. М., 1981, с. 172—178 (в отрывках). См. также № 103.

1988

118. Основные понятия фонологии. — История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматия. Сост. Ф.М. Березин. 2-е изд. М., 1988, с. 210—217. См. также № 103.

1991

119. Вопросы обучения произношению применительно к обучению русскому языку иностранцев. (Отрывок). — Общая методика обучения иностранным языкам. Хрестоматия. Сост. А.А.Леонтьев. М., 1991, с. 271—274. См. также №50, 109.

Список основной литературы о С.И.Бернштейне*

1. *Бгажноков Б.Х.* Предисловие. — *Бернштейн С.И.* Язык радио. М., 1977, с. 3—7.
2. *Березин Ф.М.* История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматия. М., 1981, с. 141—143. 2-е изд. М., 1988, с. 170—172.
3. *Булахов М.Г.* Бернштейн Сергей Игнатьевич. — Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь. Т. 2. (А—К). Минск, 1977, с. 19—23.
4. *Ванников Ю.В.* Предложение и фраза как соотносительные единицы языка и речи. — *Ванников Ю.В., Котляр Т.Р.* Вопросы строения предложения. Саратов, 1960, с. 20—21.
5. *Климов Г.А.* Фонема и морфема. М., 1967.
6. *Левин В.Д.* Сергей Игнатьевич Бернштейн (Некролог). — Ученые записки Тартуского университета. Вып. 6. Тарту, 1973, с. 515—520.
7. *Леонтьев А.А.* Бернштейн Сергей Игнатьевич. — КЛЭ. Т. 1. М., 1962, с. 570.
8. *Леонтьев А.А.* Памяти Сергея Игнатьевича Бернштейна. — ИАН ОЛЯ. 1971, т. 30, вып. 1, с. 102—103.
9. *Леонтьев А.А.* Важнейшие проблемы сопоставления русского языка и языков Востока (в связи с задачами обучения русскому языку). — Актуальные проблемы преподавания русского языка в странах Азии, Африки, Среднего и Ближнего Востока. М., 1972, с. 29—31.
10. *Наумова Т.Н.* Сергей Игнатьевич Бернштейн и психолингвистика текста. — Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Ч. 1. М., 1975, с. 18—23.
11. *Наумова Т.Н.* К проблеме целого высказывания (анализ концепции С.И. Бернштейна). — Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978, с. 89—108.

12. *Наумова Т.Н.* Синтаксическая концепция С.И.Бернштейна. — Психологически ориентированные синтаксические теории в русской и советской лингвистике. Саратов, 1990, с. 122—143.

13. *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967.

14. *Протогенов С.В.* История учения о фонеме. Таш., 1970, с. 55—57.

15. *Слюсарева Н.А., Кузнецов В.Г.* Из истории советского языкознания. Рукописные материалы С.И.Бернштейна о Ф. де Соссюре. — ИАН ОЛЯ. 1976, т. 35, № 5, с. 440—450.

16. Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968, с. 131, 138, 145, 147, 158, 195—199, 215.

17. *Торсуев Г.П.* Проблемы теоретической фонетики и фонологии. Л., 1969, с. 95—97.

**Словарь
фонетических
терминов**

Предисловие автора

Словарь не ставит себе задачей исчерпать всю фонетическую терминологию. Он предназначен для читателей, которые нуждаются в приобретении или углублении знаний в области общей фонетики как базы для изучения иностранного произношения. В первую очередь имеются в виду преподаватели русского языка иностранцам, преподаватели иностранных языков в средней и высшей школе, преподаватели русского языка в средней школе и студенты, готовящиеся к преподаванию языков. Сообразно с этой задачей и с этим кругом читателей определения и объяснения даются применительно к фонетической структуре четырех языков — русского, немецкого, английского и французского; с точки зрения других языков и сам состав словаря, и его конкретное содержание в ряде случаев могут оказаться недостаточными. Названные языки рассматриваются в их литературной форме. Ни диалектология их, ни их историческая фонетика в словаре не отражены; в связи с этим не затрагивается и общая теория звуковых изменений. Особое внимание уделено двум отраслям фонетики, которые пока не заняли подобающего им места в нашей учебной литературе по языкознанию, — фонологии и акцентологии. Фонология, изучая использование звуковой материи для выражения значений, тесно связывает фонетику с социальной функцией языка, т.е. с функцией выражения мысли в целях общения между членами социального коллектива; тем самым фонологическая точка зрения обосновывает фонетику как социальную науку. Акцентология имеет огромное практическое значение, которое станет очевидно, если напомнить, что она охватывает вопросы ударения слова и тот круг явлений, который чаще всего обозначается, без дальнейшей дифференциации, термином «интонация».

В словарь включено несколько лингвистических терминов, выходящих за пределы фонетики, поскольку нельзя было обойтись без них в объяснениях терминов фонетических. Впрочем, достигнуть в этом отношении полноты в пределах словаря фонетических терминов невозможно. Предлагаемые в словаре определения и объяснения не всегда совпадают с ходячими. Некоторые термины (не считая до сих пор не переведившихся с иностранных языков) употреблены здесь впервые.

С.Б.

А

Адамово яблоко см. Произносительный аппарат.

Активные и пассивные органы речи — различные категории органов речи в зависимости от их подвижности или неподвижности. К числу активных органов речи относятся: в полости гортани — голосовые связки, пирамидальные хрящи, щитовидный хрящ; в полости зева — мягкое нёбо и язычок; в полости рта — язык, верхняя челюсть с деснами (альвеолами, или лунками, зубов) и верхним рядом зубов, нижние зубы с их альвеолами; наконец, внутренние стенки щек, ограничивающие ротовую полость. Верхняя губа является органом пассивным при образовании большинства губных согласных и активным, наравне с нижней губой, при образовании лабиализованных гласных и двугубного согласного (w). Носовая полость относится к числу пассивных органов речи, так как служит только проходом для выдыхаемой воздушной струи при носовых звуках, но не содержит подвижных органов. Ср. Произносительный аппарат.

Акцент — 1) то же, что ударение во всех значениях этого слова; 2) совокупность фонетических признаков речи, избобличающих в говорящем иностранца или вообще человека, для которого данный язык не является родным. Иностраный акцент, особенно немецкий, характеризуемый неразличением глухих и звонких согласных, заменой как твердого *л*, так и мягкого *ль* немецким *l*, несмягчаемостью согласных, применением закрытого оттенка гласного *о* и др., нередко изображался в русской классической литературе при помощи средств русской графики (речь Вральмана в «Недоросле», генерала в «Капитанской дочке», губернатора Шаафа в «Месяце в деревне», Карла Ивановича в «Отрочестве» и др.), например: *тафно ли* вместо *давно ли*, *безенка* (точнее, *бэзэнка*) вместо *песенка*, *пришоль* вместо *пришел*. Иногда иноязычный акцент (например, английский) обнаруживается в интонации, иногда — только в общем характере звучания речи. Наряду с иноязычным акцентом существует и диалектный акцент, указывающий на то, что родным для говорящего является нелитературное произно-

шение, свойственное какому-либо наречию данного языка, например севернорусское оканье, южнорусское произношение щелевого согласного на месте взрывного *г* литературной речи.

Акцентная вершина см. Ударение, Акцентуация.

Акцентная организация речи см. Акцентуация.

Акцентная структура см. Акцентуация.

Акцентная цель см. Цель.

Акцентное звено см. Звено.

Акцентное членение речи см. Акцентуация.

Акцентно-интонационная система языка — совокупность произносительно-слуховых средств — акцентно-интонационных средств, применяемых в данном языке для осуществления акцентной организации фразы и ее интонирования (сообщения ей определенной интонации). См. Акцентуация, Акцентные средства, Интонация. Терминологическое объединение акцентной и интонационной системы в ряде случаев целесообразно потому, что акцентные и интонационные средства в значительной части совпадают (см. Интонация).

Акцентно-интонационные средства см. Акцентно-интонационная система языка.

Акцентные разделы — границы между акцентными периодами. На низших ступенях акцентного членения создаются преимущественно внесмысловыми факторами (см. Слог и Акцентный член) и являются незначительными (ср. Акцентуация). Начиная от ступени звена выражают смысловое и формально-грамматическое (синтаксическое) членение речи, следовательно — знаменательны, и локализируются только на границах слов и словосочетаний.

Средствами раздела служат: 1) паузы, которые встречаются факультативно на всех ступенях акцентного членения, начиная звеном, в большинстве случаев принимают участие в разграничении рядов и цепей, но ни на одной ступени не обязательны; 2) темповые средства — ускорение темпа в конце периода и замедление в начале или наоборот, — применяющиеся факультативно на всех ступенях акцентного членения (см. Ряд); 3) мелодические средства (см. Мелодика речи) — повышение голоса в конце периода (по направлению к последнему лексическому ударению в периоде) и понижение в начале периода, нормально применяемое при разграничении рядов, и понижение или повышение голоса (в зависимости от типа предложения — повествова-

тельного, вопросительного и т.д.), обязательное в конце цепи; 4) динамические средства (см. Динамика речи), весьма обычные при разграничении цепей, а также мелодически восходящего и мелодически нисходящего ряда, — увеличение относительной громкости и общей произносительной напряженности в начале периода и уменьшение в конце и, наоборот, увеличение относительной громкости и общей произносительной напряженности к концу периода (по направлению к последнему лексическому ударению в периоде) и уменьшение в начале; так, нисходящее динамическое движение нередко наблюдается в заключительном акцентном ряде акцентной цепи (особенно в повествовательных предложениях), восходящее — в предшествующих рядах; 5) вариация слогового напряжения (см. Напряженность звуков речи и Слог), на которую опирается разграничение слогов. Акцентные разделы, начиная ступенью звена, обычно осуществляются путем совокупного действия нескольких факторов. Особенно тесно связаны мелодические и динамические средства, чаще всего действующие в одном направлении и почти неразделимые в слуховом восприятии. К ним примыкают и темповые средства раздела. Пауза никогда не выступает изолированно.

Сила акцентного раздела стоит в прямом отношении к порядку акцентного раздела — к месту, занимаемому им в акцентной градации, иначе говоря — к акцентному весу периода. Впечатление полного раздела создает только раздел между цепями. Разделы между акцентными периодами внутри цепи являются неполными или относительными. Иногда разграничение периодов (преимущественно — акцентных членов и звеньев) осуществляется без помощи какого-либо из перечисленных средств: акцентный период обладает ограниченной емкостью и при дальнейшем увеличении числа слогов расчленяется в восприятии слушающего, причем локализация разделов этих случаев отличается известной неопределенностью и субъективностью; существенную роль в локализации таких разделов играют ритмический фактор и факторы смысловые — словоразделы (ср. Акцентный член) и степень смысловой и формально-грамматической связанности смежных слов. Членение периода на более дробные периоды равного веса без помощи произносительно осуществляемого раздела нередко создает двойные или даже тройные периоды — двойные члены, двойные звенья и т.д.

Акцентные средства — произносительно-слуховые способы осуществления акцентной организации речи, т.е. 1) распределение акцентного веса между слогами и акцентными периодами в тесном смысле; 2) акцентные разделы; 3) взаимное противопоставление акцентных периодов при помощи: а) мелодических средств (см. Мелодика речи); б) непрерывного действия относительной громкости и соответствующей вариации напряженности (см. Динамика речи); в) темпа речи. Акцентные средства служат в то же время и средствами интонации.

Акцентный вес слога — количественная оценка относительной роли слога в акцентной организации 1) слова, 2) фразы и более дробных акцентных периодов. Основным фактором акцентного веса слога является акцентная напряженность слога (т.е. ряда звуков, образующих слог), причем в качестве фактора абсолютной напряженности акцентная напряженность оказывается сильнее собственной напряженности звука и уступает только напряженности нейтральной. Производными факторами акцентного веса слога, вызываемыми действием основного фактора, являются степень полноты и отчетливости артикуляции (ср. Редукция) и степень относительной громкости слога (см. Динамика речи). Зависимость относительной громкости от акцентного веса объясняется тем, что акцентная напряженность не исчерпывается напряженностью ртовых органов, т.е. напряженностью в тесном смысле, а распространяется на весь произносительный аппарат. О способе изменения акцентной напряженности для дифференцирования слогов по акцентному весу см. Динамика речи.

Акцентный вес слога, определяемый основными факторами — напряженностью с вызываемыми ею производными факторами (степенью полноты артикуляции и степенью громкости), называем первичным акцентным весом. От него отличаем общий вес, или вторичный акцентный вес, создаваемый более обширной совокупностью факторов, из которых самым важным является первичный акцентный вес. Дополнительные факторы, принимающие участие в образовании вторичного акцентного веса слога, — 1) скопление согласных, увеличивающее акцентный вес (фактор, существенный для немецкого языка); 2) долгота звуков, действующая в том же направлении, и главным образом долгота слогаобразующего звука (фактор, действующий в языках, различающих долготу и краткость гласных); 3) ме-

лодический вес слога (см. Мелодика речи); 4) положение перед знаменательным акцентным разделом, увеличивающее акцентный вес слога.

Смысловая функция акцентного веса (т.е. его интонационная функция, см. Интонация) осуществляется тем путем, что акцентный вес господствующего в слове слога приписывается всему слову, а акцентный вес слога, господствующего в акцентном периоде, — всему акцентному периоду. Таким образом, наряду с акцентным весом слогов различается акцентный вес акцентных периодов. В связи с этим необходимо различать фразовый и лексический акцентный вес слога. Фразовый акцентный вес слога определяется путем сравнительной оценки акцентного веса слогов, образующих данную фразу, лексический акцентный вес слога — путем сравнительной оценки акцентного веса слогов, образующих данное слово. Лексический акцентный вес слога обусловлен сполна словарем и грамматикой данного языка и действующими в нем нормами распределения напряженности при сочетании слогов (см. Ударение) и не зависит от воли говорящего; фразовый акцентный вес слога обусловлен не только акцентной структурой сочетающихся слов (т.е. распределением в них лексического акцентного веса), приводящей в действие ритмический фактор, но и главным образом смысловыми условиями акцентной структуры фразы; поэтому фразовый акцентный вес слогов определяется в значительной мере волей говорящего — членением его мысли и субъективной оценкой важности понятия, выражаемого теми или иными словами, а также его индивидуальными речевыми привычками и стилем речи (ср. Акцентуация и Ударение). Из числа указанных выше факторов акцентного веса положение перед знаменательным акцентным разделом, а в русском, немецком и французском языках также и мелодический фактор, влияет только на фразовый акцентный вес; ритмическая тенденция обнаруживается во фразовом акцентном весе явственней, чем в лексическом; фактор напряженности является основным как для лексического, так и для фразового акцентного веса.

Акцентный период см. Акцентуация.

Акцентный ряд см. Ряд.

Акцентный член (по-немецки *Glief*) — вторая ступень акцентного членения в восходящем порядке (см. Акцентуация), занимающая место между слогом и акцентным звеном.

Акцентный член определяется как минимальная группа слогов, подчиненная в акцентном отношении одному более вескому слогу (ср. Акцентный вес слога). В отличие от акцентных периодов более высокого порядка, акцентный член может быть лишен акцентной вершины (ср. Акцентуация). Такие акцентные члены, не обнаруживающие дифференциации слогов по акцентному весу, встречаются преимущественно среди подчиненных членов в составе сложного члена (см. Акцентуация) и соподчиненных членов в составе двойных и тройных членов (см. Акцентные разделы). Факторы членения звеньев на акцентные члены: 1) объем звена: при значительном объеме (измеряемом числом слогов) звено распадается на члены; 2) относительный акцентный вес слогов, образующих звено: совмещение в звене двух слогов равного веса, притом не стоящих на самых низких ступенях акцентного веса, вызывает распад звена на члены; 3) темп речи; 4) экспрессивные паузы, неизбежно вызывающие раздел. Локализация раздела между акцентными членами определяется равнодействующей следующих факторов: 1) тенденции к совмещению раздела между акцентными членами со словоразделом; 2) тенденции к локализации раздела перед господствующим слогом следующего акцентного члена; 3) ритмической тенденции. Раздел между акцентными членами может возникнуть также в результате длительной артикуляторной паузы, вызываемой образованием долгого смычно-взрывного согласного. Ср. Акцентуация, Акцентные разделы, Речевой такт.

Акцентология см. Фонетика.

Акцентуация (иначе — акцентная организация речи, акцентное членение речи) — система произносительных работ, организующих отдельные звуки в связанное и расчлененное звучание. Акцентуация определяет акцентную структуру отдельных языковых единиц — фраз, слов, в некоторых языках — также и морфем. Виды произносительных работ, осуществляющих акцентуацию в данном языке, называются его акцентными средствами.

При помощи акцентных средств речь расчленяется на акцентные периоды, образующие в пределах фразы более или менее сложную систему господствующих, подчиненных и соподчиненных единств. Элементарным акцентным периодом является слог. Роль каждого слога в акцентной организации слова и фразы определяется его акцентным весом. Подобно тому как слог образуется путем группировки

отдельных звуков вокруг слоговой вершины, дальнейшие ступени акцентного членения — акцентные периоды в тесном смысле — образуются путем группировки слогов вокруг господствующего слога периода — слога, несущего ударение периода, иначе — вокруг акцентной вершины периода; при этом возможны и односложные периоды, состоящие из одного ударного слога (необходимую оговорку см. в статье Акцентный член). Каждый высший период включает в себя подчиненные ему низшие периоды, объединяемые более слабыми ударениями, и граница высшего периода всегда совпадает с границей низшего. Акцентный вес господствующего слога периода определяет акцентный вес самого периода. Последовательная восходящая градация акцентных периодов: слог—акцентный член—акцентное звено—акцентная цепь (фраза). Каждый период может быть простым или сложным, расчленяющимся на господствующий и подчиненный период одной квалификации (например, сложное звено, расчленяющееся на господствующее и подчиненное звено). О двойных и тройных периодах см. Акцентные разделы. В коротких фразах те или иные ступени акцентного членения могут совпадать, вплоть до совмещения в одном периоде высшей ступени акцентного членения — акцентной цепи (фразы), с элементарным акцентным периодом — слогом; при этом с точки зрения акцентного веса периода и акцентного раздела низший период приобретает квалификацию поглощающего его высшего периода. О разграничении акцентных периодов см. Акцентные разделы.

В членении речи на слоги и акцентные члены смысловые и формально-грамматические факторы играют незначительную роль, и эти ступени акцентного членения могут быть охарактеризованы как незначительные (т.е. не связанные непосредственно со смысловой стороной речи). Дальнейшие ступени акцентного членения, начиная звеном, непосредственно отражают членение мысли в сознании говорящего и являются в этом смысле знаменательными.

Акцентуация служит средством фонетической организации не только фраз, но и отдельных слов, которые, не образуя в связной речи обособленных акцентных периодов, в то же время являются акцентными единствами (см. Слово). Поэтому надо различать фразовую акцентуацию и акцентуацию слова (см. Ударение). Акцентуация слова строго фиксирована словарем и грамматикой языка (см. там же);

в области фразовой акцентуации фиксированы только общие принципы, и акцентуация каждой конкретной фразы в значительной мере зависит от членения мысли в сознании говорящего и от его оценки степени важности того или иного выражаемого им понятия или суждения (ср. Акцентный вес слога и Ударение). Это различие является следствием различного отношения слов и фраз к системе языка: слова входят в состав языковой системы; фразы же представляют собой использование слов как элементов этой системы говорящими для выражения мыслей; словесный состав каждой конкретной фразы зависит от потребностей и воли говорящего, и языковая система фиксирует только способы сочетания слов во фразы — определенные шаблоны, из которых говорящий выбирает соответствующие содержанию его мысли в каждом конкретном случае (ср. Слово и Предложение). О различиях в акцентуации слова по отдельным языкам см. Ударение. Во фразовой акцентуации различия языков обнаруживаются в отношении нормального объема периодов (ср. Звено), распределения акцентного веса внутри периодов (ср. Ударение, о месте фразовых ударений во французском языке), в мелодических движениях в пределах периодов.

Акцентная система используется не только в целях организации речи, но также и для непосредственного выражения определенных значений. Рассматриваемая под этим углом зрения, акцентуация является главнейшим элементом интонации (ср. Акцентно-интонационная система языка). Вместе с интонацией акцентуация является главнейшим фактором фонетического стиля речи.

Альвеолы см. Активные и пассивные органы речи, Альвеолярные согласные.

Альвеолярные согласные см. Дорсальные и корональные согласные.

Альтернанты см. Фонетическое чередование.

Альтернативный ряд см. Фонетическое чередование.

Альтернация см. Фонетическое чередование.

Антропофоника — отдел фонетики, изучающий материальную, произносительно-слуховую сторону фонетической системы языка в отвлечении от использования произносительно-слуховых образований для выражения значений. Однако подлежащие изучению в антропофонике элементарные единицы — звуки речи, а тем более их сочетания в высшие единства — устанавливаются в зависимости

от их использования в смысловых целях. Антропофоника изучает обе стороны произносимой и слышимой речи — произносительную деятельность (фонацию) и звучание, каждую в отдельности и в их взаимной связи, и потому пользуется методами естественных наук — физиологии и акустики, но предмет ее изучения определяется социальной функцией языка. В антропофонике применяются физиологические и акустические приборы; совокупность этих приемов исследования носит неточное название экспериментальной фонетики; в действительности это не более как один из методов фонетики — инструментальный метод. Ср. Фонология.

Об употреблении термина «антропофоника» в других значениях см. Фонетика.

Антропофоническая категория см. Фонетическая категория.

Артикуляционная база языка (иначе — органическая база языка) — совокупность произносительных признаков, лежащих в основе всех или значительной части произносительных работ данного языка. Артикуляционная база в известной мере зависит от свойственного данному языку пассивного уклада органов речи, значительно варьирует по языкам и устанавливается путем сравнения наиболее общих признаков произношения разных языков. Так, для английского языка — более переднее положение массы языка сравнительно с русским и немецким. В английском и немецком кончик языка тяготеет к корональной (альвеолярной) артикуляции, в русском и французском — к дорсальной. Губные работы отличаются наибольшей энергичностью во французском языке, наименьшей — в английском. Во французском языке артикуляции отличаются значительной точностью и отчетливостью. Немецкий язык выделяется значительной общей напряженностью артикуляций. Все это — существенные элементы артикуляционной базы. Артикуляционная база входит как составная часть в фонетическую базу языка.

Артикуляция — совокупность произносительных работ, создающих установку органов речи, необходимую для произнесения того или иного звука речи, — установку звука. Описание артикуляции включает следующие признаки: положение губ, уклад языка, положение мягкого нёба, уклад голосовой щели. При этом одинаково существенны как активные работы каждого из этих органов, так и пассивность

того или иного органа. Работа органов дыхания не требует учета, так как она не связана с качеством отдельных звуков. В составе артикуляции различаются основная работа и дополнительные, или добавочные, работы. При участии в артикуляции работы языка последняя принимается за основную работу, так как язычные работы отличаются наибольшим разнообразием и дают основу для наиболее детальной классификации. При пассивности языка и участии в артикуляции работы губ по той же причине за основную работу принимается работа губ. К числу дополнительных работ относят также и палатализацию — смягчение согласных (см. Твердые и смягченные согласные) — в тех языках, где, как в русском, в отличие от английского, немецкого, французского, взаимно противопоказаны парные твердые и смягченные согласные, хотя в язычных согласных палатализация, строго говоря, является не дополнительной работой, а модификацией места образования (см. Твердые и смягченные согласные).

Ассимиляция звуков (иначе — уподобление звуков) — дивергенция, основанная на фонетических нормах данного языка, в силу которых определенные звуки или звуки, принадлежащие к определенной фонетической категории, вступают в сочетания только с такими звуками, которые обладают известными, общими с ними произносительными признаками (т.е. принадлежат к той же фонетической категории, образованной на основе данного знака). Вследствие этого требования при сочетании морфем (т.е. при словоизменении и словообразовании) тот или иной из звуков, входящих в соприкосновение на границах морфем, заимствует определенные произносительные признаки от смежного звука, иначе говоря, заменяется другим звуком, обладающим общими произносительными признаками как с тем звуком, на месте которого он возникает (с ассимилируемым звуком), так и с тем, в направлении которого изменяется артикуляция (с ассимилирующим звуком).

В зависимости от взаимного расположения звука, вызывающего ассимиляцию, и звука, подвергающегося ассимиляции, различается ассимиляция: 1) регрессивная (ассимилируемый звук предшествует ассимилирующему); 2) прогрессивная (ассимилируемый звук следует за ассимилирующим); 3) двусторонняя (ассимилируемый звук расположен между двумя ассимилирующими). В русском языке, особенно богатом ассимиляциями, а также во французском преоб-

ладает регрессивная ассимиляция, в английском — прогрессивная, в немецком — в одинаковой мере представлены оба эти вида ассимиляций.

Примеры. Регрессивная ассимиляция: дивергенция глухих и звонких согласных в русском, немецком и французском языках (недопустимость звонкого согласного в конце слова в русском и немецком языках объясняется действующей в этих языках нормой, согласно которой артикуляция конечного звонкого шумного согласного уподобляется по признаку глухости—звонкости следующему за произнесением изолированного слова дыхательному укладу голосовой щели при немом дыхании (при пассивном укладе органов речи); дивергенция твердых и смягченных согласных в русском языке; дивергенция гласных в положении после твердых и смягченных согласных в русском; дивергенция свистящих и шипящих в русском. Прогрессивная ассимиляция: дивергенция глухих и звонких согласных в английском языке; полувзвонкость согласных в немецком (замена звонкого согласного полувзвонким в начале слова) представляет собой ассимиляцию начальной части звонкого согласного дыхательному укладу голосовой щели, который предшествует (при пассивном укладе органов речи) произнесению изолированного слова; дивергенция согласных [ç] и [x] в немецком (см. Заднеязычные согласные); дивергенция гласных в положении после твердых и смягченных согласных в русском. Двусторонняя ассимиляция: дивергенция полувзвонких и звонких согласных в положении между звонкими звуками в немецком; дивергенция глухого и звонкого [h] в немецком (см. Голосовая щель, п. 4); дивергенция гласных в положении между смягченными согласными в русском.

Чаще всего ассимиляция бывает неполной, т.е. сводится к замене того или иного звука другим звуком, только по известному признаку совпадающим с ассимилирующим звуком, при сохранении всех остальных признаков звука ассимилируемого. С полной ассимиляцией, т.е. заменой того или иного звука звуком, вполне тождественным ассимилирующему звуку, встречаемся лишь в том случае, если оба звука различаются между собой только по одному признаку; такой случай представляет, например, ассимиляция свистящего щелинного согласного последующему щелинному шипящему в русском языке.

Аффикс см. Морфема.

Аффрикаты см. Смычно-щелинные звуки.

Б

Барабанящие согласные см. Ударные звуки.

Безголосные звуки см. Глухие и звонкие звуки.

Безударные гласные см. Ударный гласный, Редукция, Звуки неполного образования.

Безударные слова (иначе — неударяемые слова) — слова, лишенные ударения и в акцентном отношении примыкающие либо к последующему слову (проклитики), либо к предшествующему (энклитики). К числу проклитик относятся односложные предлоги (в русском языке — также предлоги, состоящие из одного согласного, — *в, с*), союзы, частицы, артикли, во французском языке — также личные местоимения при глаголе. К числу энклитик относятся русские частицы: *-ка, же, бы, -де, мол*, немецкая частица *mal* и т.д. Немецкая отрицательная частица *nicht* употребляется в одних случаях энклитически, в других — проклитически. Во французском языке в силу принципа наконечного ударения безударные слова возможны только в форме проклитик. Двусложные и многосложные слова тех же разрядов являются либо безударными, либо слабоударными, иначе — слабоударяемыми (несут второстепенное ударение). В русском языке в известных сочетаниях предлога с существительным ударение переходит с существительного на предлог: *на спину, по воду, из лесу* и т.п. Обладая одним из двух существенных признаков слова — способностью служить элементом предложения, они в то же время лишены другого его существенного признака — способности служить предложением (наравне с косвенными падежами имен, которые, однако, сохраняют эту способность в качестве лексем 2-й степени). Вместе с тем они лишены такого существенного фонетического признака слова, как ударение. Наконец, все они относятся к числу слов служебных. Совокупность этих признаков вынуждает рассматривать безударные слова как слова неполноценные.

Безударные слоги см. Ударный слог.

Билабиальные согласные см. Двугубные согласные.

Боковой взрыв (иначе — латеральный взрыв) — взрыв, осуществляемый путем образования каналов по бокам языка при сохранении смычки. В результате бокового взрыва смычно-взрывной согласный сменяется тесно примыкающим к нему боковым. Применяется во всех языках в сочета-

ниях типа (t) + (l), (d) + (l), а также — в связи с ассимилятивным перемещением вперед артикуляции заднеязычных согласных — в сочетаниях типа (k) + (l), (g) + (l). Ср. Носовой взрыв. См. Подумягкие согласные.

Боковые согласные (иначе — латеральные согласные) — смычно-проходные язычные согласные, в которых свободный переход образуется в форме двух каналов, ограниченных с одной стороны зубами, с другой — боками языка, масса которого сконцентрирована по направлению к средней продольной линии. Перечень боковых согласных см. в таблице, помещенной в конце книги, с. 174. Русское твердое {t}, не свойственное французскому, немецкому и английскому языкам, отличается от «европейского» (l) тем, что при переднеязычной смычке, одинаковой в обоих этих согласных, русский звук образуется при поднятой задней и вогнутой средней спинке языка. По месту образования боковые согласные являются преимущественно переднеязычными. Однако в южнофранцузском произношении встречается и среднеязычный боковой согласный.

Буквенное произношение — произношение, опирающееся на ошибочное убеждение в том, что буквенный, орфографический облик слов в точности соответствует их звуковому облику в правильном литературном произношении. Основанное на не критическом отношении к принципам письма, и прежде всего на игнорировании комбинаторных чередований и их необозначаемости в письме (см. Орфография), буквенное произношение никогда не бывает вполне последовательным: строгое проведение буквенного принципа произношения вступило бы в противоречие с фонетической базой языка и тем самым обнаружило бы для пользующихся им индивидов свою несостоятельность. Буквенное произношение является особенно опасным в тех языках, в которых, как это имеет место в русском, несоответствие между буквенным и звуковым составом слов выступает в замаскированной форме морфологического принципа правописания (см. Орфография). В английском и французском языках, где это несоответствие, очевидное для говорящих, основано на традиционности правописания (см. там же), число случаев, где может проявиться буквенное произношение, более ограничено. В тех языках, в орфографии которых более или менее широко представлен фонетический принцип (см. там же), опасность буквенного произношения близка к нулю.

В

Варианты см. Дивергенция, Фонема.

Вариационный ряд см. Дивергенция, Фонема.

Вариация см. Дивергенция.

Веляризация см. Веляризованные согласные.

Веляризованные согласные — согласные, в артикуляции которых принимает участие в качестве дополнительной работы подъем задней спинки языка по направлению к мягкому нёбу — веляризация. Примеры: русское твердое *л* (см. Боковые согласные), французское и английское *w* (см. Двугубные согласные).

Велярные гласные см. Гласные переднего, среднего и заднего образования. Велярный гласный в более тесном смысле — см. Редукция.

Взрыв — разрыв смычки, происходящий вследствие давления на смычку накопившегося позади нее выдыхаемого воздуха. Взрыв создает слуховой эффект в смычно-взрывных звуках, в крепком приступе гласных и, в ослабленной форме, совместно с фрикацией, в смычно-щелинных звуках.

Взрывные звуки см. Смычно-взрывные звуки.

Вибрирующие согласные см. Ударные звуки.

Вульгарное произношение (устаревший термин) см. Литературное произношение.

Выдержка см. Артикуляция.

Выдох см. Экспирация.

Высота голоса см. Голос, Мелодика речи.

Г

Гласные заднего образования или заднего ряда см. Гласные переднего, среднего и заднего образования.

Гласные и согласные — две основные категории звуков речи с точки зрения способа образования. Гласные образуются при относительно свободном проходе в полости рта для выдыхаемой воздушной струи (иначе: при отсутствии в полости рта сколько-нибудь значительных преград для выдыхаемой воздушной струи), согласные — при наличии в полости рта отчетливо выраженной преграды. Об относительности границы между гласными и согласными

ми (между преградой в форме узкой щели и узким свободным проходом) см. Щель. О месте образования гласных и согласных см. соответствующие статьи. Гласный звук определяется местом образования, степенью подъема языка в месте образования (см. Широкие и узкие гласные), наличием или отсутствием выдвигания губ (см. Лабиализованные и нелабиализованные гласные), поднятым или опущенным положением мягкого нёба; согласный звук определяется местом образования, способом образования, наличием или отсутствием вибрирования голосовых связок. С акустической (слуховой) точки зрения гласные при голосном произношении относятся к числу сонорных звуков, тогда как среди согласных встречаются как сонорные, так и шумные.

Гласные неполного образования см. Звуки неполного образования.

Гласные переднего, среднего и заднего образования (иначе — гласные переднего, среднего и заднего ряда, по-английски соответственно — front, mixed, and back vowels, в другой терминологии — палатальные, палато-велярные и велярные гласные, иначе — твердонёбные, средненёбные и мягконёбные гласные) — категории гласных по признаку места образования. Гласные переднего ряда образуются подъемом передней спинки языка, гласные среднего ряда — подъемом средней спинки, гласные заднего ряда — подъемом задней спинки; передняя спинка и кончик языка при образовании гласных пассивны. Установить строгие границы между указанными местами образования гласных не представляется возможным; в пределах каждой из указанных зон встречается и более переднее, и более заднее образование; те или иные гласные могут потребовать включения в номенклатуру промежуточных зон (заднесреднее образование и т.п.). Место образования гласных переднего ряда передвигается назад по мере расширения гласного (см. Широкие и узкие гласные); ср. наклонное направление линии, по которой расположены эти гласные, см. табл. 1, с. 173. Ср. Нейтральный гласный.

Гласные полного образования см. Звуки неполного образования.

Гласные среднего образования или среднего ряда см. Гласные переднего, среднего и заднего образования.

Глотка см. Произносительный аппарат.

Глухие и звонкие звуки (иначе — голосные и безголосные звуки) — соотносительные категории звуков речи с

точки зрения наличия или отсутствия в артикуляции вибрирования голосовых связок и соответственно в слуховом эффекте — звука голоса.

Глухие звуки произносятся при расширенном укладе голосовой щели, исключаящем возможность вибрирования голосовых связок, звонкие — при суженном укладе голосовой щели, т.е. при сближении голосовых связок, образующих ее края; сближенные голосовые связки представляют преграду для выдыхаемой воздушной струи и при прохождении последней через голосовую щель приходят в состояние вибрирования.

По признаку глухости—звонкости различаются пары звуков, принадлежащие по способу образования к категориям смычно-взрывных, щелинных и смычно-щелинных. Что же касается звуков смычно-проходных, ударных и свободно-проходных, то они нормально произносятся только при участии голоса, т.е. производимый ими локализованный шум очень незначителен и в глухом произношении их слуховой эффект трудноуловим (иначе говоря, эти звуки относятся к числу сонорных). Однако и шумные согласные в отдельных языках не всегда встречаются в обеих разновидностях — глухой и звонкой. Так, в русском звонкие соответствия глухим смычно-щелинным согласным встречаются только в строго ограниченных комбинаторных условиях (примеры приводятся ниже); очень ограничено в русском употребление звонкого соответствия глухим щелинным заднеязычным согласным [x] и [x']; в немецком звонкий согласный, соответствующий глухому щелинному заднеязычному [x], встречается только факультативно; в немецком глухие смычно-щелинные вовсе не имеют звонких соответствий, а звонкий согласный [ʒ] при широком употреблении соответствующего ему глухого [ʃ] встречается только в Hochsprache (литературный общенародный язык. — *А.Л.*), в словах, заимствованных из других языков: ср. Напряженность звуков речи; Полузвонкие согласные.

В русском и немецком языках глухие и звонкие согласные связаны дивергенцией: звонкие шумные согласные в этих языках не допускаются в конце слова (а в немецком даже и в конце слога) и в положении перед глухими согласными; попадая в эти положения при словоизменении и словообразовании, звонкие согласные заменяются соответствующими глухими: ср. рус. ['xl'ep] при ['xl'ebA], ['votkA] при (va'da), нем. [das'ra:t] при (des'ra:das), ['ent,gyltiç] при

(das'endə); однако в русском языке (но не в немецком) при тесном смыкании в связной речи двух слов, из которых последующее начинается звонким шумным согласным (кроме факультативно сонорных (j), (v), (v')), в конце предшествующего слова звонкий шумный согласный сохраняется, а глухой заменяется соответствующим звонким: ('xl'ɛbzɫ'brat'), ('brɫd'bɔl'n); кроме того, в русском языке глухой согласный заменяется соответствующим звонким в положении перед звонким шумным, кроме положения перед упомянутыми факультативно сонорными: ср. ('prɔz'bl) при ('pra's'it'), ('svad'bl) при ('svatət'); аналогичной замене подвергаются и глухие смычно-щелинные согласные, которые имеют в русском языке звонкие соответствия только в положении перед звонким шумным (ср. выше), например в слове *плацдарм*, в словосочетаниях *отец болен*, *врач заметил*. Во французском и английском языках звонкие шумные согласные свободно употребляются в конце слова: ср. французское (ko'mod) при русском (kl'mot), но в положении перед глухим согласным звонкий шумный во французском, как и в русском, заменяется соответствующим глухим: (ʃtə'vwa) je te vois; во французском наблюдается также замена глухого согласного звонким в положении перед звонким, например (anɛg'dɔt) anecdote. Все эти дивергенции представляют собой регрессивную ассимиляцию. Аналогичные примеры находим и в английском: ('faɪfrɛns) five pence; однако в английском преобладает прогрессивная ассимиляция; ср. форму род. пад. и мн. ч. ('dɔgz) dog's, dogs при форме ('kɪfs) cuff's, cuffs и далее — форму прош. вр. и др. ('si:zd) seized при форме ('rækt) packed. Впрочем, обе эти ассимиляции не охватывают в английском всех случаев стечения глухого и звонкого шумного согласного и распространяются только на отдельные слова и грамматические формы (см. Спорадическая дивергенция).

Голос — музыкальный звук, возникающий вследствие вибрирования голосовых связок, испытывающих давление выдыхаемой воздушной струи при суженном укладе голосовой щели, и усиливаемый в надставной трубе. По признаку наличия или отсутствия в составе артикуляции вибрирования голосовых связок, а в ее слуховом эффекте — звука голоса звуки речи делятся на звонкие и глухие. Голос является существенным фактором громкости звука: глухие звуки всегда тише звонких (ср. Шепот).

Сила голоса стоит в прямом отношении к амплитуде (размаху) колебаний голосовых связок, амплитуда, в свою очередь, зависит от силы давления на гортанную преграду (на сближенные голосовые связки) выдыхаемой воздушной струи. Сила давления зависит в одних случаях от силы выдоха, в других — от более или менее значительного сужения голосовой щели в пределах голосового уклада (см. Динамика речи).

Высота голоса стоит в прямом отношении к частоте колебаний голосовых связок, которая, в свою очередь, зависит от степени их напряжения и натяжения. Натяжение и напряжение голосовых связок осуществляются: 1) работой гортанных хрящей — наклоном щитовидного хряща вперед и поворотом пирамидальных хрящей во взаимно противоположные стороны и 2) сокращением заложенного в каждую из голосовых связок голосового мускула.

О смысловых функциях изменения силы и высоты голоса в процессе речи см. Динамика речи и Мелодика речи.

Голосная речь см. Шепот.

Голосные звуки см. Глухие и звонкие звуки.

Голосовая щель — полость в гортани, расположенная между стенками щитовидного хряща, соединенными под углом, образующим кадык, ниже — между двумя пирамидальными (иначе — черпаловидными) хрящами, укрепленными, так же как и щитовидный хрящ, на перстневидном хряще, служащем основанием гортани. По обеим сторонам щитовидного хряща с внутренней стороны тянутся прикрепленные позади к пирамидальным хрящам, а спереди сходящиеся во внутреннем угле кадыка две узкие ленты — голосовые связки (по одной с каждой стороны), состоящие из тончайших эластичных волокон. Благодаря подвижности пирамидальных хрящей голосовая щель может сужаться и расширяться. Отсюда возникают различные уклады голосовой щели, характеризующие образованием в гортани разного рода преград или свободного прохода для выдыхаемой воздушной струи: 1) расширенный, или дыхательный, уклад, при котором воздушная струя не встречает преград в полости гортани, имеет место при немом дыхании и глухих звуках; 2) незначительное сужение (шепотный уклад), при котором воздушная струя, преодолевая преграду, образуемую несколько суженной голосовой щелью, в результате трения воздуха о края голосовой щели создает шум, образующий глухой гортанный щелинный согласный [h] и при-

соединяющийся к шепотным звукам, заменяя в них звучание голоса (ср. Шепот); 3) суженный, или голосовой, уклад, вызывающий тесное сближение голосовых связок, образующих ее края; воздушная струя, встречающая преграду, образуемую голосовыми связками, приводит их в состояние вибрирования; в результате вызываемых этим вибрированием колебаний воздуха в полости гортани, в свою очередь приводящих в колебательное движение воздушные массы в более обширных полостях зева и рта, возникает музыкальный звук, называемый голосом и свойственный звонким звукам; 4) сужение голосовой щели в верхнем отделе (между голосовыми связками) и расширение в нижнем отделе (между пирамидальными хрящами) — уклад, при прохождении воздушной струи вызывающий сочетание шума трения в гортани со звуком голоса; таким путем образуется звонкая разновидность согласного (h), встречающаяся в немецком языке, наряду с глухой разновидностью, в положении между звонкими звуками (например, в словах Uhu, erheblich); 5) сомкнутый уклад, вызывающий плотное смыкание голосовых связок; разрывая эту преграду, воздушная струя создает специфический глухой взрывной шум, образующий крепкий приступ гласных. О вариации ширины голосовой щели в пределах расширенного и суженного укладов см. Динамика речи.

Голосовые связки см. Голосовая щель, Произносительный аппарат.

Гортанная смычка см. Крепкий и тихий приступ гласных.

Гортанные звуки — звуки, артикуляция которых исчерпывается работой органов гортани, т.е. образованием определенного уклада голосовой щели при пассивности ротовых органов. Таким образом, гортанная работа в этих звуках является не дополнительной, а основной. К числу гортанных звуков относится согласный (h) в глухой и в звонкой разновидности (см. Голосовая щель) и крепкий приступ гласных. Отнесение к числу гортанных звуков заднеязычных согласных (см. таблицу согласных на с. 174) является ошибкой, с которой нередко приходится встречаться в старых школьных учебниках. Так же и язычковые согласные, образуемые в полости зева, надо отличать от гортанных. В русском языке гортанных звуков нет.

Гортанный взрыв см. Крепкий и тихий приступ гласных.

Громкость речи см. Напряженность звуков речи, Динамика речи, Голос, Шепот, Темп речи.

Губно-губные согласные см. Двугубные согласные.

Губно-зубные согласные (иначе — зубно-губные, лабио-дентальные, денто-лабиальные согласные) — согласные, в артикуляции которых основной работой является смыкание нижней губы с верхним рядом зубов. Эта работа, несмотря на соприкосновение активного органа с пассивным, не создает затвора, так как выдыхаемый воздух истекает через щели между зубами. Таким образом, губно-зубные согласные относятся к числу щелинных звуков. В английском и французском языках, факультативно также и в немецком, в отличие от русского, при образовании губно-зубных согласных артикулирующая нижняя губа довольно значительно загибается назад. Смычно-щелинный [ф], свойственный немецкому языку, отличается от других губно-зубных двугубно-зубным образованием: он представляет собой двугубную смычку в сочетании с одновременным смыканием нижней губы и верхнего ряда зубов, разрешаемую путем ослабленного взрыва (см. Смычно-щелинные звуки) в описанную выше губно-зубную установку.

Губные согласные — согласные, в артикуляции которых основной работой является работа губ. Делятся на согласные двугубные и губно-зубные. При образовании губных согласных нижняя губа всегда служит активным органом; верхняя же губа является активным органом наряду с нижней только при образовании двугубного щелинного согласного.

Д

Двоегласный см. Дифтонг.

Двугласный см. Дифтонг.

Двугубные согласные (иначе — губно-губные, билабиальные согласные) — согласные, в артикуляции которых основной работой служит работа обеих губ или (чаще) работа нижней губы в направлении верхней (см. Губные согласные). Из числа этих согласных веляризованный щелинный [w] употребляется во французском и английском языках и отсутствует в русском и немецком; второй двугубный щелинный представляет собой смягченную разновидность первого (конечно, с устранением заднеязычной работы) и употребляется только во французском языке. О двугубной

смычке в немецком смычно-щелинном еогласном {φ} см. Губно-зубные согласные.

Двукорневые слова см. Сложные слова.

Денто-лабиальные согласные см. Губно-зубные согласные.

Диалектальное произношение см. Литературное произношение.

Диахроническая фонетика см. Фонетика.

Дивергентный ряд см. Дивергенция, Фонема.

Дивергенты см. Дивергенция, Фонетическое чередование, Фонема.

Дивергенция — один из двух основных видов фонетического чередования — комбинаторное, или позиционное, чередование, иначе — механическое чередование, фонетическое чередование, определяемое свойственными данному языку в определенную эпоху комбинаторными условиями и поэтому не связанное непосредственно с выражением и изменением значений. Так как дивергенция вызывается комбинаторными условиями, т.е. фонетическими условиями, определяющими допустимость или недопустимость употребления в данном языке тех или иных звуков или фонетических категорий, то она может быть определена как действующее в данном языке на данном этапе его развития отношение между парой определенных звуков (или фонетических категорий), в силу которого в определенных комбинаторных условиях допустим один из этих звуков (или одна из этих фонетических категорий) и недопустим другой (или недопустима другая) — общее определение дивергенции. Из этого определения явствует, что дивергенты, т.е. звуки и фонетические категории, связанные дивергенцией и образующие в совокупности дивергентный ряд, употребляются во взаимоисключающих комбинаторных условиях. Такие условия создаются при сочетании морфем в слова. Этим вызываются многочисленные дивергенции при словообразовании и словоизменении.

Дивергенция проявляется в русском, немецком, английском и французском языках либо как ассимиляция, либо (в наиболее развитой форме — в русском) как редукция. Поэтому дивергенты в этих языках на данном этапе их развития всегда обладают более или менее значительным сходством по произносительно-слуховым признакам; однако это утверждение является только эмпирическим обобщением

ограниченного круга явлений и не служит необходимым признаком дивергенции в любом языке в любую эпоху.

Различные языки отличаются более развитой или менее развитой системой дивергенции. Русский, немецкий, английский и французский языки образуют с этой точки зрения последовательный нисходящий ряд.

Примеры дивергенции см. в статьях *Ассимиляция звуков*, *Глухие и звонкие звуки*, *Твердые и смягченные согласные*, *Свистящие и шипящие согласные*, *Полузвонкие согласные*, *Заднеязычные согласные*, *Редукция*. Ср. *Факультативная дивергенция*, *Спорадическая дивергенция*.

Различие между дивергентами не способно служить ни единственным, ни основным признаком для различения пары слов (лексем 1-й степени) или морфем, так как это различие является производным: оно обусловлено различиями в морфологическом (а следовательно, и в звуковом) составе слов или местом ударения в слове; поэтому оно обычно не замечается говорящими, хотя они и пользуются этим различием бессознательно как дополнительным признаком для различения слов: слова узнаются по их общему звуковому облику, и замена в составе слова одного дивергента другим, с одной стороны, нарушит общий облик слова, а с другой — помещая тот или иной звук в несвойственные ему комбинаторные условия, создаст необычное для данного языка звучание и этим затруднит узнавание слова.

Различие между дивергентами в одних случаях не несет функции непосредственного различения знаменательных языковых единиц в отношении данной пары слов или морфем, но способно служить основным признаком различения в отношении других пар; иначе говоря, дивергенты в этом виде дивергенции взаимно исключают друг друга в одних комбинаторных условиях и равно допустимы в других. Ср., с одной стороны, рус. {ʔət} год — {ˈɡoda} года (дивергенция {t}||{d}), см. *Глухие и звонкие звуки*), с другой — {ˈtəm} том — {ˈdɔm} дом, {ˈtam} там — {ˈdam} дам (различие между {t} и {d} — единственный признак для различения слов). Такие дивергенции называют дивергенциями 2-й степени, а образующие их звуки и фонетические категории — дивергентами 2-й степени. В других случаях различие между дивергентами ни в одной паре слов или морфем данного языка не служит основным признаком для различения, всегда является обусловленным производным; иначе говоря: дивергенты в этом виде дивергенции встречаются только во вза-

имоисключающих комбинаторных условиях, и нет таких комбинаторных условий, в которых были бы допустимы оба дивергента: ср. дивергенцию [a]||[a] в русских словах ('brat) брат — ('brat') братъ (см. Твердые и смягченные согласные) или дивергенцию [x]||[ç] в немецких словах ('dax) Dach — ('dɛçəŋ) Dächer (см. Заднеязычные согласные). Дивергенцию, члены которой (дивергенты) встречаются только во взаимоисключающих комбинаторных условиях, или, что то же, дивергенцию, в которой различие между дивергентами всегда является производным и поэтому не способно служить единственным или основным различием между какой-либо парой слов или морфем, называем дивергенцией 1-й степени, или вариацией. Звуки, связанные дивергенцией 1-й степени, или вариацией, называются дивергентами 1-й степени, или вариантами; совокупность этих звуков образует дивергентный ряд 1-й степени, или вариационный ряд. Звуки, связанные дивергенцией 2-й степени (дивергенцией в тесном, или собственном, смысле), называются дивергентами 2-й степени, иначе — дивергентами в тесном, собственном смысле; совокупность их образует дивергентный ряд 2-й степени, или собственно дивергентный ряд. Ср. Фонема.

Динамика речи — изменения напряженности произносительных работ в процессе речи, не зависящие от способа образования отдельных звуков; иначе — изменения нейтральной и акцентной, а тем самым и абсолютной непроизносительной напряженности. Не учитывая свойств отдельных звуков, динамика речи тем самым оценивается только в акцентных периодах, начиная с элементарного акцентного периода — слога, и в последовательных рядах акцентных периодов, т.е. в более или менее обширных отрывках связной речи. Изменением абсолютной напряженности вызывается изменение в том же направлении громкости речи — при условии сохранения голосности (или безголосности), так как голосная речь всегда громче шепота. Поэтому динамика речи с известным приближением может быть определена как изменение громкости, поскольку последнее не зависит от артикуляции отдельных звуков.

Надо различать общую громкость речи и громкость относительную, распространяющуюся на отдельные акцентные периоды в пределах фразы, и соответственно — общую и относительную динамику. Общая громкость речи, при равных условиях глухости—звонкости, зависит от силы

выдоха и связанной с ней нейтральной напряженности. Относительная громкость проявляется двойким образом — в прерывном и непрерывном действии. Прерывное действие относительной громкости, как и акцентной напряженности, состоит в дифференцировании и взаимном противопоставлении слогов по акцентному весу и регулируется шириной голосовой щели — как в пределах голосового уклада, так и в пределах дыхательного уклада: чем более сужается голосовая щель при голосовом укладе, тем более плотную преграду встречает в гортани выдыхаемая воздушная струя, тем сильнее производимые ею колебания голосовых связок и тем громче звук голоса; чем шире голосовая щель при дыхательном укладе, тем свободнее она пропускает выдыхаемую воздушную струю, которая, не израсходовав сколько-нибудь заметной доли своей энергии в полости гортани, требует от ртовых преград значительной напряженности и, преодолевая их, вызывает относительно громкий звук: ср. различие глухих и звонких звуков по напряженности. Непрерывное действие относительной громкости состоит в динамических движениях — в постепенном изменении громкости (*crescendo* и *diminuendo*) на протяжении обширных акцентных периодов и в зависимости от диапазона изменений пользуется тем или другим способом вариации (силой выдоха или шириной голосовой щели). Непрерывное действие относительной громкости, независимо от дифференциации слогов по акцентному весу (независимо от прерывного действия), играет известную роль в акцентуации (см. Акцентные средства и Акцентные разделы). Очень значительна роль динамики и в интонации. Функции непрерывного действия относительной громкости отличаются значительным сходством в разных языках. Динамика речи обуславливает величину интервалов (см. Мелодика речи) и при известных условиях — темп речи. Кроме того, динамические движения связаны с мелодической тенденцией к параллелизму (см. Мелодика речи).

Динамико-мелодические движения см. Мелодика речи.

Динамические движения см. Динамика речи.

Дифтонг, иначе — двугласный, двоегласный.

Длительность звуков см. Долгие и краткие звуки.

Длительные звуки см. Мгновенные и длительные звуки.

Добавочные работы см. Артикуляция.

Долгие и краткие звуки — категория звуков речи, противопоставленных при прочих более или менее равных ус-

ловиях по принципу большей или меньшей длительности артикуляции. В длительных звуках (которые не следует смешивать с долгими) увеличение длительности артикуляции (долгота звука) создает соответствующий слуховой эффект; в мгновенных звуках увеличение длительности артикуляции может распространяться только на смычку, неизбежно увеличивая ее напряженность и отражаясь вследствие этого в слуховом эффекте в форме увеличения громкости (ср. Динамика речи).

Использование противопоставления звуков по долготы и краткости различно в разных языках. Различие между долгими и краткими гласными фонематизовано в немецком, английском и французском языках и только синтактизовано в русском. Ср. нем. ('zat) satt 'сыт' и ('za:t) Saat 'посев'; англ. ('sit) sit 'сидеть' и ('si:t) seat 'стул'; франц. ('bet) bette 'свекла' и ('bɛ:t) bête 'глупый' и 'животное' — при отсутствии аналогичных примеров в русском. В немецком и французском языках все гласные, кроме [ə] (см. Звуки неполного образования), в немецком — дифтонгов и во французском — носовых гласных, являются парными по признаку долготы и краткости. При этом в немецком все долгие и соответствующие краткие гласные, кроме [a], несколько различаются и по способу образования — в том смысле, что долгие гласные являются более узкими, чем соответствующие краткие. Во французском между долгими и соответствующими краткими гласными также наблюдаются известные различия по способу образования, но они носят менее систематический характер и гораздо менее значительны, чем в немецком. В английском языке различение долгих и кратких гласных носит менее регулярный характер: только два гласных — [i] и [u] — могут быть признаны парными по признаку долготы и краткости; все остальные гласные являются либо всегда долгими: [a:], [ɔ:], [ə:], либо всегда краткими: [e], [æ], [ɔ], [ʌ], [ə]; гласные [ɔ:] и [ə:] настолько отличаются по артикуляции от гласных [ɔ] и [ə], что не могут быть признаны их долгими разновидностями. Все долгие гласные, кроме [a:] и [ɔ:], в английском дифтонгизируются: постепенно сужаясь или расширяясь, они заканчиваются звуком, ощутимо отличающимся по качеству от начальной части гласного, образуя таким путем нисходящий дифтонг.

В немецком и английском языках долгие и соответствующие краткие гласные образуют фонемы, не связанные дивергенцией. Во французском употребление гласных

той или другой категории ограничено известными комбинаторными условиями: конечный в слове гласный всегда краток, гласный конечного (ударного) слога в положении перед конечным в слове звонким щелинным согласным или (r) всегда долг; отсюда дивергенции: (e'pɪ) eroix — (e'pɪ:z) epouse, ('klo) clos — ('klo:z) close и т.п. В немецком и английском комбинаторные ограничения в употреблении долгих и кратких гласных обнаруживаются в форме тенденций, не создающих твердых норм; исключение в немецком составляет только одна позиция: гласный, несущий главное или второстепенное ударение в открытом слоге (в частности, в конце слова), всегда долг.

Вполне долгие гласные в немецком и французском языках употребляются только в ударных слогах (включая и слоги, несущие в немецком второстепенное ударение); в безударных слогах встречаются только краткие или полудолгие гласные. Полудолгие гласные в немецком связаны дивергенцией с соответствующими долгими и сохраняют узкое образование: ср. ('su:machən) zumachen и (su'fɔlgə) zufolge. Во французском полудолгие гласные связаны дивергенцией в одних парах слов с соответствующими краткими, в других — с соответствующими долгими: ср. ('grɔ) gros и (grɔ'si:r) grossir — и с другой стороны, в связи с зависимостью акцентного веса от его положения в акцентном периоде (см. Ударение): une chose с долгим (o:) (в изолированном произношении или в конце звена), но une chose étonnante с (o·) полудолгим. Таким образом, в немецком языке долгие и соответствующие полудолгие гласные являются вариантами одной и той же фонемы, а во французском полудолгие гласные служат субститутами соответствующих долгих и кратких.

В русском языке наблюдается вариация гласных по длительности: на слух иностранцев, привыкших различать долгие и краткие гласные в родном языке, русские гласные в открытом ударном слоге полудолги, в закрытом ударном слоге — кратки, в безударных слогах — сверхкратки (чрезвычайно кратки).

Долгие согласные широко применяются в английском языке, где они связаны дивергенцией с краткими: в ударном слоге в положении после краткого гласного конечный согласный долг, в положении после долгого гласного — краток: ср. ('sin) sin и ('si:n) seen. Кроме того, долгие согласные встречаются в английском, так же как в немецком,

французском и русском, на границе морфем и слов, произносимых без раздела, в результате стечения конечного согласного предшествующей морфемы с тем же согласным в начале следующей, ср. англ. *il-legal*, нем. *ent-täuschen*, *un-nötig*, франц. *il-legal*, рус. *от-толкнуть*, *убран-ный*. Для немецкого языка это положение является единственным, в котором возможны долгие согласные; во французском долгие согласные встречаются и в пределах одной морфемы в ограниченном числе слов (напр. *je mourrai*); в русском долгие согласные встречаются кроме указанного положения в заимствованных словах под влиянием орфографии, а в ряде случаев — и для дифференцирования слов (ср. *вилы* и *виллы*, *Ване* и *ванне*), причем во многих заимствованных словах долгота согласного факультативна; долгие шипящие смягченные (долгие и смягченные *ш'* и *ж'*) встречаются в любом положении (напр., в словах *щи*, *вожжи*, *сожжен*), причем а) глухой долгий согласный этой пары факультативно заменяется сочетанием краткого смягченного *ш'* (которое вне этого сочетания в смягченной разновидности не встречается: см. Твердые и смягченные согласные) с последующим шипящим смычно-щелинным *ч'* (который всегда смягчен, см. там же); б) звонкий долгий согласный этой пары факультативно заменяется соответствующим твердым (долгим твердым *ж'*); в) оба этих смягченных согласных не связаны дивергенцией с соответствующими твердыми. Во всех случаях, где долгие согласные находятся в положении между гласными (в других положениях они встречаются только в английском и в указанном случае в русском; произношение русского слова *класс* и т.п. с долгим конечным согласным является искусственным), слогораздел локализуется внутри долгого согласного.

Долгие согласные являются фонемами в тесном смысле (морфематическими фонемами) только во французском и в русском языках; в немецком и английском они представляют собой лексематические фонемы.

Длительность звуков используется во всех языках, в том числе и в русском, в качестве интонационного средства и тем самым синтактизуется. При этом обычно применяется сверхдолгота и сверхкраткость. Так, растяжение гласных наблюдается в интонациях, выражающих удивление или разочарование; сокращение гласных — в интонациях, выражающих решительность; удлинение согласных — в инто-

нациях, выражающих довольно различные эмоции и эффекты, а также и общий эмоциональный подъем.

Дополнительные работы см. Артикуляция.

Дорсальные и корональные согласные — две категории переднеязычных согласных, различаемые по признаку наличия активной работы кончика языка (корональные согласные) или отсутствия этой работы (дорсальные согласные). Корональные согласные, в свою очередь, делятся в зависимости от пассивного органа, по направлению к которому совершается артикуляция, на межзубные, или интердентальные, альвеолярные, или супрадентальные, и церебральные, или какуминальные, иначе — ретрофлексивные. При образовании межзубных согласных кончик языка находится непосредственно позади разомкнутых верхних и нижних зубов; так образуется пара английских щелинных согласных [ð] и [θ]. При образовании альвеолярных согласных кончик языка совершает работу по направлению к альвеолам верхних зубов; сюда относятся английские и немецкие согласные [t], [d], [n], [l], английские [s], [z] с соответствующими смычно-щелинными. При образовании церебральных согласных кончик языка загибается вверх, по направлению к твердому нёбу; к числу церебральных принадлежат согласный [r], английские, русские, французские и немецкие [ʃ], [ʒ] с соответствующими смычно-щелинными; оговорки о немецком [ʒ] и о русских звонких смычно-щелинных см. в статье Глухие и звонкие звуки; о русских смягченных церебральных — в статье Твердые и смягченные согласные; об отсутствии смычно-щелинных во французском языке — в статье Смычно-щелинные звуки. Дорсальными являются русские и французские смычные [t], [d], [n], русские, французские и немецкие щелинные [s] и [z] — и в русском, и в немецком с соответствующими смычно-щелинными, английские щелинные [ʃ] и [z] с соответствующими смычно-щелинными, русские и французские переднеязычные боковые. При образовании дорсальных согласных кончик языка может находиться позади верхних или позади нижних зубов; исключение составляют дорсальные щелинные и смычно-щелинные, при которых кончик языка должен быть опущен.

Доударные гласные см. Ударный гласный.

Доударные слоги см. Ударный слог.

Дрожащие согласные см. Ударные звуки.

Дыхательное горло см. Произносительный аппарат.

Ж

Живое чередование см. Дивергенция.

З

Заднеязычные согласные — согласные, в артикуляции которых основной работой является работа задней спинки языка по направлению к мягкому нёбу (ср. Активные и пассивные органы речи). Из этих согласных как в русском, так и в немецком, английском и французском языках представлены согласные смычно-взрывные. В немецком и английском существует заднеязычный носовой. Английский и французский языки лишены заднеязычных щелинных согласных. В немецком согласный (x) («Ach-laut») связан вариацией с глухим щелинным среднеязычным согласным (ç) («Ich-laut»); заднеязычный вариант употребляется только в положении после гласных заднего или нейтрального образования: ср. ('bu:x) Buch — ('by:çər) Bücher, ('laxən) lachen — ('lɛçəlŋ) lächeln. Стало быть, согласные (ç) и (x) образуют в немецком единую фонему. Вариация (ç)‖(x) представляет собой случай прогрессивной ассимиляции. Заднеязычный звонкий щелинный употребляется в немецком только факультативно (см. Факультативная дивергенция), наряду с соответствующим ему смычно-взрывным (g), в положении между гласным заднего или нейтрального образования с одной стороны и любым гласным — с другой, напр. в словах Tage, Lage; в конце слова или слога на месте звонкого заднеязычного щелинного в этих и других таких же словах по общему правилу (см. Глухие и звонкие звуки) появляется соответствующий ему глухой: ('ta:x), ('la:x) при строго литературном произношении ('ta:gə)‖('ta:k), ('la:gə)‖('la:k). В положении между гласным переднего образования или согласным (r) либо (l) с одной стороны и любым гласным — с другой согласный (g) в немецком связан факультативной дивергенцией со звонким щелинным среднеязычным согласным (ç), на месте которого в конце слова или слога либо перед глухим согласным появляется соответствующий ему глухой (ç): ('zi:jə) Siege — ('zi:ç) Sieg; ('li:jən) liegen — ('li:çst) liegst при строго литературном произношении ('zi:gə), ('zi:k), ('li:gən), ('li:kst). В русском литературном языке пара звонких

заднеязычных щелинных согласных (твердый и смягченный) употребляется факультативно (см. Факультативное произношение), наряду с соответствующей парой смычно-взрывных [g] и [g'], в нескольких словах церковного происхождения — *бога, благо* (в смягченной разновидности — *боге, благе*) и т.п. — и в конце слова заменяется соответствующим ему глухим [x] : ('bax) и т.п.; употребление его быстро идет на убыль. Обязателен звонкий заднеязычный щелинный согласный в русском литературном языке только в одном определенном положении: там, где он выступает в качестве дивергента соответствующего ему глухого [x], напр. в слове *двухгодичный* или в словосочетании *грех да беда* при условии слитного произношения без раздела. В южнорусском (т.е. не в образцовом) произношении смычно-взрывных заднеязычных согласных вовсе не существует, и на месте согласных [g] и [g'] литературного произношения в южнорусском во всех случаях произносятся соответствующие щелинные («хаканье»). О принадлежности твердых и соответствующих смягченных заднеязычных согласных в русском языке к составу одной фонемы см. в статье Фонема.

Зазубные согласные см. Переднеязычные согласные.

Закрытые гласные см. Широкие и узкие гласные.

Затвор см. Смычка.

Затворные звуки см. Смычные звуки.

Зударные гласные см. Ударный гласный.

Зударные слоги см. Ударный слог.

Звено (точнее — акцентное звено) — третья ступень акцентного членения в восходящем порядке (см. Акцентуация), занимающая место между акцентным членом и акцентным рядом. Звено определяется как минимальный акцентный период, стоящий в непосредственной зависимости от членения мысли в сознании говорящего и от ее формально-грамматического выражения. Таким образом, с точки зрения синтаксиса звено нормально совпадает со словосочетанием. Нормальный объем акцентного звена неодинаков в различных языках и в каждом языке колеблется в довольно широких пределах. Односложные звенья встречаются в каждом языке. Однако в среднем объеме звена в английском и немецком языках значительно больше, чем в русском и французском. Во французском языке звено чаще всего совпадает с акцентным членом (ср. Акцентуация).

О мелодическом движении внутри звеньев см. Мелодика речи. Ср. Акцентуация, Акцентные разделы, Речевой такт.

Звонкие звуки см. Глухие и звонкие звуки.

Звук речи — антропофоническая единица языка (ср. Антропофоника) — элементарное произносительно-слуховое образование, допускающее изолированное произнесение и применяемое в том или ином языке в качестве варианта той или иной фонемы или в качестве фонемоида. Каждый язык обладает определенным комплектом звуков, и ни один язык не обладает всеми существующими в разных языках звуками речи.

Фонетика почти никогда не учитывает всех конкретных произносительно-слуховых признаков звука и ограничивается теми признаками, которые определяются известной совокупностью фонетических категорий (т.е. совокупностью общих определений); не учитывается, например, разница между гласными слов *так* и *как*, зависящая от различия предшествующих согласных; не учитываются также индивидуальные колебания в артикуляции звуков, зависящие от речевых привычек говорящего и особенностей его произносительного аппарата. Поэтому те звуки, которыми оперирует фонетика как наука, являются, в сущности, фонетическими (антропофоническими) категориями, т.е. известными абстракциями. Абсолютной конкретностью обладает только реально произносимый и воспринимаемый слухом звук. См. Классификация звуков речи.

Звуки неполного образования — звуки, существенным признаком артикуляции которых является напряженность, не обусловленная способом образования (см. Напряженность звуков речи). Звукам неполного образования противопоставляются звуки полного образования. Звуками неполного образования являются все редуцированные звуки, как согласные, так и гласные. Гласные неполного образования встречаются только в безударных слогах. К числу гласных неполного образования относятся гласные среднего образования французского, немецкого и английского языков, обозначаемые в фонетической транскрипции одним и тем же знаком (ə), но соответствующие в разных языках не вполне одинаковым артикуляциям (более заднее образование в английском, более переднее в немецком и французском, причем в последнем несколько лабиализованное) и подвергающиеся известной ассимиляции под влиянием смежных звуков и в еще большей степени — в на-

правлении ударного гласного того слова, к которому при-
мыкают безударные.

Французский гласный [ə] не связан обязательной дивергенцией с другими гласными и потому образует особую фонему; он чередуется с фонетическим нулем: 1) наравне с другими гласными — в конце слова в положении перед гласным следующего слова в пределах того же звена (ср. *je vous écoute* и *j'écoute*, *je ne veux pas* и *je n'entends pas*, *le français* и *l'anglais*); 2) в порядке факультативного произношения — в зависимости от фонетического стиля речи и от ритмической тенденции акцентуации; кроме того, во всех стилях речи, за исключением быстрого разговорного, гласный [ə] во французском языке факультативно заменяется гласным [æ] или [ø]. Немецкий гласный [ə] факультативно чередуется с фонетическим нулем: 1) независимо от стиля речи: а) в конечном слове слова в положении между сонорными согласными или между шумным и сонорным согласным (в этих положениях в качестве дивергента выступает, строго говоря, рудиментарный гласный): ср. ('herən) или ('hɛrɛn) *Herren*, ('le:zən) или ('le:zn) *lesen*, ('e:zəl) или ('e:zl); б) в падежных окончаниях существительных и в окончании 1-го лица ед. ч. глаголов: *der Bube* или *der Bub'*, *dem Tische* и *dem Tisch*, *ich mache es* или *ich mach'es*; 2) в быстром разговорном стиле речи — в любом положении. Кроме того, гласный [ə] в быстром разговорном стиле речи спорадически факультативно заменяет любой безударный гласный или безударный дифтонг: ср. произношение слова *Fräulein* с гласным [ə] (или рудиментарным гласным) на месте дифтонга во втором слове. Поскольку гласный [ə] в немецком не вступает в обязательные регулярные дивергенции с другими гласными, он должен быть признан особой фонемой. В английском языке, напротив, гласный [ə] в результате недифференцированной редукции связан регулярной дивергенцией почти со всеми ударными гласными и поэтому, встречаясь в безударных слогах и вне дивергенций, является фонемоидом. Русские безударные гласные также представляют пример звуков неполного образования и с фонологической точки зрения оказываются фонемоидами.

Звуки полного образования см. Звуки неполного образования.

Звучание см. Фонация.

Зев см. Произносительный аппарат, Надставная труба.

Знаки препинания см. Пунктуация.

Знаменательность — наличие значения (непосредственной смысловой функции) у того или иного звукового образования — сочетания звуков, акцентного периода, мелодического движения (см. Мелодика речи), у того или иного звукового различия (см. Фонема), фонетического чередования и т.п.

Зубно-губные согласные см. Губно-зубные согласные.

Зубные согласные см. Переднеязычные согласные.

И

Иностраннный акцент см. Акцент.

Инструментальный метод см. Антропoфоника.

Интердентальные согласные см. Дорсальные и корональные согласные.

Интерпункция см. Пунктуация.

Интонационная система языка см. Интонация.

Интонационные средства см. Интонация, Акцентные средства.

Интонация — произносительно-слуховое выражение различных значений интеллектуального или эмоционально-волевого порядка, помимо лексических средств (т.е. словесного состава фразы), при помощи звуковой организации целой фразы, отдельных ее акцентных периодов или определенного способа произнесения (интонационной окраски) отдельных слов. Совокупность соответствующих произносительно-слуховых средств, интонационных средств, применяемых в данном языке, образует его интонационную систему (которую нередко называют «интонацией», употребляя этот термин в расширенном значении). Интонация является необходимым элементом всякой звучащей фразы (ср. Предложение и Пунктуация).

Фразовые значения, выражаемые при помощи интонации: повествовательное, вопросительное или восклицательное значение предложения, множество оттенков в пределах двух последних значений (неквалифицированный вопрос, вопрос при ожидании утвердительного ответа, удивленный вопрос и т.п., ирония, значения желанья, просьбы, повеления с различными их оттенками, многообразные эмоции — радость, нежность, гнев, досада, разочарование, обида, заинтересованность, изумление и т.д.), далее — противопоставление и сравнительная оценка важности отдельных

понятий или целых суждений, выражаемых теми или иными словами, словосочетаниями и фразами.

Интонация в значительной мере сводится к использованию акцентной системы языка в целях непосредственного выражения определенных значений (тогда как смысловая функция акцентуации является формальной, организующей и поэтому опосредованно-смысловой). Естественно, что в круг интонационных средств — произносительно-слуховых средств, при помощи которых выражаются указанные и т.п. значения, — входят прежде всего акцентные средства, организующие фразу: темп речи, тесситура, динамикомелодические движения, распределение акцентного веса (ср. Ударение), паузы. К числу интонационных средств относится также более общий произносительно-слуховой признак, возникающий в результате применения тех или иных акцентных средств, — степень акцентной расчлененности речи, тесно связанная с темпом и с динамикой речи. В качестве интонационного средства используются также вариация длительности звуков и вариация тембра голоса (который не следует смешивать с тембром отдельных звуков) в тех пределах, в которых они доступны индивиду. Интонация наряду с акцентуацией служит одним из важнейших факторов фонетического стиля речи.

Способы интонационного выражения эмоций, эффектов и волевых импульсов имеют общие биологические корни с мимикой и пантомимикой (с экспрессивными движениями) и потому обнаруживают значительное сходство в разных языках; гораздо более различаются по языкам интонационные выражения некоторых значений интеллектуального порядка (ср. Мелодика речи: о различии по языкам мелодем того или иного рода). Различия между интонационными системами разных языков в значительной мере обусловлены различиями акцентных систем: таковы, например, различия в системе фразового ударения, в объеме акцентных периодов (ср. Звено), в мелодических движениях. Интонация выражает преимущественно фразовые значения, а в отдельных словах — только такие значения и их оттенки, которые создаются самим говорящим. Поэтому интонация конкретных фраз и произносимых в связной речи слов субъективна в той же мере, что и акцентуация.

Кроме указанного значения термин «интонация» применяется еще в двух других значениях: 1) многие лингвисты, не различая формально-организующей и непосредственно-

выразительной функции одних и тех же произносительно-слуховых средств, обозначают термином «интонация» всю совокупность этих средств, которую мы расчлняем на акцентуацию и интонацию; термин «акцентуация» они сохраняют для обозначения явлений акцентуации слова, пользуясь термином «интонация» преимущественно в применении к фразе; 2) термином «интонация» в лингвистике нередко называют мелодику, создавая ненужный синоним и устраняя возможность терминологически удобного противопоставления акцентуации и интонации.

Интонирование см. Акцентно-интонационная система языка.

Инфлексия см. Мелодика речи.

Историческая фонетика см. Фонетика.

К

Кадък см. Произносительный аппарат, Голосовая щель.

Какуминальные согласные см. Дорсальные и корональные согласные.

Категория фонетическая см. Фонетическая категория.

Качество звука — то же, что тембр звука (см. Резонатор).

Классификация звуков речи как произносительно-слуховых единиц языка опирается на произносительные признаки, так как они легче доступны научному наблюдению, чем признаки слуховые, а потому более изучены и практически (при описании и изучении звуковой стороны того или иного языка) более важны. Основные критерии классификации — способ образования и место образования звука; о других признаках см. Гласные и согласные.

Колеблущееся произношение см. Факультативное произношение.

Комбинаторное чередование см. Дивергенция.

Комбинаторные условия (иначе — позиционные условия, позиция, положение) — фонетические условия, определяющие допустимость или недопустимость употребления в данном языке тех или иных звуков или целых фонетических категорий и тем самым определяющие в каждом конкретном случае выбор между звуками данной фонетической категории, а стало быть, и замену одного определенного звука в составе морфемы другими морфемами (см. Дивергенция). Комбинаторные условия разнообразны: в их число

входит смежность с определенными звуками или со звуками определенных фонетических категорий (ср. Ассимиляция звуков), положение гласного звука в ударном или безударном слоге (см. Ударение и Редукция), в открытом или закрытом слоге (см. Редукция), в начале, внутри или в конце слова (см. Редукция).

Кончик языка см. Язычные согласные, Дорсальные и корональные согласные, Гласные переднего, среднего и заднего образования.

Корень слова см. Морфема.

Корень языка см. Произносительный аппарат.

Коронально-церебральный гласный см. Редукция.

Корональные согласные см. Дорсальные и корональные согласные.

Краткие звуки см. Долгие и краткие звуки.

Крепкий и тихий приступ гласных (иначе — твердый и мягкий приступ гласных) — два различных способа начинать гортанную работу при артикуляции гласного звука. Гласный, произносимый с тихим приступом, начинается при суженном (голосовом) укладе голосовой щели, с крепким приступом — при сомкнутом укладе, который после взрыва сменяется голосовым укладом. Взрыв гортанной смычки — смычки голосовых связок (гортанный взрыв), при помощи которого осуществляется крепкий приступ, создает специфический глухой шум, предшествующий гласному (по-немецки — Knacklaut). В русском, французском, английском языках крепкий приступ нормально не применяется. В немецком крепкий приступ применяется в следующих случаях: 1) при начальных в слове ударных гласных (напр., "Abend); 2) в начальных ударных гласных корня после приставки (напр., Er"innerung).

Л

Лабиялизованные и нелабиялизованные гласные (иначе — округленные и неокругленные гласные) — категории гласных с точки зрения наличия в составе артикуляции в качестве дополнительной работы лабиализации. В русском и английском языках лабиализация гласных встречается только в сочетании с задним образованием. Степень лабиализации обычно стоит в прямом отношении к степени подъема языка; так, среди гласных заднего образования гласный [u] обладает наибольшей лабиализацией, а гласный

{э} — наименьшей. Кроме того, степень лабиализации неодинакова в разных языках; в английском языке она наименее значительна.

Лабно-дентальные согласные см. Губно-зубные согласные.

Латеральные согласные см. Боковые согласные.

Латеральный взрыв см. Боковой взрыв.

Лексема см. Слово.

Лексикализация см. Фонологизация.

Литературное произношение — более или менее единообразное на данном этапе развития произношение представителей определенного национального языка, пользующихся в устной речи литературной формой этого языка. Литературное произношение противопоставляется: 1) диалектальному произношению, т.е. произношению, содержащему специфические черты фонетики того или иного местного говора или наречия; 2) просторечному произношению (устаревший термин для его обозначения — «вульгарное произношение»), т.е. произношению, которое, в силу своего широкого распространения, не допускает приурочения к тому или иному местному диалекту, но в то же время свойственно тем представителям данного языка, которые в связи с общим уровнем своего культурного развития не усвоили ряда норм литературного языка; 3) буквенному произношению. Единообразие произношения представляет огромную культурную ценность: оно позволяет собеседникам или слушателям воспринимать звуковую сторону слов автоматически и сосредоточивать внимание всецело на смысле речи; в области письменного языкового общения ту же функцию несет орфография как система единообразного оформления слов, воспринимаемых зрением.

Однако литературное произношение не может быть вполне единообразным у всех его представителей и в той или иной мере допускает варианты, сводящиеся к колебаниям под влиянием диалектального или буквенного произношения. Поэтому в пределах литературного произношения выделяется более единообразное образцовое произношение (по-английски — *standard pronunciation*) (см. Орфоэпия), представляющее собой систему идеальных фонетических форм данного языка. В одних языках, как, например, английский, французский, образцовым считается произношение определенного района страны или города, в дру-

гих языках, как, например, немецкий, оно не поддается географической локализации.

М

Мгновенные и длительные звуки — категории звуков речи с точки зрения возможности или невозможности произвольного продления их звучания. Принадлежность звука к числу мгновенных или длительных определяется способом его образования. Мгновенными являются звуки смычно-взрывные и смычно-щелинные: первые — потому, что их звучание прекращается с окончанием взрыва, последние — потому, что смычно-щелинный звук как таковой слышится только в момент ослабленного взрыва, разрешающего смычку в щель; дальнейшее продление этого звука дает уже не смычно-щелинный, а щелинный эффект, например не [с], а [s]. К числу мгновенных относятся и одноударные звуки. Длительными являются звуки всех других способов образования, т.е. щелинные, смычно-проходные, многоударные и свободно-проходные (гласные). Термин «длительные звуки» надо строго отличать от термина «долгие звуки».

Межзубные согласные см. Дорсальные и корональные согласные.

Мелодема см. Мелодика речи.

Мелодизация см. Мелодика речи.

Мелодика речи — изменения высоты голоса в процессе речи. О произносительных способах изменения высоты голоса см. Голос. В области мелодики надо различать: 1) относительно постоянный элемент — общую высоту акцентного периода или ряда акцентных периодов, измеряемую пределами колебаний высоты и средней высотой, тесситурой, и 2) элемент подвижный — мелодическое движение или мелодизацию, иначе — инфлексию, оцениваемую в пределах акцентного периода, начиная ступенью звена. При изучении мелодики фонетика пользуется кривыми, в которых мелодические явления находят вполне адекватное выражение.

Функции мелодики в русском, немецком, английском и французском языках лежат всецело в плоскости фразовой акцентуации и интонации и не затрагивают акцентуации слова. Как тесситура, так и мелодизация применяются в качестве интонационных средств для выражения различных эмоций и значений интеллектуального порядка, напри-

мер понижение тесситуры — для выделения вводного предложения. Мелодизация играет видную роль в качестве интонационного способа дифференцирования повествовательных, вопросительных и восклицательных предложений и множества разновидностей в пределах двух последних категорий (см. Интонация). Мелодические движения, выражающие эти значения, настолько определены, что могут быть узнаны и поняты даже независимо от конкретного, выраженного словами содержания фразы, например при слушании речи на большом расстоянии, когда слова за дальностью не удастся разобрать, или при слушании нечленораздельного мычания спящего человека. Совокупность существенных признаков каждого такого знаменательного мелодического движения называем «мелодемой». Мелодемы, выражающие значения эмоционально-волевого порядка, отличаются значительным сходством в разных языках; мелодемы, выражающие значения интеллектуальные, несколько более разнятся по языкам. Впрочем, и в области акцентно-интонационного выражения значений интеллектуального порядка более или менее всеобщей является смысловая функция противопоставления повышения и понижения последнего в акцентном периоде мелодически веского (см. ниже) слога: повышение его указывает на незаконченность мысли, понижение — на законченность. Отсюда — понижение в конце повествовательного предложения и повышение при знаменательных разделах внутри предложения и в вопросительных предложениях (см. Ряд).

Мелодические движения являются одним из важнейших средств акцентной организации речи: 1) они служат существеннейшим фактором единства акцентного периода на знаменательных ступенях акцентного членения (цепь, ряд, звено); в частности, они являются главным фактором акцентного единства фразы (ср. Цепь): хотя определенная, независимая от артикуляции высота (ср. Резонатор) присуща только звонким звукам и в связной речи отчетливо воспринимается только в сонорных звуках, главным же образом — в слоговых звуках, тем не менее в восприятии мелодическое движение акцентного периода образует единство, а мелодическое движение цепи — вполне законченное единство; 2) сообщая акцентным периодам единство, мелодические движения тем самым являются средством их взаимного противопоставления и разграничения (ср. Акцентные средства); 3) мелодические движения являются суще-

ственным фактором локализации акцентных разделов, причем значение их возрастает от ступени звена к ряду и цепи; 4) они являются фактором вторичного акцентного веса слогов, который в значительной мере зависит от их мелодического веса. Мелодический вес слога в конечном счете определяется ступенью знаменательности мелодического положения слога, т.е. степенью важности его определенно мелодического положения с точки зрения выражения данного значения. Слоги, стоящие на самых низших ступенях мелодического веса, могут менять свое положение в мелодическом движении, не вызывая этим изменений в смысловой стороне фразы. Произносительно-слуховые факторы мелодической весомости слога: 1) положение слога в акцентной вершине периода; 2) значительность интервала, выделяющего данный слог из ряда смежных слогов; 3) положение слога в мелодической вершине (т.е. в высшей точке) мелодического движения периода; 4) положение слога перед знаменательным акцентным разделом и — в несколько меньшей степени — непосредственно после такого раздела. Мелодические и динамические движения (см. Динамика речи) обнаруживают тенденцию к параллелизму: в большинстве случаев восходящее мелодическое движение совпадает с восходящим динамическим, нисходящее мелодическое движение — с нисходящим динамическим; изменения высоты голоса и непрерывное действие относительной громкости (см. Динамика речи) в слуховом восприятии образуют недифференцированное динамико-мелодическое движение; ср. тенденцию к параллелизму между увеличением общей громкости речи (см. там же) и повышением тесситуры. В мелодических движениях знаменательны не только направления движений, но в известных пределах и величина интервалов. Так, например, увеличение интервала вверх может превратить вопрос, лишенный особой эмоциональности, в изумленный вопрос. Однако знаменательностью обладает только относительная величина интервалов; абсолютная же их величина (диапазон мелодических движений) зависит от двух факторов: она стоит в прямом отношении 1) к степени общей напряженности и громкости речи и 2) к степени эмоциональности речи. Последним фактором объясняется более значительная величина интервалов в восклицательных предложениях, а также и в вопросительных — потому что вопрос никогда не бывает вполне свободен от эмоциональности. Существен-

ную роль в качестве фактора абсолютной величины интервалов играют также индивидуальные речевые привычки говорящего. Мелодические особенности речи — степень разнообразия мелодических движений и величина интервалов — служат существенным фактором фонетического стиля речи.

Мелодические движения в разных языках отличаются известным своеобразием. Так, для английской мелодизации характерны последовательность и плавность движений, т.е. равномерность интервалов, исключая резкие скачки; даже последний ударный слог акцентной цепи, который в русском, немецком и французском языках отделяется от предшествующего слога бóльшим интервалом, в английском не нарушает его общей мелодической тенденции; при этом последний ударный слог ряда и цепи обнаруживает в английском скольжение (мелодическое движение внутри слога) — нисходящее в конце нисходящей цепи, восходящее в других случаях. В русском языке ударный слог слова отделяется от предшествующего слова значительным интервалом. Эта тенденция совершенно чужда французскому языку, которому свойственно слабоцентрализующее ударение слова.

Мелодическая вершина акцентного периода см. Мелодика речи.

Мелодические движения см. Мелодика речи.

Мелодический вес слога см. Мелодика речи.

Место образования звука — один из двух основных критериев классификации звуков речи. Для согласных оно лучше всего определяется наименованием активного органа, производящего основную работу в артикуляции данного звука, для гласного — указанием на зону артикуляции при помощи терминов, которые легко могут быть заменены названием активного органа. Многие лингвисты предпочитают в качестве основного признака места образования указывать пассивный орган. В отдельных случаях для уточнения места образования необходимо указывать также и пассивный орган, по направлению к которому производится основная работа: см. в статье Дорсальные и корональные согласные о межзубных, альвеолярных и церебральных согласных. Ср. Фонетическая категория.

Механическое чередование см. Дивергенция.

Многоударные согласные см. Ударные звуки.

Морфема — далее неразложимый со стороны значения элемент слова, иначе — кратчайший знаменательный (т.е. выражающий какое-либо значение) элемент слова.

В зависимости от функции морфемы в слове различаются прежде всего морфемы корневые (или корни слов), выражающие так называемое вещественное, или реальное, значение, и морфемы придаточные, или формальные. Среди придаточных морфем, совокупность которых противопоставляется корню как окончание в обширном смысле, различаются, в зависимости от занимаемого морфемой места по отношению к корню, префиксы, или приставки, предшествующие корню, и постфиксы, иначе — суффиксы в обширном смысле, следующие за корнем. Постфиксы (суффиксы), в свою очередь, разделяются на словообразовательные суффиксы, иначе — суффиксы в собственном, или тесном, смысле и флективные суффиксы или флективные окончания, флексии, окончания в тесном смысле. Суффиксы в тесном смысле служат для словообразования, флексии — для словоизменения; при этом словообразовательные суффиксы, за редкими исключениями, предшествуют флексии. Часть слова, предшествующая флексии, называется основной слова. Словообразование и словоизменение в значительной мере сводятся к комбинированию определенной корневой морфемы с различными суффиксальными, префиксальными и флективными морфемами. Звуковой состав морфемы в результате фонетических чередований — дивергенции и корреляции — подвергается изменениям при сочетании с другими морфемами. Поэтому огромное большинство морфем представляет собой альтернативный ряд.

Степень смысловой и фонетической самостоятельности морфем неодинакова в разных языках. Наибольшей самостоятельностью обладает морфема в немецком языке, где: 1) слогоразделы стремятся к совпадению с границами морфем; 2) дивергенция между глухими и звонкими согласными распространяется и на конец слога, а тем самым — и на конец морфемы; 3) определенные морфематические дивергенции не распространяются на границы морфем, поддерживая этим взаимную обособленность морфем; 4) каждая морфема в зависимости от своей функции в слове (корень, приставка, суффикс, флективное окончание) обладает определенным акцентным весом; 5) слово нередко содержит

кроме главного ударения второстепенное, а иногда — и два равных ударения и вследствие этого в известной мере распадается на морфемы; 6) приставочные морфемы в известных глагольных формах отделяются от остальной части глагола, приобретая таким образом смысловой и акцентный вес отдельного слова; 7) сложные слова свободно составляются говорящими путем соединения двух или большего числа корневых морфем, что свидетельствует о функционировании в немецком языке морфем в качестве самостоятельных языковых единиц — смысловых и акцентных единств.

Некоторые из этих особенностей повторяются, хотя и в менее выраженной форме, в английском языке: английский язык также обладает двухударными словами и несущими ударение, отделенными от глагола приставками. Напротив, в русском и особенно во французском языке морфемы лишены фонетической самостоятельности и в смысловом отношении всецело подчинены единству слова. Только в одном случае — при сочетании приставки с корнем — в русском языке обнаруживается некоторая самостоятельность морфемы: конечный твердый согласный приставки в положении перед смягченным или мягким начальным согласным корня факультативно может остаться твердым, напр. в словах *от-вет*, *раз-вить*, *объ-ем*, *съ-есть* и т.п.

Морфологизация см. Фонологизация.

Морфологическое членение слова — членение слова на морфемы.

Мягкие согласные см. Среднеязычные согласные, Твердые и смягченные согласные.

Мягкий приступ гласных см. Крепкий и тихий приступ гласных.

Мягкое нёбо см. Произносительный аппарат, Активные и пассивные органы речи, Носовые звуки, Заднеязычные согласные.

Мягконёбные гласные см. Гласные переднего, среднего и заднего образования.

Н

Надставная труба — система полостей произносительного аппарата, расположенных над гортанью, — полости зева, рта и носа. Функция надставной трубы состоит в том, чтобы усиливать и модифицировать возникающие в горта-

ни звуки голоса. Тем самым надставная труба подводится под понятие резонатора. Кроме того, полости зева и главным образом рта (так же как и полости гортани) служат источниками шумов, возникающих в них самих в результате воздействия выдыхаемой воздушной струи на образуемые в них преграды (см. Произносительные работы).

Назализация — дополнительная работа, состоящая в опущении мягкого нёба, открывающем для выдыхаемой воздушной струи проход в полость носа. Назализация входит в состав артикуляции носовых звуков.

Назализованные звуки (иначе — назализированные звуки) см. Носовые звуки.

Напряженность звуков речи (иначе — произносительная напряженность) — напряженность органов, принимающих участие в артикуляции того или иного звука.

Напряженность каждого отдельного звука в потоке речи связана: 1) с общей громкостью речи; 2) с акцентным весом слога, в состав которого входит данный звук; 3) со свойственной данному звуку артикуляцией. Это, с одной стороны, факторы напряженности, с другой — элементы фонации и речевого звучания, создаваемые в той или иной мере при помощи напряженности. Совокупным действием этих факторов определяется общая, или абсолютная, напряженность звуков в потоке речи. Сообразно с этим в составе абсолютной напряженности звука различаем напряженность нейтральную (1-й фактор), напряженность акцентную (2-й фактор) и собственную напряженность звука (3-й фактор). Факторы абсолютной напряженности в приведенном перечне расположены в порядке их убывающей весомости; изменение абсолютной напряженности вызывает изменение в том же направлении всех ее факторов. О роли напряженности в акцентуации и интонации см. Акцентные средства, Акцентный вес слога, Ударение, Акцентные разделы, Динамика речи, Интонация. Ср. также Темп речи.

Говоря об отдельных звуках, имеем дело только с их собственной напряженностью, т.е. определяемой характером артикуляции. Ввиду сложности артикуляции необходимо различать напряженность отдельных активных органов, принимающих участие в данной артикуляции, и особенно различать напряженность гортанных и ртовых органов. Напряженность того или иного органа (и, стало быть, плотность образуемой им преграды) всегда стоит в прямом отношении к силе испытываемого им давления выдыхаемой

воздушной струи; сила давления, в свою очередь, зависит, с одной стороны, от силы выдоха (см. Экспирация), с другой — от ширины предоставляемого ей прохода. В связи с этим звонкие звуки (и, в частности, звонкие согласные) — при прочих равных условиях — обладают большей гортанной и меньшей ртовой напряженностью, чем глухие: при звонких звуках часть произносительной энергии поглощается преодолением гортанной преграды. При равных условиях глухости—звонкости ртовая напряженность зависит от способа образования звука: чем шире ртовый проход для выдыхаемой воздушной струи, тем меньше напряженность ртовых органов; смычно-взрывные, щелинные, смычно-проходные, узкие и широкие свободно-проходные звуки образуют нисходящую шкалу ртовой напряженности. В тесном смысле под напряженностью разумеют именно ртовую напряженность.

Разным языкам свойственна различная степень собственной напряженности звука, частично связанная с привычной для данного языка силой экспирации: более сильному напору выдыхаемой воздушной струи должны противостоять более плотные, т.е. более напряженные, преграды. Так, немецкий язык сравнительно с русским отличается более значительной силой экспирации, и в прямой или косвенной связи с этим стоит целый ряд отличий немецкой артикуляционной базы от русской: придыхательность глухих согласных, полувзвонкость согласных, крепкий приступ начальных гласных.

От трех указанных видов напряженности, образующих в совокупности абсолютную напряженность, надо отличать слоговую напряженность, которая представляет собой возрастание или убывание произносительного напряжения на протяжении артикуляции, модифицирует собственную напряженность звука и связана с положением и функцией звука в слого.

Небная занавеска см. Произносительный аппарат.

Нейтральный гласный (иначе — гласный нейтрального образования) — гласный при более или менее пассивном (плоском) укладе языка, не позволяющем отнести этот гласный к определенному месту образования (ср. Гласные переднего, среднего и заднего образования). Термин «нейтральный гласный» употребляется также и в другом значении — для характеристики английского гласного [ə] (см. Редукция) — на том основании, что этот гласный требует наи-

меньшей активности ртовых органов и по артикуляции близок к нейтральному укладу полости рта, т.е. к тому укладу, которым обладает ротовая полость в пассивном состоянии (при закрытом рте и отсутствии фонации).

Нелабиализованные гласные см. Лабиализованные и нелабиализованные гласные.

Немое дыхание см. Экспирация.

Необязательная дивергенция см. Факультативная дивергенция.

Неокругленные гласные см. Лабиализованные и нелабиализованные гласные.

Неслоговой звук см. Слоговая вершина.

Неслогообразующий звук см. Слоговая вершина.

Неударяемые гласные см. Безударные гласные.

Неударяемые слова см. Безударные слова.

Неударяемые слоги см. Ударный слог.

Нижняя челюсть см. Активные и пассивные органы речи, Широкие и узкие гласные.

Нормы (фонетические) см. Фонетические нормы.

Носовой взрыв (иначе — фаукальный взрыв) — взрыв, осуществляемый путем опущения мягкого нёба при сохранении смычки. В результате носового взрыва смычно-взрывной согласный сменяется тесно примыкающим к нему носовым того же места образования. Применяется во всех языках в сочетаниях типа (t)+(n), (d)+(n), (p)+(m), (b)+(m).

Ср. Боковой взрыв. См. Полумягкие согласные.

Носовые звуки (иначе — назализованные или назализированные звуки) — звуки, произносимые при опущенном мягком нёбе, находящемся в положении, которое оно занимает при немом дыхании, вследствие чего выдыхаемая воздушная струя получает выход через полость носа (см. Назализация). Проход воздушной струи через носовую полость создает специфический слуховой эффект — носовой тембр. Носовые согласные образуются путем сочетания опущения мягкого нёба со смычкой в полости рта, вследствие чего выдыхаемая воздушная струя истекает только через нос (см. Смычно-проходные звуки). По месту образования находим среди них согласный двугубный (m) и переднеязычный (n), в немецком и английском языках — также и заднеязычный (ng), а во французском — среднеязычный (ŋ). Носовые гласные (свойственные французскому языку) образуются путем сочетания опущения мягкого нёба со свободным проходом в полости рта, вследствие чего выдыхаемая

мая воздушная струя истекает одновременно через нос и через рот. Носовым гласным противопоставляются чистые гласные. При неносовых звуках мягкое нёбо поднимается и смыкается с задней стенкой зева, создавая плотную преграду для прохода выдыхаемой воздушной струи в полость носа (см. Произносительные работы и Смычка), вследствие чего она истекает только через рот. Движения мягкого нёба можно наблюдать в зеркале, произнося попеременно носовое и неносовое («чистое») а.

О

Образцовое произношение см. Литературное произношение, Орфоэпия.

Общая фонетика см. Фонетика.

Обязательная дивергенция см. Факультативная дивергенция.

Одноударные согласные см. Ударные звуки.

Окончание см. Морфема.

Округленные гласные см. Лабиализованные и нелабиализованные гласные.

Описательная фонетика см. Фонетика.

Оптимальное положение см. Фонема.

Органическая база языка см. Артикуляционная база языка.

Органы речи см. Произносительный аппарат.

Орфография (иначе — правописание) — система принятых в данном языке норм, определяющих способы выражения слов и предложений при помощи письма.

В большинстве языков, в частности в русском, английском, немецком, французском, система букв и способов их использования не соответствует системе звуков (даже если рассматривать их в обобщенной форме фонем) и способам их сочетания, и потому буквенный состав отдельных слов в письменной форме языка не соответствует звуковому (или хотя бы фонематическому) составу тех же слов в устной форме языка. Расхождения между буквенным и звуковым составом слов сводятся к следующему: 1) одна и та же буква нередко соответствует различным звукам; 2) одному и тому же звуку нередко соответствуют различные буквы; 3) единая буква иногда соответствует сочетанию звуков; 4) единому звуку нередко соответствует сочетание букв;

5) буква или целое сочетание букв в том или ином слове в устной форме слова не находит никакого соответствия.

Исходная причина указанных расхождений между письмом и произношением состоит в том, что всякий язык заимствует алфавит из другого языка, обладающего ранее развившейся письменностью, но в то же время и другой фонетической структурой; отсюда возникают в алфавите того или иного языка лишние буквы (две-три буквы, соответствующие одному звуку) и сочетания букв для обозначения единого звука. Расхождения между письмом и произношением, возникающие таким образом с самого начала письменности на том или ином языке, углубляются в процессе исторического развития: фонетическая структура языка изменяется непрерывно и самопроизвольно, письменный же облик слов изменяется гораздо медленнее, и притом скачкообразно — путем случайных изменений написаний в направлении сближения с произношением, а главным образом путем более или менее радикальных реформ правописания, одним из самых ярких образцов которых является реформа русского правописания 1917 г. В некоторых языках, где орфография была установлена относительно поздно (напр., в сербском и финском, в известной мере — в украинском и белорусском), проводится в более или менее значительной степени фонетический принцип, состоящий в установлении максимального соответствия буквенного состава слов их звуковому составу.

Этот принцип обычно обнаруживается в форме фонематического принципа — требования выразить при помощи отдельных букв только фонемы и избегать обозначения вариантов, так как различия между вариантами одной и той же фонемы не служат основными и непосредственными признаками для различения слов и выбор требуемого данными комбинаторными условиями варианта осуществляется представителями данного языка автоматически (см. Фонема и Дивергенция). Однако сколько-нибудь значительную роль фонетический принцип может играть только в орфографии тех языков, которые не обладают широко развитой системой дивергенций: обозначение на письме дивергенций, даже дивергенций 2-й степени, т.е. тех, которые не являются вариациями (напр., написание *гот* при наличии написаний *года, году* и т.д.), вызывало бы разнообразие написаний одной и той же морфемы в зависимости от комбинаторных условий и тем затрудняло бы понимание буквенного слова

как смысловой единицы. Такие фонетические написания требовали бы при восприятии замены письменной формы слова его устной формой, осмысления буквенного слова через представление слова звукового. Между тем люди, вполне овладевшие грамотой, воспринимают письменную речь как выражение мысли и, в частности, буквенные слова как выражения понятий непосредственно, без помощи подстановки звуков на место букв. Поэтому для языков с развитой системой комбинаторных чередований единственно целесообразным в качестве основы орфографии является морфологический (точнее, морфематический) принцип — принцип одинакового написания одной и той же морфемы независимо от комбинаторных условий ее употребления в том или ином слове. Применение фонетического принципа при этом целесообразно лишь в той мере, в какой он не нарушает принципа морфематического. Само собой разумеется, что орфография, опирающаяся на морфематический принцип, не может в точности отражать звуковой или хотя бы фонематический состав слов. Морфематический принцип лежит в основе русского правописания и играет видную роль в немецком правописании — соответственно роли комбинаторных чередований в этих языках. Применение фонетического принципа (в качестве подчиненного морфематическому) нарушается в этих языках еще и традиционными написаниями, передающимися из поколения в поколение, независимо от того, в какой мере они диктуются указанными принципами (напр., в русском написании *ши*, *жи*, некогда соответствовавшие произношению, уже в XIV в. заменившемуся произношением *шы*, *жь*). Наконец, известные написания выражают не звуковой состав слова или морфемы, а определенные элементы формального звучания, не получающие выражения в устной речи, — немые морфологические написания (напр., в русском написании *нож* без мягкого знака и *рожь* с мягким знаком при одинаковом произношении конечного согласного как твердого *ш*). Во французском и английском правописании традиция господствует всецело. Фонетический принцип орфографии этим языкам совершенно чужд; в то же время широко представлены (особенно во французской орфографии) немые морфологические написания (ср. написания глагольных форм (je) mang-e, (tu) mang-es, (il) mang-e, (ils) mang-ent, в которых при одинаковом произношении всех этих слов флективные морфемы существуют только на

письме). Неудивительно, что во французском и особенно в английском языке правописание обнаруживает наибольшие расхождения с произношением. Несоответствие между буквенным и звуковым составом слов, в той или иной мере свойственное всем языкам, вынуждает при изучении фонетической структуры языков строжайшим образом отличать звуки от букв. Для этой цели применяется фонетическая транскрипция — условная система письма, построенная исключительно на фонетическом принципе.

Орфография охватывает способы письменного выражения не только отдельных слов, но и предложений. О специфических нормах письменного выражения предложений см. Пунктуация.

Орфоэпия¹ — действующая на данном этапе развития того или иного языка система норм образцового литературного произношения, отличающих литературное произношение от диалектального, просторечного и буквенного. Орфоэпия в принципе охватывает все стороны фонетической структуры языка, но на практике ограничивается произношением слов и не касается ни вопросов акцентуации связной речи, ни вопросов интонации.

Орфоэпия² (в буквальном переводе с греческого — «правопроизношение»: ср. «орфография-правописание») — система норм, определяющих правильное произношение того или иного литературного языка. Единообразное правильное литературное произношение (орфоэпическое произношение) противопоставляется множеству диалектальных систем произношения, свойственных различным местным говорам, и наряду с единообразным правописанием и единообразной системой грамматических норм отражает стремление говорящих с наибольшей целесообразностью использовать литературный язык.

Попытки установить единообразное произношение, способное противостоять центробежным стремлениям местных диалектов, нередко приводят к ориентировке на правописание. Однако во многих языках (в частности, в русском) фонетический принцип орфографии ограничен так называемым морфологическим принципом, принципом одинакового написания одной и той же морфемы независимо от различий ее произношения в разных сочетаниях; кроме того, соответствие между звуками и буквами в составе слова нередко нарушается «традиционными» написаниями, отражающими старое, исчезнувшее произношение (см. Орфо-

графия). В тех языках, в которых орфография обладает такими особенностями, чрезмерное доверие к написаниям порождает искусственное «буквенное» произношение, вступающее в противоречие с традициями устной речи и тем самым с языковым чутьем говорящих.

В основу орфоэпической системы того или иного языка может ложиться произношение определенной местности, чаще всего — исторического центра. Так, для французского языка образцовым является произношение Парижа, для английского — произношение Лондона. Другим путем вырабатывалось литературное произношение немецкого языка. В Германии, раздробленной политически и экономически вплоть до 1871 г., не могло получить преобладание местное произношение того или иного культурного центра, поэтому орфоэпическое единство для немецкого языка было достигнуто в значительной мере искусственно, путем признания орфоэпическим сценического произношения, которое издавна в значительной мере опиралось на орфографию и которое в живой устной речи (за исключением театра, церкви и школы) обычно заменяется местным диалектальным произношением.

Для русского языка в основу литературного произношения легло произношение Москвы, культурно-экономического и политического центра страны. Господствующая роль московского произношения поддерживалась тем, что в говоре Москвы, расположенной в географическом и этнографическом центре России, были смешаны черты двух основных наречий русского языка — южного и северного (полоса среднерусских говоров). В настоящее время в связи с ростом образования и в результате возникновения множества новых экономических и культурных центров некоторые старомосковские черты литературного произношения, в особенности носившие более местный характер, сменяются новыми, общерусскими, свидетельствующими о том, что русский литературный язык действительно является достоянием всего народа.

Основа см. Морфема.

Основная работа см. Артикуляция.

Открытые гласные см. Широкие и узкие гласные.

II

Палатализация см. Твердые и смягченные согласные.

Палатализованные согласные см. Твердые и смягченные согласные.

Палатальные гласные см. Гласные переднего, среднего и заднего образования.

Палатальные согласные см. Средняяязычные согласные.

Палато-велярные гласные см. Гласные переднего, среднего и заднего образования.

Пара звуков см. Парные звуки.

Парные звуки (иначе — соответствующие звуки) — пара звуков, различающихся по одному произносительно-слуховому признаку и сходных по другим признакам. Парные звуки могут быть связаны между собой дивергенцией в том или ином языке, но это условие не обязательно: так, звонкие шумные согласные связаны дивергенцией в русском и немецком языках (см. Глухие и звонкие звуки) так же, как и большинство смягченных согласных с соответствующими твердыми в русском, но, например, русские смягченные согласные [ʃ:], [ʒ:] не связаны дивергенцией с соответствующими твердыми согласными [ʃ], [ʒ] так же, как немецкие и французские лабиализованные гласные с соответствующими им нелабиализованными. Каждая пара соответствующих звуков образует фонетическую категорию.

Пассивные органы речи см. Активные и пассивные органы речи.

Пауза — перерыв воспринимаемого слухом речевого звучания. Надо различать артикуляторную паузу, т.е. паузу, вызываемую активной работой органов речи и входящую в состав артикуляции того или иного звука, и паузу экспрессивную, служащую одним из средств смыслового (акцентного) членения речи и непосредственного выражения значений при помощи интонации. Артикуляторная пауза принимает участие в артикуляциях, содержащих смычку без одновременного истечения выдыхаемого воздуха (которое имеет место при образовании смычно-проходных звуков), т.е. в артикуляциях звуков смычно-взрывных и смычно-щелинных, притом только глухих, так как во время смычки при образовании звонкого согласного слухом воспринимается звучание голоса (Blählaut). Артикуляторная пауза при известных условиях вызывает раздел между акцентными членами. О роли паузы в качестве средства акцентного раздела между знаменательными акцентными периодами см. Акцентные разделы.

Переднеязычные согласные (иначе — зубные, зазубные, постдентальные согласные) — согласные, в артикуляции которых основной работой является работа передней спинки или кончика языка (см. Язычные согласные). См. Дорсальные и корональные согласные.

Передний резонанс см. Формант гласного, Резонатор.

Переходные звуки (по-английски *glides*) — звуки, возникающие в словах (и вообще в сочетаниях звуков) в силу физиологической необходимости при переходе от предшествующего звука к последующему. Образуются в момент размыкания органов и потому носят преимущественно гласный характер; иначе говоря, в значительной части могут рассматриваться как рудиментарные гласные (см. Гласные и согласные). Отличаются минимальной напряженностью. При переходе от предшествующего глухого согласного к последующему глухому лишены звука голоса. Переходные звуки противопоставляются установочным звукам. Наличие или отсутствие переходного звука, а равно и степень его отчетливости и длительности, зависит от способа и места образования сочетающихся звуков, а также и от входящих в состав их артикуляции дополнительных работ. Наличие или отсутствие переходного звука и степень его отчетливости определяют степень тесноты сцепления (иначе — тесноты примыкания) сочетающихся звуков. Так, наибольшая теснота сцепления обнаруживается при сочетании двух гласных, гласного с последующим согласным, согласного с последующим гласным, смычно-взрывного согласного с последующим смычно-проходным того же места образования (см. Носовой взрыв и Боковой взрыв), смычно-проходного согласного с последующим согласным другого способа образования, щелинного согласного со смычно-взрывным; меньшая теснота сцепления — при сочетании смычно-взрывного согласного с последующим щелинным другого места образования; наименьшая — при сочетании двух смычно-проходных (за исключением сочетания губного носового с последующим язычным смычно-проходным) и двух смычно-взрывных. Отчетливость переходного звука может быть понижена путем уменьшения напряженности предшествующего звука, и главным образом его конечной части. Так как образование переходного звука связано прежде всего с размыканием органов (см. выше), в известных случаях переходные звуки возникают и в конце слова, даже при отсутствии сцепления с последующим сло-

вом. Так, переходный звук создается взрывом смычно-взрывного согласного также и в тех случаях, когда этот согласный стоит в конце слова. Из дополнительных работ требует упоминания палатализация, вызывающая появление переходного звука переднего образования и тем самым значительно понижающая степень тесноты сцепления смягченного согласного с последующим звуком (ср. Полумягкие согласные).

Перстневидный хрящ см. Произносительный аппарат, Голосовая щель, Активные и пассивные органы речи.

Пирамидальные хрящи см. Произносительный аппарат, Голосовая щель, Голос, Активные и пассивные органы речи.

Письмо см. Орфография, Пунктуация.

Позиционное чередование см. Дивергенция.

Позиционные условия см. Комбинаторные условия.

Позиция см. Комбинаторные условия.

Положение см. Комбинаторные условия.

Полудолгие звуки см. Долгие и краткие звуки.

Полузвонкие согласные — звонкие согласные, обладающие кратким глухим (и соответственно более напряженным в отношении ртовой работы) началом или концом. Осуществляются тем путем, что сужение голосовой щели, обуславливающее звонкость, запаздывает по отношению к началу ртовой артикуляции или, наоборот, сменяется расширенным укладом до ее окончания. Полузвонкие согласные свойственны немецкому языку (севернонемецкому и Hochsprache), где вполне звонкие шумные согласные встречаются только в положении между двумя вполне звонкими звуками; во всех других положениях чередуются — в порядке дивергенции — с полузвонкими, обладающими глухим началом: ср. первое и второе [b] в слове {bæo:baxtən}. Об ассимилятивном характере этой дивергенции см. Ассимиляция звуков. Полузвонкие согласные — как с глухим началом, так и с глухим концом — встречаются в немецком факультативно (см. Факультативная дивергенция) на месте сонорных согласных в соседстве с глухими.

Полумягкие согласные (точнее, полусмягченные согласные) — согласные со слабо выраженной палатализацией. Сюда относятся в русском языке сочетания переднеязычных смычно-взрывных согласных с последующим смягченным смычно-проходным того же места образования, т.е. согласные, образуемые при помощи носового или бокового взрыва, в положении перед смягченным соглас-

ным носовым или боковым (сочетания (t)+(n'), (t)+(l'), (d)+(n'), (d)+(l')). Неполнота смягчения в предшествующих согласных объясняется тем, что палатализация вызывает образование после смягченного согласного относительно длительного переходного звука, который препятствует требуемой носовым и боковым взрывом тесноте сцепления предшествующего согласного с последующим.

Постдентальные согласные см. Переднеязычные согласные.

Постфикс см. Морфема.

Правописание см. Орфография.

Преграда см. Произносительные работы, Смычка, Щель.

Предложение — словесное выражение законченной (хотя бы относительно законченной) мысли, т.е. суждения, построенное при помощи синтаксических средств по тому или иному из применяемых в данном языке для этой цели шаблонов. Это определение не имеет в виду ни подчиненных (иначе — зависимых, придаточных предложений), ни независимых предложений, входящих в состав другого, более обширного предложения: оно относится к простым независимым предложениям и к сложным (по составу сочинения или подчинения), но взятым как целое, — к синтаксическим целым. Являясь элементарным высказыванием, сообщением, синтаксическое целое тем самым служит элементарной коммуникативной единицей.

Суждение является необходимым содержанием не только повествовательного предложения, но также вопросительного и восклицательного. Предложения последних двух разрядов выражают сразу два суждения, из которых первое тождественно с суждением, выражаемым соответствующим повествовательным предложением, а во втором субъектом служит содержание соответствующего повествовательного предложения, предикатом — понятие вопросительности (т.е. неведение говорящего о реальности связи между субъектом и предикатом первого суждения, связанное с желанием устранить это неведение, заменить его знанием) или восклицательности (т.е. эмоциональности, в каждом конкретном случае — понятия определенной эмоции, связываемой в сознании говорящего с содержанием первого суждения).

В фонетическом отношении синтаксическое целое представляет собой законченное акцентно-интонационное

единство — высшую степень акцентного членения — цепь.
Ср. Фраза¹, Интонация.

Префикс см. Морфема.

Придувные звуки см. Щелинные звуки.

Придыхательные согласные — аспираты.

Примыкание звуков см. Переходные звуки.

Приставка см. Морфема.

Приступ гласных см. Крепкий и тихий приступ гласных.

Произносительная деятельность см. Фонация.

Произносительная напряженность см. Напряженность звуков речи.

Произносительные работы — движения органов речи, осуществляющие произносительную деятельность (фонацию) и обуславливающие звучание речи. Среди произносительных работ различаются работы органов дыхания (см. Экспирация) и работы органов речи, расположенных выше грудной полости, где помещаются органы дыхания. Работа органов верхней (расположенной над органами дыхания) части произносительного аппарата (работа органов полостей гортани, зева и рта) сводится к регулированию выдыхаемой воздушной струи путем образования преград на ее пути или предоставлении ей свободного прохода при той или иной форме резонатора. Комбинированием образуемых в различных полостях преград того или иного рода и свободных проходов при различных формах резонатора создается разнообразие звуков речи.

Среди преград различаются по месту образования: 1) гортанная преграда, образуемая сближением или плотным смыканием голосовых связок (сужением или полным закрытием голосовой щели) (см. Глухие и звонкие звуки, Крепкий и тихий приступ гласных); 2) зевная преграда, образуемая подъемом мягкого нёба (закрытием прохода в полость носа) (см. Носовые звуки); 3) ротовые преграды (см. Гласные и согласные). По способу образования преграды разделяются на смычки и щели. О зависимости качества свободно-проходных звуков от формы и объема резонатора см. Формант гласного.

Совокупность произносительных работ, необходимых для осуществления того или иного звука речи, называется артикуляцией звука.

К числу произносительных работ относятся и те движения органов речи, которые осуществляют акцентную организацию речи и интонации.

Произносительный аппарат — система органов речи. Состоит из следующих отделов: органы дыхания, полость гортани, полость зева, полость рта, полость носа. Органы дыхания почти целиком помещаются в грудной клетке. К их числу относятся диафрагма, или грудобрюшная преграда, ребра с межреберными мышцами и легкие, при посредстве двух бронхиальных ветвей соединяющиеся с расположенной выше, уже вне грудной клетки, трахеей, или дыхательной горланью. Трахея впадает в еще выше расположенную гортань. Гортань представляет собой узкую трубку, состоящую из системы хрящей, мускулов и голосовых связок и устланную внутри слизистой оболочкой. Основанием гортани служит перстневидный хрящ, с которым сочленен расположенный над ним щитовидный хрящ, состоящий из двух стенок, соединенных спереди под углом, образующим кадык, или адамово яблоко. Перстневидный хрящ в задней своей части расширен, и это расширение (печать перстневидного хряща) помещается между расходящимися стенками щитовидного хряща, как бы образуя его заднюю стенку; в совокупности перстневидный и щитовидный хрящи представляют собой единую трубку. Внутри этой трубки, на поверхности перстневидного хряща, симметрично расположены два маленьких пирамидальных, или черпаловидных, хряща. По внутренним стенкам щитовидного хряща тянутся прикрепленные сзади к пирамидальным хрящам, а спереди сходящиеся во внутреннем углу кадыка две голосовые связки. Гортань сверху закрывается подвижным хрящом сердцевидной формы — надгортанником, который (по крайней мере в европейских языках) не служит органом речи. Закрывающая гортань во время глотания, надгортанник предохраняет ее от попадания слюны и пищи. Над гортанью расположена полость зева, или глотки. В этой полости находятся два органа: вертикально стоящий корень языка и задняя часть подвижного мягкого нёба (иначе — нёбная занавеска), представляющего собой мускульное образование и оканчивающегося узким язычком. Из полости зева открывается ход в две лежащие выше полости — полость рта и над ней полость носа, — разделенные в задней части мягким нёбом, а в передней — костным твердым нёбом. Перечень органов полости рта см. в статьях Активные и пассивные органы речи и Язычные согласные. См. Надставная труба.

Произношение — пользование фонетической структурой данного языка в процессе языкового выражения мысли. Применяемое в языковой практике отдельных лиц произношение подлежит оценке с точки зрения соответствия общим фонетическим нормам данного языка (наличия или отсутствия иноязычного акцента) и — более специально — с точки зрения соответствия нормам литературного произношения и орфоэпии.

Проклитики см. Безударные слова.

Просторечное произношение см. Литературное произношение.

Проточные звуки см. Шелинные звуки.

Пунктуация (иначе — интерпункция) — система выражения в письме 1) смыслового и формально-грамматического (синтаксического) членения речи, выражаемого в устной форме языка при помощи акцентуации, и 2) фразовых значений, выражаемых в устной речи интонацией. Знаки, применяемые для этой цели, называются знаками препинания. Пунктуация составляет часть орфографии.

Сравнительно с акцентно-интонационной системой языка система пунктуации чрезвычайно бедна: так, вопросительному и восклицательному знакам в устной речи соответствует почти неограниченное число более частных значений и их интонационных выражений (см. Интонация и Мелодика речи). Кроме того, пунктуация неизбежно сводится к ряду правил, в известной части условных (тогда как нормы акцентуации и интонации предоставляют говорящему широкую свободу распоряжения звуковыми средствами). Наконец, некоторые акцентно-интонационные явления вообще не получают в пунктуации (хотя бы косвенного и обобщенного) выражения: например, распределение акцентного веса между словами (см. Ударение), общая динамика, тембр голоса (см. Интонация) и — с небольшими оговорками — тесситура. Тем не менее надо признать, что в принципе пунктуация выражает известный минимум акцентно-интонационных явлений, более или менее обязательных для каждой данной фразы. Относительно русской пунктуации можно утверждать, что, за редкими исключениями, всякий знак препинания, независимо от своей многозначности, соответствует тому или иному знаменательному акцентному разделу (хотя множество более или менее обязательных знаменательных разделов не получает выражения в письме). Исключения из этого правила создаются обозначением

в письме таких синтаксических смысловых отношений, которые не улавливаются акцентуацией и интонацией, — например, в русской пунктуации выделение запятыми отдельных вводных слов; в ряде случаев — различие между точкой, точкой с запятой и двоеточием. Несмотря на наличие в системе письма этих способов выражения значений, в устной речи не получающих выражения, письменная речь, возмещая отсутствие акцентуации и интонации пунктуацией, отличается от устной речи несравненно меньшей конкретностью фразовых значений (в частности, в области значений эмоциональных). Во многих случаях эта обобщенность смысла письменной речи является ее преимуществом перед устной речью, так как не обременяет внимание элементами значения, в плане данного высказывания несущественными. В известной, хотя и очень незначительной мере недостаточность пунктуации возмещается подчеркиваниями, вариацией шрифтов и тому подобными графическими приемами, а также абзацами, которые, впрочем, можно причислить к знакам препинания (и которые, с другой стороны, нередко выражают смысловые отношения, не получающие выражения в устной речи). Хотя пунктуация и сводится к ряду правил, все же в некоторых случаях она представляет пишущему некоторую (сравнительно с акцентуацией и интонацией очень ограниченную) свободу выбора того или иного знака препинания. Правила пунктуации несколько разнятся по языкам.

Р

Разделы см. Акцентные разделы.

Раскатистые согласные см. Ударные звуки.

Регулярная дивергенция см. Спорадическая дивергенция.

Редукция — дивергенция, состоящая в замене более напряженного звука менее напряженным, представляющим собой его недоделанную или упрощенную артикуляцию. Более широкое или более ограниченное применение редукции, а в известной мере и степень редукции (степень уменьшения напряженности) зависит от темпа и фонетического стиля речи: ср. ниже о двух ступенях редукции гласных в русском языке. В наиболее резкой форме редукция приводит к фонетическому нулю. Примером редукции может служить своеобразный немецкий неслоговой гласный,

стоящий в отношении факультативной дивергенции к согласному [r] в положении после гласного, напр. в словах *lieber, Berlin*: в отличие от всех других гласных он обладает коронально-церебральным и притом очень узким образованием и представляет собой ослабленную, недоделанную артикуляцию одноударного [r]; аналогичную редукцию одноударного язычкового согласного представляет собой своеобразный велярный гласный, образуемый относительно значительным подъемом задней спинки языка к мягкому нёбу и применяемый в немецком в порядке факультативной дивергенции в том же положении. Однако в согласных редукция относительно редко приводит к заметному изменению слухового качества звука. В языках с сильно централизирующим ударением, в результате тенденции к резкому противопоставлению ударных и безударных слогов, редукция поражает все безударные гласные, хотя в узких гласных ее слуховой эффект очень незначителен.

Редукция гласных в одних языках, как, например, в английском и немецком, является недифференцированной, в других, как, например, в русском, — дифференцированной. Недифференцированная редукция не приводит к гласным, существенно различающимся между собой в зависимости от качества соответствующего ударного гласного и места, занимаемого безударным гласным в слове. Так, в английском, где редукция более значительна, чем в немецком, безударные гласные сравнительно с ударными обнаруживают известный сдвиг артикуляции в направлении к наименее напряженному гласному (э). Целый ряд (преимущественно односложных) английских слов и морфем, содержащих под ударением самые разнообразные гласные, при безударном употреблении заменяет их гласным (э) или фонетическим нулем — это так называемые сильные и слабые формы (*strong and weak forms*), напр.: [ænd]||[ənd]||[nd] *and*, [ˈbʌt]||[bət] *but*, [kʊd]||[kəd] *could*, [ˈwɜːz]||[wəz] *was*, [ˈpens] *pence* ||[ˈtʌpəns] *two pence*. Напротив, дифференцированная редукция в русском языке создает более разнообразные дивергенции: [a:]||[ʌ], [ɤ], [ɚ]; [ɔ:]||[ʌ], [ɤ]; [ɛ], [e], [a], [æ]||[ɪ], [i]||[i], [ɪ]. При этом гласные [ʌ] и [ɤ] связаны факультативной дивергенцией так же, как и гласные [i] и [ɪ] в соответствии ударному [i]. Однако в отношении первой пары гласных действуют определенные тенденции, которые в старом литературном произношении являлись нормами: более напряженный гласный [ʌ] (1-я ступень редукции) применяется преимущественно

но 1) в слоге, непосредственно предшествующем ударному (напр., *вода*); 2) в начале слова (напр., *острова*); 3) с меньшей определенностью — в конечном открытом слоге (напр., *книга*); в остальных случаях применяется менее напряженный гласный {ъ} (2-я ступень редукции). Так же и в отношении гласных переднего образования действовала двуступенная редукция, ныне встречающаяся только в качестве факультативной дивергенции: рядом с более напряженным гласным [i] (1-я ступень редукции), выступавшим в перечисленных положениях, на 2-й ступени редукции (в заударных слогах факультативно — кроме конечного открытого и в доударных — кроме положения в начале слова) применялся менее напряженный гласный {ь}. В языках со слабоцентрализующим ударением, как, например, французский, редукция почти совершенно нечувствительна. Ср. Звуки неполного образования.

Редуцированные гласные см. Редукция, Звуки неполного образования.

Редуцированные звуки см. Редукция.

Резонатор — полость, применяемая для усиления звуков. Всякая полость в зависимости от своего объема, формы и упругости обладает постоянным собственным звуком, иначе — характерным тоном определенной высоты. По закону резонанса она обладает способностью усиливать звуки высоты, хотя бы приблизительно совпадающей с высотой ее характерного тона.

В произносительном аппарате резонатором служит надставная труба, усиливающая звук голоса. Этому резонатору вследствие подвижности и эластичности его частей свойственна изменяемость формы, объема и упругости. Поэтому его характерный тон изменяется в зависимости от установки. Так как всякий звук речи определяется специфической установкой органов речи, то каждому звуку речи присущ определенный характерный тон. Однако характерный тон нормально воспринимается не в количественной плоскости — не в плоскости высоты, а в качественной плоскости — как показатель тембра звука. Количественная (высотная) его оценка осуществляется только при специальной направленности внимания и только в том случае, если звук произносится без участия голоса; в противном случае оценка высоты относится всецело к голосу. Резонатор произносительного аппарата, строго говоря, представляет собой сложную систему соединенных резонаторов, каждый из ко-

торых обладает при той или иной установке особым, характерным тоном. Таким образом, всякому звуку речи, в сущности, свойственно несколько характерных тонов, которые в совокупности воспринимаются как некоторое единство — как тембр звука, отличающий его при прочих равных условиях от всех других звуков речи. В связи со сложностью артикуляции согласных, вызываемой образованием преград в полости рта, и соответственно в связи со сложностью формы ртового резонатора выяснение совокупности характерных тонов того или иного согласного или хотя бы выделение самого сильного его характерного тона сопряжено с очень большими трудностями и осуществимо только в условиях сложного инструментального эксперимента. Самый сильный характерный тон гласного с известными ограничениями может быть определен на слух, см. Формант гласного.

Рекурсия см. Артикуляция.

Ретрофлексивные согласные см. Дорсальные и корональные согласные.

Речевое дыхание см. Экспирация.

Речевое звучание — слуховой результат произносительной деятельности (фонации).

Речевой такт (по-немецки *Sprechтакт*) — акцентный период, соответствующий в терминологии одних лингвистов акцентному члену, в терминологии других — звену. Термин «речевой такт» надо признать вредным, так как он: 1) (хотя бы в принципе) предполагает равнодлительность обозначаемых им периодов, что не соответствует действительности (см. Темп речи); 2) употребляется в двух разных значениях.

Речь — вид деятельности членов общества (племени, народности, нации), которая проявляется в пользовании языком (как в устной, так и в письменной форме) в процессе общения и мышления (речевая деятельность), и совокупность продуктов этой деятельности — языковой материал, состоящий из единиц речи (предложений, фраз). Речевая деятельность осуществляется в соответствии с определенными правилами (лексическими, фонетическими, морфологическими и синтаксическими), свойственными данному языку или диалекту на данном этапе его исторического развития. Совокупность этих правил (языковых норм) образует языковую систему.

Речевая деятельность, языковой материал и языковая система — это три стороны языка, образующие диалектическое единство: речевая деятельность опирается на языковые нормы, воплощенные в языковом материале, а языковая система, в свою очередь, создается, проявляется, развивается и совершенствуется только в речевой деятельности. Под влиянием ряда факторов (требований общественной практики, усложнения мышления, событий истории народа, внутренних законов развития данного языка или диалекта, взаимовлияния языков, а в пределах одного языка — взаимовлияния диалектов между собой и с литературным языком) в речевой деятельности возникают колебания в применении тех или иных языковых норм, борьба между взаимно противоречащими нормами, из которых одна в конце концов получает преобладание в речи большинства представителей данного языка или диалекта; тем самым устаревшая языковая норма заменяется другой, и языковая система претерпевает соответствующее изменение — под влиянием тех же факторов в речи создаются новые языковые нормы. Таким образом, язык развивается и совершенствуется в процессе постоянной борьбы речи с языковой системой.

Ритмическая тенденция — тенденция к образованию в процессе акцентуации фразы ритмически соизмеримых акцентных периодов, в которых расположение более напряженных и менее напряженных слогов (см. Акцентный вес слога) обнаруживает известную планомерность (в простейшей форме — последовательное чередование напряженных и ненапряженных слогов). Ритмическая тенденция обнаруживается: 1) в распределении акцентного веса, причем во французском языке, где ритмическая тенденция сильна, она может даже нарушить норму конечного ударения слова: ср. l'ami d'Alfred и l'ami d'Pierre; аналогично в немецком: Montag и Donnerstag; ср. в русском — факультативное второстепенное ударение на первом слоге слова *кораблестроение*; 2) в локализации акцентных разделов; 3) во французском языке — в применении или неприменении факультативного чередования гласного (э) с фонетическим нулем (см. Гласные неполного образования): ср. (lə 'pti fə'val) le petit cheval и (lə fvalvə'le) le cheval volé. Первые две формы проявления ритмической тенденции превращают ее в ритмический фактор акцентного веса и акцентного членения.

Ритм речи — звуковая организация речи при помощи чередования ударных и безударных или долгих и кратких слогов. Понятие ритма основано на периодическом повторении сильных моментов, поэтому собственно ритмичной является только стихотворная речь и с известными оговорками ритмическая проза. Ритмическая тенденция к чередованию сильных и слабых слогов наблюдается в некоторых языках с одностепенным ударением слова: так, в венгерском и финском (с постоянным ударением на 1-м слоге слова) всякий нечетный слог приобретает второстепенное ударение; во французском, где в связной речи ударение падает только на последний слог синтагмы, второстепенное ударение может падать на всякий нечетный слог, считая от конца синтагмы.

Рудиментарные гласные см. Переходные звуки.

Ряд (точнее, акцентный ряд, по-немецки *Reihe*) — четвертая ступень акцентного членения в восходящем порядке (см. Акцентуация), занимающая место между акцентным звеном и акцентной цепью. С синтаксической точки зрения ряд, так же как и звено, нормально соответствует словосочетанию. С психологической стороны ряд соответствует возрастанию или разрешению напряжения. С произносительно-слуховой стороны характеризуется значительной ролью мелодических средств — повышения и понижения голоса (см. Мелодика речи). Типичное распространенное повествовательное предложение представляет собой сочетание двух рядов (мелодически восходящего и мелодически нисходящего). Вопросительное предложение часто состоит только из одного восходящего ряда. Восклицательное предложение также избегает членения на ряды. В образовании раздела между рядами нередко принимает участие темповый фактор — замедление темпа (в конце ряда), а также фактор динамический (см. Акцентные разделы). Ср. Акцентуация.

С

Сверхдолгие звуки см. Долгие и краткие звуки.

Сверхкраткие звуки см. Долгие и краткие звуки.

Свистящие и шипящие согласные — две категории переднеязычных щелинных и смычно-щелинных согласных. Шипящие согласные [ʃ] и [ʒ] и соответствующие им смычно-щелинные отличаются от свистящих — [s] и [z] и соответ-

ствующих им смычно-щелинных — образованием в полости рта обширного резонатора. При корональном образовании шипящих этот резонатор ограничен нижней поверхностью языка, дном полости рта и нижними зубами; при дорсальном образовании резонатор менее обширен и ограничен передней спинкой языка, твердым нёбом и верхними зубами. В русском и немецком языках шипящие согласные несколько лабиализованы. В русском литературном языке шипящие щелинные смягченные всегда долги и не связаны дивергенцией с соответствующими твердыми. Шипящие смычно-щелинные существуют в русском литературном языке только в смягченной разновидности, а свистящие смычно-щелинные — только в твердой разновидности. Звонкие смычно-щелинные, свистящий и шипящий, встречаются в русском языке только в строго ограниченных комбинаторных условиях и связаны дивергенцией с соответствующими им глухими согласными. В немецком употреблении звонкого шипящего [ʒ] чрезвычайно ограничено. Свистящие и шипящие согласные в русском языке связаны дивергенцией: свистящий согласный в положении перед шипящим подвергается полной ассимиляции, ср. ('z:at') сжать, {'ʃ:utʲm) с шумом.

Свободно-проходные звуки см. Гласные и согласные.

Свободный проход — один из двух основных способов регулирования выдыхаемой воздушной струи для образования звуков речи (см. Произносительные работы). Свободный проход в полости гортани (расширенный уклад голосовой щели) обуславливает глухие звуки, свободный проход в полости зева (опущенное положение мягкого нёба) — носовые звуки, свободный проход в полости рта — гласные, свободный проход в полости рта или зева в сочетании со смычкой в полости рта — смычно-проходные звуки.

Семантофонема см. Фонема.

Семаснологизация см. Фонологизация.

Сила голоса см. Голос, Напряженность звуков речи, Динамика речи. Ср. Громкость речи.

Синтагма — термин, применяемый в современном языкознании в двух различных значениях.

1. Согласно учению советского лингвиста Л.В.Щербы, синтагма есть возникающее в речи смысловое (синтаксическое) и в то же время фонетическое единство, создаваемое интонационными средствами, главным образом ударением (см. Интонация); она состоит из одного слова или из

ряда слов и выражает в данном контексте единое понятие, простое или сложное. Синтагма служит частью фразы, иначе — предложения, или сама образует эту высшую ступень членения речи. Членение на синтагмы может различать омонимичные предложения (ср., напр., *Писать/долго не умел* и *Писать долго/не умел*) и варьировать смысл предложения, например создавая обособление того или иного второстепенного члена: ср. *Однажды играли в карты/у конногвардейца Нарумова* и *Однажды/играли в карты у конногвардейца Нарумова* (А.С.Пушкин). В чисто фонетическом плане синтагму в первом значении называют «дыхательной группой», «речевым тактом» и т.д.

2. Согласно учению французского лингвиста Ф. де Соссюра и его школы, синтагма есть последовательное сочетание двух или нескольких элементов языка в незаконченном словосочетании («внешняя синтагма») и сочетание морфем в слове («внутренняя синтагма»). Связь элементов в синтагме характеризуется в общей форме как сочетание «определяемого» и «определяющего». Грамматический анализ сводится к описанию различных типов связи «определяющих» с «определяемыми». Понятие «синтагма» в этом значении применяется в работах некоторых советских языковедов.

Синтактизация см. Фонологизация.

Синтактическое целое см. Предложение.

Синхроническая фонетика см. Фонетика.

Слабоударные слова (иначе — слабоударяемые слова) см. Безударные слова.

Слитные согласные см. Смычно-щелинные звуки.

Слово (иначе — лексема) — выражение понятия при помощи звуков речи, функционирующее в качестве такового в данном социально-языковом коллективе и способное служить предложением или элементом предложения. Эта последняя способность отличает слово от низшей знаменательной (т.е. выражающей значение) единицы языка — морфемы. Слово может состоять из одной морфемы или из нескольких морфем. От высшей знаменательной единицы — от предложения — оно отличается 1) отсутствием признака (хотя бы относительной) законченности мысли, неспособностью (поскольку оно рассматривается как слово) служить высказыванием, сообщением (отсутствием коммуникативности); 2) в случае, если оно состоит более чем из одной морфемы, — своим строением, подчиненным действующим в данном языке нормам сочетания морфем —

нормам морфологии (словообразования и словоизменения), а не нормам сочетания слов — нормам синтаксиса; 3) постоянством своего морфематического состава, который почти не поддается произвольным изменениям со стороны говорящего, тогда как предложение свободно варьирует свой словесный состав в зависимости от потребностей говорящего; иначе говоря, слово является элементом языка, тогда как предложение есть использование языка для выражения индивидуальной мысли. Два последних признака отличают слово и от единицы, промежуточной между ним и предложением, — от словосочетания. Сказанное не исключает ни существования одноморфемных слов, ни существования однословных предложений.

С точки зрения фонетики отдельным словом является всякое сочетание морфем или всякое одноморфемное образование, способное служить предложением или элементом предложения, так как каждое такое образование обладает особым звуковым составом. Слова, обособленные по этим признакам, назовем «лексемами 1-й степени». С точки зрения словоизменения и семантики (учения о вещественных значениях слов) мы должны подвести под более обширное единство совокупность таких лексем (лексем 1-й степени), поскольку они обладают одним и тем же вещественным значением, выраженным при помощи одной и той же морфемы или одного и того же сочетания морфем, и различаются только теми морфемами, которые выражают определенные системы формальных значений, охватываемых парадигмами словоизменения. Эти единства назовем «лексемами 2-й степени». Наконец, с точки зрения словообразования и семантики мы должны рассматривать как единство совокупность лексем 2-й степени, обладающих одной и той же морфемой или одним и тем же сочетанием морфем, выражающим единое вещественное значение (одной и той же корневой морфемой, иначе — корнем или одним и тем же сочетанием корней), и различающихся морфемами, выражающими какие бы то ни было формальные значения, — как те, которые охватываются парадигмами, так и те, которые не укладываются в систему парадигм. Эти единства (к которым уже не прилагают наименование «слово», но которые, по существу, представляют собой следующую ступень той же градации) назовем «лексемами 3-й степени».

Пример:

отдельные лексемы 1-й степени: *стол; стол-а; стол-у;...; стол-ы;...*

единая лексема 2-й степени: *стол, стол-а, стол-у, ...; стол-ы, ...;*

единая лексема 3-й степени: *стол, стол-а, ...; стол-ик, стол-ика, ...; стол-овый, ...; стол-ов-ая* (в значении существительного), *...; на-стол-ьный, ...; за-стол-ьный, ...; стол-ов-а-ть-ся, стол-у-ю-сь,*

Степень единства (цельности), обособленности, самостоятельности слова (лексемы 1-й степени) в смысловом и звуковом отношении неодинакова в различных языках и стоит в обратном отношении к степени самостоятельности морфемы. Наиболее расшатано единство слова в немецком (см. Морфема). Уже в английском, несмотря на ряд действующих в том же направлении факторов (см. там же), к которым присоединяется еще и отсутствие регулярной дивергенции глухих и звонких согласных в зависимости от положения в конце слова, в ряде языков отмечающей конец слова, слово образует более прочное единство. В русском языке единство слова поддерживается следующими факторами: 1) единством ударения: слово в русском языке может быть охарактеризовано как слог, несущий ударение и выражающий определенное значение, или сочетание слогов, связанное единством ударения и выражающее определенное значение (необходимые оговорки см. в статье Безударные слова); 2) отличием при редукации гласных конечного и особенно начального положения в слове от положения внутри слова; 3) различием при редукации гласных положений в слоге доударном и среди доударных слогов положения в слоге, непосредственно предшествующем ударному, и в слоге, отделенном от ударного другими слогами; впрочем, эти различия в современном литературном языке постепенно исчезают; 4) ограничением дивергенции глухих и звонких согласных (кроме положения звонкого согласного перед глухим или глухого перед звонким) положением в конце слова (ср. в немецком недопустимость звонкого согласного также и в конце слога, а тем самым — и в конце морфемы); 5) почти полной обязательностью слогораздела на границе слова, но не морфемы (ср. в немецком локализацию слогораздела на границе морфем, во французском — полное игнорирование слогоразделов при слогоделении). Во французском языке благодаря слабоцент-

рализующему ударению слово в значительной мере подчинено высшему единству — словосочетанию, которому в фонетической плоскости соответствует акцентное звено. К акцентному фактору подчинения слова словосочетанию во французском присоединяются отсутствие дивергенции глухих и звонких согласных в конце слова и необязательность совмещения слогораздела с границей слова. Напротив, поддерживается единство слова во французском 1) неподвижным ударением на последнем слоге слова (которое, впрочем, выступает вполне отчетливо только при изолированном произношении, а в связной речи — при положении слова в конце акцентного звена) и 2) при помощи liaison. Во всех четырех языках — в одних в большей, в других в меньшей степени — существенным признаком слова как фонетического единства служит ударение. Поэтому слово представляет собой акцентное единство, не являясь в то же время акцентным периодом, так как, рассматриваемое как слово, а не как однословная фраза или элемент фразы в том или ином конкретном случае, оно не вызывает акцентного раздела. Ср. Безударные слова.

Словоизменение — образование ряда лексем 1-й степени, в совокупности составляющих лексему 2-й степени. Осуществляется главным образом при помощи присоединения к основе определенных придаточных морфем, а также при помощи корреляции. В русском языке оба эти средства нередко применяются совместно: ср. *виж-у — вид-ишь*. Кроме того, в языках с подвижным ударением средством словоизменения может служить перемещение ударения: ср. *вóды — водý, лйца — лицá*.

Существенный признак систем значений, выражаемых при помощи словоизменения, состоит в том, что под них подводятся целые разряды лексем 2-й степени, обладающих определенными основными формальными значениями (прежде всего — части речи и затем — более частные группы лексем 2-й степени в пределах той или иной части речи, например глаголы совершенного вида). В зависимости от того, какой ряд формальных значений образуется при помощи данного ядра изменений лексем 2-й степени, и от основного ее формального значения (от принадлежности к той или иной части речи) различаются виды словоизменения — склонение, спряжение, образование степеней сравнения.

Словообразование — образование лексем 3-й степени. Осуществляется главным образом при помощи присоединения к корню слова определенных придаточных морфем, а также при помощи корреляций, а в языках с подвижным ударением — еще и переносом места ударения с одного слога на другой (напр., рус. *за́мок* — *замо́к*).

Словосочетание — сочетание слов (лексем 1-й степени), связанных синтаксически и выражающих единое сложное и расчлененное понятие, но, в отличие от предложения, не выражающее законченной (хотя бы относительно законченной) мысли, т.е. суждения. В терминологии некоторых лингвистов понятие «словосочетание» не содержит признака незаконченности в указанном смысле и потому охватывает также и предложение.

Слог — кратчайший отрезок звучащей речи, состоящий из одного или нескольких звуков, выделяющийся в слуховом восприятии из потока речи как фонетическое единство, образованное в произносительной деятельности говорящего согласно природе сочетающихся звуков и нормам данного языка. Всякий отрезок звучащей речи воспринимается как ряд слогов или как отдельный слог. Даже произнесенный отдельно звук речи — не только гласный, но и согласный — в слуховом восприятии оценивается как слог. Слог выделяется слухом из потока речи легче, чем отдельный звук; этим объясняется, что слоговое письмо возникло раньше, чем звуковое письмо. Слог является носителем ударения и весь как целое является ударным или безударным. Если слог состоит из двух или более звуков, то один из них воспринимается как господствующий (слоговой, или слогообразующий, звук, слоговая вершина), а остальные — как подчиненные ему (неслоговые, или неслогообразующие, звуки). По степени способности к слогообразованию (к роли слоговой вершины) звуки речи образуют следующую градацию (в убывающем порядке): гласные, сонорные согласные (напр., в сербском и чешском слово *прст*, *prst* 'палец'), звонкие шумные согласные, глухие согласные щелевые (напр., *с* в междометии *пст*), глухие согласные взрывные. При этом полноценные слоги создаются только при участии гласного; приведенные слоги *прст*, *пст*, а также второй слог в слове *жи-знь* со слогообразующим согласным *н* (*н* мягкое) воспринимаются как неполноценные. Нормальный слог состоит из одного гласного или его сочетания с согласными в количестве от одного до шести в различном

порядке. Особый вид слога представляют дифтонги, образуемые сочетанием двух гласных. Слог, оканчивающийся слоговым звуком, называется «открытым», а оканчивающийся неслоговым звуком — «закрытым». Слогоделение в разных языках во многом следует различным принципам. Так, в русском языке наблюдается стремление помещать границу между слогами перед сочетанием согласных, предшествующих гласному, а в немецком, напротив, после такого сочетания: ср. рус. *ко-сти* и нем. *kost-en*; в русском слогораздел (кроме случаев сочетания служебного слова с полнозначенательным) вызывает слогораздел, напр. *сут-ы-дет*, а не *су-ды-дет* 'суд идет', а во французском этого не наблюдается, напр. *be-la-mi* (*bel-ami*) 'милый друг'.

Для объяснения слогообразования и слогоделения выдвинуто несколько теорий, но ни одна из них не дает этим явлениям полного объяснения. Теория слога настоятельно требует дальнейшей разработки.

Слоговая вершина (иначе — слоговой звук) — слогообразующий звук. См. Слог.

Слоговой звук см. Слог.

Слогообразующий звук см. Слог.

Сложные слова — двукорневые слова.

Смычка (иначе — затвор) — одна из двух основных форм преграды для выдыхаемой воздушной струи (см. Произносительные работы, ср. Щель), состоящая в плотном смыкании активного органа с пассивным или пары активных органов. Слуховой эффект при этой форме преграды создается или при помощи взрыва (см. Смычно-взрывные звуки, Крепкий и тихий приступ гласных), или при помощи образования щели на месте смычки (см. Смычно-щелинные звуки), или тем путем, что воздушная струя, встретив на своем пути плотную преграду, направляется через свободный проход, образованный одновременно со смычкой в другом месте произносительного аппарата (см. Смычно-проходные звуки, Носовые звуки, Боковые согласные).

Смычно-взрывные звуки (иначе — взрывные звуки, нередко неточно называемые смычными или затворными) — согласные, в артикуляции которых основной работой является образование смычки, разрешаемой при помощи взрыва. Смычно-взрывным звуком является и крепкий приступ гласных. Смычно-взрывные звуки относятся к числу мгновенных.

Смычно-проходные звуки — звуки речи, образуемые путем одновременного сочетания смычки в полости рта в качестве основной работы и свободного прохода для поступающей в полость рта массы воздуха в качестве работы дополнительной. По способу образования смычно-проходные звуки относятся к согласным и обладают среди согласных наименьшей собственной напряженностью; по слуховому эффекту они являются сонорными; по месту образования свободного прохода делятся на носовые согласные и боковые согласные. Смычно-проходные звуки являются длительными.

Смычно-щелинные звуки (иначе — аффрикаты, слитные согласные) — согласные, образуемые при помощи последовательного сочетания двух основных работ — смычки, которая в результате ослабленного взрыва сменяется щелью, образуемой той же парой органов в той же зоне произносительного аппарата. Таким образом, артикуляция смычно-щелинных звуков слагается из двух последовательных установок. Тем не менее их нельзя рассматривать как сочетание смычно-взрывного звука с соответствующим щелинным, напр. {ts} как (ts): ослабленность взрыва делает это последовательное сочетание двух установок настолько тесным, что его слуховой эффект существенно отличается от слухового эффекта двух звуков. Смычно-щелинные звуки относятся к числу мгновенных. О парности смычно-щелинных согласных по глухости—звонкости в русском и непарности их по этому признаку в немецком языке см. Глухие и звонкие звуки; об их непарности в русском по твердости—смягченности см. Твердые и смягченные согласные. Во французском языке смычно-щелинных согласных нет.

Смычные звуки (иначе — затворные звуки) — звуки речи, в состав артикуляции которых входит в качестве основной работы смычка, т.е. согласные смычно-взрывные, смычно-щелинные и смычно-проходные. О неправильном применении терминов «смычные» и «затворные звуки» см. Смычно-взрывные звуки.

Смягчение согласных см. Твердые и смягченные согласные.

Собственный звук см. Резонатор.

Согласные см. Гласные и согласные.

Сонорные и шумные звуки — соотносительные категории звуков речи, с акустической (слуховой) точки зрения различаемые по признаку соотношения в слуховом впечат-

лении элементов музыкального звука (голоса) и шума, локализованного в определенной части произносительного аппарата. Сонорные звуки речи — это звуки, в которых элемент голоса преобладает над элементом локализованного шума. К их числу относятся звуки свободно-проходные (гласные), смычно-проходные и ударные, далее — звук [r] в английском и французском языках, факультативно также в русском (но не в немецком), английский и французский звук [l], французский [ʃ], факультативно-согласные [j] и [w] — все эти звуки, конечно, при условии звонкого произношения. Сонорные звуки, за исключением многоударного («раскати-стого») r, относятся к числу наименее напряженных.

Сонорным звукам противопоставляются шумные — звонкие шумные согласные, в которых элемент голоса и элемент локализованного шума обладают приблизительно равным весом, и звуки, лишенные голоса, — глухие согласные и все звуки, произносимые шепотом. Сонорные звуки не имеют нормальных глухих соответствий: при незначительной напряженности отсутствие голоса лишает их достаточно ощутимого слухового эффекта. В связи с этим они формально не заменяются глухими в тех положениях, в которых наблюдается дивергенция между звонкими шумными и соответствующими им глухими. Оба указанных признака не относятся к русским сонорным. Глухие на месте сонорных появляются только в определенных комбинаторных условиях в начале и в конце слова в соседстве с глухим согласным, и притом только факультативно (см. Факультативная дивергенция), напр. в русских словах *мстить, рты, театр*; во французском — также и внутри слова; в английском сонорные согласные ни в каких условиях не чередуются с глухими. О влиянии сонорных согласных на дивергенцию глухих согласных со звонкими в положении перед глухими в русском языке см. Глухие и звонкие звуки.

Соответствующие звуки см. Парные звуки.

Спинка языка см. Язычные согласные, Дорсальные и корональные согласные, Гласные переднего, среднего и заднего образования.

Спиранты см. Щелинные звуки.

Спорадическая дивергенция — дивергенция, не охватывающая всех случаев, подходящих под данные комбинаторные условия, распространяющаяся только на определенные слова или грамматические формы. Примеры: дивергенция глухих и звонких согласных в английском языке; ди-

вергенция (e)∥(o) в русском, ср. *цвет — цвёл, небо — нёбо*; дивергенция (ч)∥(ш) в положении перед (н) в русском, ср. *конешно — конечный*. Спорадическим дивергенциям противопоставляются регулярные дивергенции.

Способ образования звуков — один из двух основных критериев классификации звуков речи. Определяется шириной прохода для выдыхаемой воздушной струи в месте образования. Основное деление звуков речи по способу образования — гласные и согласные (см. в словаре соответствующие термины); о делении гласных по способу образования см. Широкие и узкие гласные. Ср. Фонетическая категория.

Сравнительная фонетика см. Фонетика.

Средненёбные гласные см. Гласные переднего, среднего и заднего образования.

Средненёбные согласные см. Среднеязычные согласные.

Среднеязычные согласные (иначе — палатальные, средненёбные, твердонёбные согласные) — согласные, в артикуляции которых основной работой является работа средней спинки языка. Из этих согласных в русском и английском употребляется только один — звонкий щелинный (j), не отграниченный четко от неслогового (j̥) (ср. Щель). В немецком языке существует также соответствующий согласному (j) глухой (ç) («Ich-laut»), однако связанный дивергенцией не с ним, а с заднеязычным глухим щелинным (x) (см. Заднеязычные согласные). О факультативной дивергенции, связывающей в немецком согласный (j) с заднеязычным согласным (g), см. там же. Во французском языке существует среднеязычный носовой согласный, а в южно-французском (т.е. не в образцовом) произношении — также среднеязычный боковой согласный.

С акустической (слуховой) стороны среднеязычные согласные отличаются от всех остальных согласных тем, что обладают самым высоким собственным звуком. По этому признаку они противопоставляются всем остальным согласным как мягкие согласные твердым, с одной стороны, и смягченным — с другой. Ср. Твердые и смягченные согласные.

Стесненно-проходные звуки см. Гласные и согласные.

Стиль речи см. Фонетический стиль речи.

Субституты см. Фонема¹.

Супрадентальные согласные см. Дорсальные и корональные согласные.

Суффикс см. Морфема.

Сцепление звуков см. Переходные звуки.

Т

Твердонёбные гласные см. Гласные переднего, среднего и заднего образования.

Твердонёбные согласные см. Среднеязычные согласные.

Твердые и смягченные согласные (иначе — палатализованные согласные) — соотносительные категории согласных с точки зрения отсутствия (твердые согласные) или наличия (смягченные согласные) в артикуляции дополнительной работы средней спинки языка (отсутствия или наличия смягчения или палатализации). Смягченные, или палатализованные, согласные надо отличать от мягких, или палатальных, в артикуляции которых среднеязычная работа является основной (см. Среднеязычные согласные). Однако термин «мягкие согласные» употребляется и в расширенном смысле — для обозначения как собственно мягких (палатальных), так и смягченных (палатализованных) согласных. Строго говоря, среднеязычная работа в смягченных согласных является дополнительной только при условии, если основная работа выполняется не языком, а каким-либо другим активным органом, т.е. в губных согласных. Что же касается язычных согласных, то в их артикуляции палатализация состоит в смещении места образования по направлению к средней спинке языка. Так, смягченные переднеязычные согласные являются по месту образования переднесреднеязычными, смягченные заднеязычные (в которых смещение места образования особенно заметно) — заднесреднеязычными. С этим связано и значительное увеличение артикулирующей поверхности языка в смягченных согласных сравнительно как с твердыми, так и с мягкими (среднеязычными). Церебральным согласным соответствуют смягченные альвеопярные, так как подъем средней спинки языка выдвигает кончик языка вперед. Со слуховой стороны смягченные согласные отличаются от соответствующих твердых более высоким собственным звуком, которые, однако, не достигают высоты собственного звука мягких (среднеязычных) согласных.

Смягченные согласные играют видную роль в русской фонетике: все русские согласные, за исключением мягкого (среднеязычного) и смычно-щелинных согласных, из которых свистящий всегда является твердым, а шипящий — всегда смягченным, образуют пары по фонематизованному признаку твердости—мягкости (см. Фонологизация и Фонема). При этом все они, за исключением щелинных шипящих (которые в смягченном различии встречаются только в качестве долгих; см. уточнение в статье Долгие и краткие звуки), попарно связаны дивергенцией 2-й степени. Так, твердые согласные (если оставить в стороне некоторые не оговоренные ниже исключения) не употребляются и заменяются соответствующими смягченными в следующих положениях: 1) перед гласным *i* и его безударными дивергентами (см. Редукция); 2) перед гласными *e*, *ε* и их безударными дивергентами (см. там же); однако эта дивергенция не распространяется на положение перед расширенными *ε* и *e*, которые наблюдаются: а) после твердых согласных, не связанных дивергенцией со смягченными (см. выше), напр. в словах *шест*, *шесть*, *цеп*, *цепь*; б) в некоторых заимствованных словах, напр. в слове *сэр*; в) перед смягченными согласными того же места образования, напр. *лампе*, *кость*, а также в положении перед мягким согласным (*j*), напр. *ль-ешь*; г) при сочетании согласного определенного места образования с последующим смягченным согласным другого определенного места образования, напр. переднеязычного согласного с последующим смягченным губным (*дверь* и т.п.). Смягченные согласные в русском языке не употребляются перед гласным [ы].

Смежность с твердыми или мягкими и смягченными согласными обуславливает в русском языке определенные дивергенции гласных: так, гласный [а], применяемый в положении между твердыми согласными или после твердого согласного в конце слова, заменяется гласным [α] в положении рядом со смягченным (или мягким) согласным и гласным [ä] в положении между двумя смягченными (или мягким и смягченным): ср. *маза-ть* (с гласным [а] и *мазь* (с гласным [α]), *вод-а* (с гласным [а]) и *земл-я* (с гласным [α]), *сяд-у* (с гласным [α]) и *сядь* (с гласным [ä]); гласный [е], применяемый в положении между смягченным или мягким согласным и твердым согласным, а также после смягченного или мягкого согласного в конце слова, заменяется гласным [e] в положении между двумя смягченными и гласным [ε]

расширенным между твердыми согласными или после твердого согласного в конце слова, а последний в положении между твердым и смягченным согласным заменяется гласным (е) расширенным: ср. *хлеб* (с гласным (е)) и *хлеб-е* (с гласным ("е)), *стол-е* (с гласным ("е)) и *конц-е* (с расширенным (е)), *цел-ый* (с расширенным (е)) и *цель-н-ый* (с расширенным (е)). Аналогичным образом варьируют гласные (и) и (ы) (ср. выше): *игры* и *с-ыгранный*; разные оттенки каждого из этих гласных: *бит* (с гласным і) и *бить* (с гласным (і) суженным), *быт* (с гласным (ы)) и *быть* (с гласным (ы), продвинутым вперед); более передние и более задние оттенки гласных (о) и (у). Все эти дивергенции — как гласных, так и согласных — представляют собой случаи ассимиляции.

Во французском языке смягченные согласные встречаются только в строго ограниченных комбинаторных условиях, причем степень их палатализации меньше, чем в русских смягченных согласных. В немецком согласные подвергаются незначительному смягчению в конечной своей части в положении перед гласными переднего образования і, е, у, ø. В английском языке ассимилятивная палатализация согласных в положении перед гласными і, е совершенно ничтожна. Ср. Полумягкие согласные.

Твердый приступ гласных см. Крепкий и тихий приступ гласных.

Тембр звука см. Резонатор.

Темп речи — средняя быстрота речи на протяжении того или иного акцентного периода или ряда акцентных периодов. Измеряется числом слогов, произносимых в единицу времени. При прочих равных условиях (в частности, при равных смысловых условиях) темп акцентного периода стоит в обратном отношении к его объему. Однако равенство условий в связной речи встречается редко, и потому эта тенденция не позволяет говорить ни о равнодлительности (иначе — изохронности) акцентных периодов одного и того же порядка, и в частности о равнодлительности акцентных членов и звеньев (ср. Речевой такт), ни даже о тенденции к такой равнодлительности. Незнаменательная вариация темпа речи исчерпывается его связью с динамикой: при значительной произносительной напряженности и общей громкости темп стоит в обратном отношении к этим факторам. Темп играет существенную роль в акцентной организации речи: 1) степень дробности акцентного членения стоит в обратном отношении к темпу; 2) изменения тем-

па служат одним из средств взаимного противопоставления акцентных периодов (ср. Акцентные средства); 3) изменение темпа служит одним из способов осуществления акцентных разделов (ср. Ряд). Далее, темп является существенным элементом интонации. Наконец, темп служит наиболее уловимым показателем фонетического стиля речи.

Теснина см. Щель.

Тесситура см. Мелодика речи.

Тихий приступ гласных см. Крепкий и тихий приступ гласных.

Трахея см. Произносительный аппарат.

У

Увулярные согласные см. Язычковые согласные.

Ударение — акцентное господство слога, т.е. его преобладание над другими слогами по акцентному весу. Различаем ударение в пределах слова — ударение слова, или словоударение, иначе — лексическое ударение, акцентную вершину слова и ударения в пределах акцентного периода, в тесном смысле — фразовые ударения, акцентные вершины периодов, в ходячей терминологии обозначаемые неадекватным названием «логические ударения». Ударение, подчиняя господствующему слогу остальные слоги данного языкового образования, служит одним из главнейших факторов акцентной организации речи, а также одним из главнейших факторов единства слова.

Ударение слова в русском, немецком, английском и французском языках опирается только на первичный акцентный вес. В зависимости от разницы в степени напряженности ударных и безударных слогов ударение может быть сильноцентрализующим или слабоцентрализующим. Сильноцентрализующее ударение свойственно русскому, английскому и, с известными оговорками (см. ниже), немецкому языку, слабоцентрализующее ударение — французскому. В языках с сильноцентрализующим ударением гласные безударных слогов подвергаются более или менее значительной редукции.

Место ударения в каждом слове (в каждой лексеме 1-й степени) фиксированно (см. Акцентный вес слога) (оговорку о словах с колеблющимся местом ударения см. ниже). По месту, занимаемому в слове (в лексеме 1-й степени), ударение бывает подвижным, или разноместным, и неподвиж-

ным, или одноместным. Каждому языку присущ тот или иной из двух типов ударения слова. Неподвижное ударение падает во всех словах данного языка на определенный по счету (с начала или с конца слова) слог, например во французском языке на последний слог, а в тех словах, в которых последний слог содержит гласный неполного образования (э), — на предпоследний. Однако, вследствие слабоцентрализованного характера ударения слова, ударения в связной речи во французском языке отчетливо слышны только на последнем слоге каждого звена; это уже ударения фразовые, а не ударения слова. Подвижное ударение падает на любой слог слова (в каждой лексеме 1-й степени — на определенный слог, если оставить в стороне некоторое количество слов с колеблющимся местом ударения, имеющих в каждом языке с подвижным ударением). В зависимости от того, остается ли ударение при словоизменении на одном и том же слоге (или — что практически почти одно и то же — на одной и той же морфеме) или в разных формах слова может падать на разные слоги (на разные морфемы), иначе говоря, в зависимости от неподвижности или подвижности ударения в лексеме 2-й степени, подвижное ударение может быть морфологически свободным, как в русском языке (ср. *вод-á* — *вóд-у*, *óстров* — *остров-á*, *с-каж-ú* — *ска́ж-ешь*, *выс-о́к-ий* — *вы́ш-е*, *ми́л-ый* — *ми́л-её*), или морфологически связанным, как в немецком и, менее строго, в английском. В немецком языке каждая морфема в зависимости от разряда, к которому она принадлежит (корень, суффикс, флективное окончание, приставка), обладает (по крайней мере в принципе) определенной акцентной классификацией, т.е. стоит на определенной ступени акцентного веса. При этом, в то время как в русском и французском языках, с известными оговорками — и в английском различаются только две ступени акцентного веса — слоги ударные и безударные, в немецком нередко наблюдается более сложная градация слогов в пределах слова (главное ударение, второстепенное, или побочное, ударение двух степеней и безударность). Корни полнозначительных слов нормально несут главное ударение, словообразовательные суффиксы либо несут второстепенное ударение, либо безударны, флективные окончания всегда безударны, и только приставки могут стоять на разных ступенях акцентного веса; уточнения, и довольно значительные, и модификации в эту градацию вносят: 1) нормы сочетания морфем различ-

ных разрядов (так, при сочетании корня с приставкой главное ударение в большинстве случаев приобретает приставка, а корень несет второстепенное ударение; при сочетании двух корней в сложных словах обычно первый корень несет главное ударение, а второй — второстепенное, иногда же оба корня несут главное ударение, создавая двуударность слова); 2) дополнительные факторы акцентного веса. Наличие второстепенных ударений значительно понижает централизующую роль ударения слова в немецком языке. В английском языке акцентная квалификация морфем проведена менее последовательно, чем в немецком. Однако и в английском наблюдается безударность флективных окончаний и тенденция к ударению на корне, встречаются в нем значительно реже, чем в немецком, второстепенные ударения и двуударные слова. В русском языке второстепенные ударения встречаются редко — в многосложных и в слабоударных словах, притом только факультативно; двуударных слов в русском языке нет (см. Слово). В постановке и локализации второстепенных ударений видную роль играет ритмическая тенденция. Во французском языке при отсутствии второстепенных ударений в любом неодносложном слове может появиться второе ударение на первом или на втором слоге, не отменяющее нормального ударения и превосходящее его по силе, — эмфатическое ударение, применяемое в порядке фразового ударения, а не ударения слова, с целью выделения слова в эмоциональном стиле речи. О смысловом использовании ударения слова ср. Фонологизация.

Хотя ударение является одним из главнейших факторов образования слова как фонетического единства, в каждом языке есть некоторое количество безударных слов.

Ударением акцентного периода является ударение его господствующего слога, причем ударение (акцентная вершина) периода всегда совмещается с ударением (акцентной вершиной) того или иного слова, входящего в состав периода. При помощи распределения между словами фразовых ударений различного веса говорящий выражает сравнительную оценку важности понятий, обозначаемых отдельными словами (ср. Акцентуация и Акцентный вес слога). Таким образом, фразовое ударение используется как интонационное средство. Известную роль играет в распределении фразовых ударений и формально-грамматический фактор. Существенные ограничения в этом отношении на-

блюдаются во французском языке: принцип неподвижности ударения распространяется в нем и на фразовую акцентуацию; ударение звена падает всегда на последнее слово звена (ср. выше), ударение ряда, господствующее над ударением звеньев (ср. Акцентуация), — на последнее слово ряда; эмфатическое ударение (см. выше) не воспринимается как господствующее ударение периода и стоит вне градации организующих фразу ударений — скорее как интонационный, а не акцентный фактор. В пределах одного периода (за исключением высшего периода — цепи) нетерпимы два равных ударения, при наличии которых акцентный период распадается на два периода. Ударениями фраз являются ударения знаменательных акцентных периодов (т.е. ударения звеньев и периодов высшего порядка, см. Акцентуация). Из этого следует, что в пределах фразы (акцентной цепи) возможны фразовые ударения как различного, так и одинакового веса.

Ударные звуки — согласные, образуемые путем удара (одноударные согласные) или нескольких последовательных ударов (многоударные, или раскатистые, согласные) утонченного (утонченных) в результате оттягивания массы языка назад и напряженного кончика языка или язычка. «Удар» представляет собой вздрагивание активного органа, возникающее при условии его значительной напряженности, при сильном токе выдыхаемого воздуха — обычно без соприкосновения активного органа с пассивным, реже — при очень слабом их соприкосновении; таким образом, в момент сближения активного органа с пассивным создается на мгновение очень узкая щель, сменяющаяся свободным проходом. Поэтому ударные звуки могут быть охарактеризованы как щелинно-проходные.

Ударные звуки нормально сонорны. Одноударные согласные относятся к числу мгновенных звуков, многоударные — к числу длительных. Переднеязычные ударные согласные обладают корональной артикуляцией — твердой при более загнутом кончике языка, смягченной (передне-среднеязычной) при несколько более плоском укладе языка. Ударные согласные обычно называют дрожащими, вибрирующими, барабаниющими согласными. Все эти названия неудачны, так как они покрывают только многоударные звуки. Между тем одноударные и многоударные согласные употребляются в различных языках на равных основаниях, и применение той или другой разновидности ударного со-

гласного зависит частью от комбинаторных условий, частью от состава артикуляции, частью от индивидуальных привычек говорящего; так, в русском языке одноударность всецело господствует в смягченной разновидности переднеязычного ударного согласного и преобладает в положении между гласными независимо от твердости или смягченности. Однако термин «ударные согласные» представляет известные неудобства, совпадая с термином, употребляемым для обозначения известных акцентных явлений (ср. Ударный слог и Ударный гласный). Место образования ударных согласных почти ни в одном языке не играет словоразличительной роли (не фонологизовано), однако несколько варьирует по языкам. Во французском языке господствует язычковое образование, хотя допускается и переднеязычное; в немецком одинаково допустимы оба места образования; в русском единственно допустимым является переднеязычное образование, язычковое же оценивается как дефект речи (как вид картавости); английский язык в образцовом (южноанглийском) произношении лишен ударных согласных.

Ударный гласный (иначе — ударяемый гласный) — гласный, находящийся в ударном слоге слова и образующий его слоговой звук. Ударным гласным противопоставляются гласные безударных слогов — безударные, или неударяемые, гласные, среди которых различаются гласные доударные, или предударные, и гласные заударные — в зависимости от положения в соответствующих слогах.

Ударный слог (иначе — ударяемый слог) — слог, несущий ударение слова или акцентного периода, иначе — акцентная вершина слова или акцентного периода (см. Акцентуация и Ударение). Ударным слогам противопоставляются безударные, или неударяемые, слоги, среди которых различаются слоги доударные, или предударные, и слоги заударные — в зависимости от их места по отношению к ударному слогу.

Узкие гласные см. Широкие и узкие гласные.

Уподобление звуков см. Ассимиляция звуков.

Установка звука см. Артикуляция.

Установочные звуки см. Переходные звуки.

Ф

Факультативная дивергенция — необязательная дивергенция, т.е. дивергенция, которая в пределах фонетиче-

ских норм данного языка может не осуществляться. При этом с точки зрения орфоэпии один из дивергентов может быть более или менее предпочтительным или вовсе недопустимым; некоторые факультативные дивергенции допускаются только в определенных фонетических стилях речи. Примеры: дивергенция между сонорными согласными и соответствующими глухими в ряде языков; дивергенция между глухим и звонким [h] в немецком языке (см. Голосовая щель, п. 4); дивергенция согласного [g] с соответствующим ему щелинным в одних комбинаторных положениях и с согласным [j] в других в немецком (см. Заднеязычные согласные); дивергенция переднеязычного согласного [r] и язычкового [R] в немецком (см. Ударные звуки) с неслоговыми гласными — коронально-церебральным и веллярным (см. Редукция); дивергенция между двумя степенями редукции в русском языке. Факультативным дивергенциям противопоставляются обязательные дивергенции. Факультативную дивергенцию не следует смешивать со спорадической дивергенцией, которая в определенных случаях является обязательной. Ср. также Факультативное произношение.

Факультативное произношение (иначе — колеблющееся произношение) — допустимость в пределах фонетических норм данного языка свободной замены определенного звука во всех случаях его употребления или в определенных словах и грамматических формах (но вне зависимости от комбинаторных условий) другим определенным звуком или другими определенными звуками. С точки зрения орфоэпии и фонетического стиля речи факультативные произношения оцениваются и дифференцируются так же, как факультативные дивергенции. Примеры: переднеязычное [r] и язычковое [R] в немецком и французском языках (см. Ударные звуки); произношение смычно-взрывного [ʏ] и соответствующего щелинного в определенных словах в русском языке (см. Заднеязычные согласные); произношение редуцированного гласного или гласного полного образования [e] во французском (см. Редукция). Факультативное произношение не следует смешивать ни с факультативной дивергенцией, ни со спорадической дивергенцией, которые распространяются только на определенные комбинаторные условия.

Факультативное чередование см. Факультативная дивергенция.

Фаукальные согласные — согласные, образуемые при помощи носового (фаукального) взрыва.

Фаукальный взрыв см. Носовой взрыв.

Флексия см. Морфема.

Фонационное дыхание см. Экспирация.

Фонация — произносительная деятельность. Осуществляется при помощи произносительных работ. См. также Экспирация. Слуховым результатом фонации является речевое звучание.

Фонема¹ — фонологическая единица языка (см. Фонология), совокупность произносительно-слуховых (иначе — антропофонических) свойств, объединенных в допускающий изолированное произнесение комплекс, применяемый в данном языке в качестве единственного или основного признака для различения пар элементарных знаменательных языковых единиц — морфем или слов (лексем 1-й степени) — при разложении их на рядоположные элементы; иначе — отдельный звук речи, рассматриваемый с точки зрения его социальной функции — функции построения и различения морфем и слов — в отвлечении от особенностей его материального проявления в тех или иных комбинаторных условиях. Являясь признаками для различения, фонемы данного языка тем самым взаимно противопоставлены (ср. Фонологизация).

Фонема как известная абстракция противопоставляется своим конкретным проявлениям в определенных комбинаторных условиях — своим дивергентам (в другой терминологии — субститутам) и образует с ними диалектическое единство — единство сущности и явления, сущности и бытия. Таким образом, фонема представляет собой дивергентный ряд, т.е. ряд звуков, связанных отношением дивергенции. Единство же фонемы создается единством смысловой функции дивергентов, выбор между которыми определяется всецело внесмысловыми, комбинаторными условиями.

Русские согласные, парные по признаку твердости—смягченности (см. Твердые и смягченные согласные), являются разными фонемами, различия же в гласных, обусловленные твердостью или мягкостью смежных с ними согласных (см. там же), — это различия вариантов. Однако парные по признаку твердости—смягченности согласные представляют исключение: смягченность этих согласных всегда обусловлена последующим гласным, и потому различие заднеязычных согласных по твердости—смягченности не мо-

жет служить ни единственным, ни основным различием между двумя морфемами или словами; таким образом, пара заднеязычных согласных, различающихся только по этому признаку, составляет единую фонему. Вариантами одной фонемы являются также русские гласные {и} и {ы}: гласный {ы} всегда сопровождается предшествующим твердым согласным, который невозможен перед гласным {и} (ср. Твердые и смягченные согласные). Единую фонему 1-й степени составляют немецкие согласные {ç} и {x}, см. Заднеязычные согласные. См. еще Звуки неполного образования и Дифтонг. Примером лексематических фонем могут служить длинные согласные в немецком языке.

Комбинаторные условия, определяющие дивергенции, и в частности вариации, в разных языках неодинаковы; поэтому каждый знак обладает своей особой системой фонем, и звуки, в одном языке являющиеся вариантами одной фонемы, в другом могут выступать в качестве отдельных фонем. Так, в русском гласные {а} и {ɑ} являются вариантами одной фонемы (ср. {а} в *брат* и {ɑ} в *братья*), а во французском это две отдельные фонемы.

Фонема² — отдельный звук речи какого-либо языка или диалекта, рассматриваемый в его функции, т.е. как средство для различения и материал для построения значимых единиц языка — слов и морфем, в отвлечении от тех особенностей его произношения и звучания, которые не вызывают смысловых различий в словах и морфемах; основная фонетическая единица языка.

Термин «Ф.» возник во французской лингвистической литературе в 1874 г. для обозначения звука речи (Л.Аве со ссылкой на Дюфриш-Деженетта). Русский лингвист И.А.Бодуэн де Куртенэ еще в 1870 г. высказал мысль о «несовпадении физической природы звуков с их значением в механизме языка». По предложению своего ученика Н.В.Крушевского он обозначил новым термином «Ф.» лингвистический «эквивалент» физического звука, т.е. звук, рассматриваемый с точки зрения его существенных для языка свойств; Ф. как «фонетический» элемент языка он противопоставил материальному звуку как элементу «антропофоническому». Первоначально (1881 г.) Бодуэн де Куртенэ и Крушевский рассматривали Ф. как фонетически неделимые части морфем, являющиеся членами традиционных (исторических) чередований (см. Чередование звуков) и состоящие из одного звука или из сочетания звуков, напр.: *млч* в *пе-*

ку — печешь, *ordra* в *ворота* — *врата* (т.е. то единство, которое позже, в 1929 г., Н.С.Трубецкой назвал «морфо-немой»). Впоследствии (1894 г.) Бодуэн де Куртенэ изменил содержание Ф., обозначив термином «Ф.» единство членов «дивергенции» (иначе — «вариации»), т.е. живого комбинаторного (позиционного) чередования произносительных вариантов звука, не связанных непосредственно со смысловыми различиями между морфемами и словами. В 1911 г. ученик Бодуэна де Куртенэ, русский языковед Л.В.Щерба, уточнил мысль учителя, истолковав Ф. как кратчайшие выделенные из потока речи звуковые различители слов данного языка. Вместе с тем Щерба различил в Ф., с одной стороны, основной оттенок, наименее зависимый от комбинаторных (позиционных) условий и, в частности, произносимый изолированно, а с другой — его комбинаторные (позиционные) замены. В «Курсе общей лингвистики» французского лингвиста Ф. де Соссюра, изданном посмертно в 1916 г., Ф. рассматриваются как взаимно противопоставленные звуковые единицы, образующие в каждом языке систему, ограниченную определенным количеством элементов. Изложенные идеи Бодуэна де Куртенэ, Щербы и де Соссюра лежат в основе современных, во многом другом несогласных между собой теорий Ф. Разработка этой проблемы, в течение полувека занимавшая лишь нескольких ученых, резко оживилась с середины 20-х годов в связи с деятельностью Пражского лингвистического кружка, созданного при участии Н.С.Трубецкого и Р.О.Якобсона, которые перенесли в зарубежное языкознание идеи Бодуэна де Куртенэ и Щербы; в сочетании с теорией де Соссюра эти учения послужили отправной точкой для интенсивной исследовательской работы лингвистов всего мира. Пражский лингвистический кружок издал восемь томов «Трудов», почти целиком посвященных вопросам функциональной фонетики (за которой было закреплено название «фонология» вместо употреблявшегося Бодуэном де Куртенэ термина «психофонетика»), и в их числе капитальную работу Н.С.Трубецкого «Основы фонологии» (1939 г., на нем. яз.; в переводе на русский она вышла в 1960 г. — *А.Л.*). За годы своего бурного развития учение о Ф. преодолело психологизм, которым отличались концепции Ф. у основоположников фонологии: так, Бодуэн де Куртенэ начиная с 1894 г. характеризовал Ф. как «психический эквивалент звука речи», «представление», постоянно существующее в сознании носи-

телей определенного языка и обуславливающее возможность его «проходящих обнаружений» в форме материального звука.

Ф. сама по себе не выражает какого-либо значения, но, отличаясь от всех других Ф. (и тем самым противопоставляясь им), она способна служить единственным или основным признаком для отличия одной значимой единицы языка (слова или морфемы) от другой, а следовательно, и первичным элементом звукового строения этих единиц: ср. русские слова *стал, стыл, стол, стул* и *мал, мыл, мол, мул*. В этом и состоит ее языковая функция.

Дивергенции (вариации) Ф. как элементов одних и тех же морфем в составе разных слов или форм слова приводят к распадению Ф. на члены Ф. — дивергенты (варианты), так что Ф. представляет собой ряд позиционно чередующихся звуков — дивергентный (вариационный) ряд. Дивергенции вызываются фонетическим положением (позицией) Ф. в каждом конкретном случае (см. Чередование звуков). Поэтому дивергенции лишены непосредственной связи с различием значений: они только сопутствуют другим, непосредственно значимым различиям в звуковом строении слов и их форм (например, замене одного окончания или суффикса другим, переносу ударения с одного слога на другой). Так, в русском языке гласные в безударных слогах редуцируются, напр.: *вд-а* при *вóд-ы*, *трав-а* при *трав-ы*, *рѣк-лв-бѣй* (орфографически *роковой*) при *рок* и *дуб-óв-ый*; артикуляция согласных перед гласным *у* приобретает округление и выдвигание губ, напр. в *жд-у* при *жд-а-л* с обычным неогубленным согласным.

В приведенных случаях (дивергенции 1-го рода) чередуются звуки, которые встречаются в русском языке только во взаимно исключаящих положениях (например, гласные полного образования только в ударных слогах, редуцированные гласные — только в безударных); выбор того или иного из них всегда продиктован позицией, поэтому различия между ними ни в каких условиях не способны служить единственным или основным различием между парой слов; эти звуки являются членами (дивергентами) одной Ф.: $a\bar{a}l\bar{l}b$, Ф. $o\bar{a}l\bar{l}b$... и т.п. (см. ниже о составе Ф. 2-й степени); среди них можно различить основной член Ф. (который служит названием всей Ф.) и ее побочные, или заменительные, члены (см. выше об основном оттенке в концепции Щербы); те фонетические положения (позиции), в которых вы-

ступает основной член, называются сильными, а те положения (позиции), в которых используются заменительные дивергенты, — слабыми. В других случаях (дивергенции 2-го рода) в известных позициях допустимы оба звука, чередующихся в других позициях. Так, в русском языке звонкий шумный согласный, попадая в положение перед глухим согласным или в конец слова, заменяется соответствующим глухим согласным, напр. *лот* (орфографически *год*) при *год-ы*, но в других положениях, напр. перед гласным, выбор глухого или звонкого согласного фонетически не обусловлен и потому непосредственно вызывает различие слов, напр. *год-ы* и *гот-ы*.

В теориях Ф. этот факт получает различные отражения. Одни ученые из случаев, подобных приведенному, делают вывод, что глухие и соответствующие им звонкие шумные согласные безоговорочно являются в русском языке различными Ф.: они взаимно противопоставлены по соотносительным («коррелятивным») признакам (глухость—звонкость); эти признаки в них «семасиологизованы» (т.е. использованы в смысловых целях), «фонологизованы» (т.е. использованы для образования и различения Ф.), в отличие от несемасиологизуемой, нефонологизуемой разницы между гласным полного образования и редуцированным, между согласным огубленным и неогубленным и т.п. Поэтому в тех положениях, где недопустим один из членов такой пары, происходит не чередование членов одной Ф., а чередование разных Ф.

Согласно другому взгляду, Ф. не вступают между собой в живые позиционные чередования, так что фонемный состав морфем (в отличие от их звукового состава) дивергенциями не нарушается; дивергентная связь пары звуков свидетельствует об их принадлежности к одной Ф.: всякий звук, выступая в данной позиции в качестве заменителя другого звука, становится побочным членом его Ф. даже в том случае, если в других позициях он является основным членом другой Ф.; конечный согласный *т* в слове *год* выступает как заменительный вариант Ф. [д].

С первой точки зрения Ф. являются непосредственными опознавательными знаками и кратчайшими потенциальными звуковыми различителями слов; противопоставления, способные в данном языке в каких-либо позициях сообщать звукам эту функцию (например, глухость и звонкость шумных согласных), рассматриваются как фонологизован-

ные во всех случаях употребления соответствующих звуков независимо от того, в каких позициях, в каких словах или морфемах они употреблены в том или ином конкретном случае; со второй точки зрения Ф. — звуковой различитель, реализованный в конкретных морфемах и словах в определенных позиционных условиях, кратчайший звуковой элемент значимой единицы языка в совокупности его вариаций (а тем самым — и в отвлечении от них) и в соотношении с ее смысловым единством. Эти две концепции не исключают друг друга, как обычно полагают: они освещают роль звуков в языке с разных сторон; Ф. в той и другой плоскости должны быть терминологически различены, например, как Ф. 1-й и 2-й степени (Ф.¹ и Ф.²). Инвентарь Ф. данного языка одинаков в той и в другой плоскости, но дивергентные ряды, образующие Ф.¹ и соответствующие Ф.², не вполне совпадают; неодинаков в обеих плоскостях и фонемный состав отдельных морфем и слов: например, в омонимичных словах *рот* и *род* конечные Ф.¹ одинаковы — {т}, а Ф.² различны (в первом слове — {т}, а во втором — {д}).

Как показывают приведенные примеры, одни и те же звуки могут входить в состав разных Ф.; следовательно, в известных позициях противопоставление двух Ф. по тому или иному коррелятивному признаку утрачивается — происходит нейтрализация фонологического противопоставления, иначе — конвергенция двух Ф. Это явление сильно затрудняет фонемный анализ слов, главным образом в отношении заменительных дивергентов 1-го рода. В плоскости Ф.² их принадлежность к той или иной Ф., по мнению ряда лингвистов, нередко может быть установлена путем сопоставления с такими словами и формами слов, содержащими ту же морфему, где данная Ф. находится в сильном положении: потому гласный *а* в слове *вд-а* является дивергентом Ф.² {о} (ср. *вóд-ь*), а в слове *трав-а* дивергентом Ф.² {а} (ср. *тра́в-ь*). Однако в очень многих случаях такие сопоставления невозможны, например в слове *бл-ран, рад-ьст'*, (орфографически *радость*). В плане Ф.² здесь недифференцированный (или нейтрализованный) дивергент Ф. {а} и {о}. С точки зрения Ф.¹ вопрос о фонематической принадлежности дивергентов 1-го рода в слабых положениях пробовали решать путем искусственно замедленного и проясненного произношения по слогам. Однако независимо от вопроса о методологической правомерности этого приема такое прояснение удается в одних случаях (напр. *во-да*, а

не *ва-да*, *ба-ран*, а не *бо-ран*), но не удается в других (напр., *ра-дость* и *ра-дасть* одинаково неудовлетворительно), и поэтому неправильно было бы, как это делали ученые, отождествлявшие Ф. с Ф.¹, относить гласные *л* и *ъ* во всех случаях к составу Ф. (а). В плоскости Ф.¹ дивергенты 1-го рода в слабых положениях во всех случаях следует рассматривать как недифференцированные (нейтрализованные). Таким образом, как в той, так и в другой плоскости слова фонологически разлагаются частью на Ф., частью на недифференцированные (нейтрализованные) дивергенты, которые, ввиду их соотносительности с Ф. при разложении слов на первичные фонетические элементы, могут быть названы фонемоидами.

Существует и третья точка зрения, представители которой, отвергая двупланность Ф., опираются только на позиционный признак и усматривают связь дивергента с двумя Ф. во всех случаях нейтрализации фонологического противопоставления — не только в *блран* и т.п., но и в *трава*, *вада* и *рот* (орфографически *рот* и *род*) или *фларой* (орфографически *второй*).

Ф. как понятие определенной совокупности звуков языка, связанных дивергенцией в функциональное единство, представляет собой абстракцию; однако при правильном понимании эта абстракция сохраняет значительное богатство материальных признаков и образует диалектическое единство с обнимаемыми ею дивергентами (единство общего и отдельного). Полной конкретностью обладает только звук, материально осуществляемый в произносительном акте; звук языка, освобожденный от индивидуальных признаков конкретного и единичного произносительного акта, — это уже известная абстракция. Звук языка является таковым лишь потому, что в качестве члена какой-либо Ф. способен служить в определенных фонетических условиях материалом для построения и признаком для различения слов; социальную ценность сообщает ему только принадлежность к составу Ф., связывающая его со словесным мышлением и языковым общением. С другой стороны, Ф. существует только как функциональное единство дивергентов и может быть произнесена и услышана только в виде того или иного дивергента. Даже звуки речи, которыми оперирует материальная фонетика (антропофоника), — не что иное, как звуковые образования, служащие членами Ф. в каких-либо языках. Следовательно, Ф. и ее члены образу-

ют диалектическое единство сущности и явления. Противоположность же Ф. и звука явственно обнаруживается, между прочим, в фонетическом членении речи: материальный процесс произнесения протекает физиологически непрерывно на протяжении акта речи и не знает границ между отдельными звуками; известные перерывы в форме пауз (отсутствие звучания), впрочем вовсе не совпадающие с границами между отдельными звуками языка (например, внутри глухих взрывных согласных), имеют место в колебательном движении воздуха в результате соответствующих работ органов речи, но только Ф. представляют собой ряд вполне разграниченных единиц, причем разграничение их в потоке речи опирается не только на материальные данные, но и на функциональные признаки: физически тождественные звучания, если они материально членимы, могут в одном языке служить Ф. (например, дифтонги в немецком языке), а в другом — представлять собой сочетания Ф. (например, дифтонги в русском языке, см. Дифтонг).

В толковании Ф. как абстракции нередко встречаются серьезные ошибки. Так, явный отпечаток идеализма сообщает зарубежной фонологии воспринятое ею учение де Соссюра о том, что «положительные качества» Ф. «безразличны», потому что «сущность этих единиц только в том, чтобы не смешиваться друг с другом». Отсюда заключают, что «фонологически существенными» являются только «дифференциальные признаки», служащие единственным отличием данной Ф. от каждой из наиболее сходных с ней Ф. того же языка. Вследствие этого из характеристики Ф. нередко выпадают признаки, существенные с точки зрения построения слов и их узнавания в речи: например, в описание Ф. французского глухого заднеязычного согласного *k* не включают указание на взрывной способ образования, потому что во французском языке нет щелевого заднеязычного согласного *x*; изучение этих «фонологически несущественных» признаков данного языка исключается из «фонологии» как лингвистической дисциплины и передается «фонетике», якобы принадлежащей к числу естественных наук. Так учение о функции звука как различителей слов и морфем искусственно отрывается от ее функции как строительного материала для этих языковых единиц. Этой ошибки можно избежать, последовательно рассматривая Ф. как ряд звуков, скрепленных дивергенцией, состоящий из основного дивергента, противопоставленного основным ди-

вергентам других Ф., и его позиционных преобразований; связь между дивергентами, создающая единство Ф., обеспечивается не обобщением их материальных признаков, как нередко утверждают, — потому что эти признаки могут значительно разойтись, — а только принадлежностью к одному вариационному ряду (ср., напр. гласный *o* в слове *срок* и редуцированный гласный, похожий скорее на *ы*, заменяющий его в 1-м слоге слова *ръкловой*).

Состав коррелятивных признаков (т.е. фонологических противопоставлений, позиций, вызывающих те или иные дивергенции, и дивергентных рядов Ф. с их позиционными заменителями) — иначе говоря, фонологической системы — в разных языках и диалектах не менее различен, чем комплекты представленных звуков речи. Так, в русском языке наблюдается корреляция большинства согласных по твердости—смягченности, но ее нет в английском, немецком, французском и других языках; во французском языке различаются как Ф. два вида гласного *э* — *э* широкое (или открытое) и *э* узкое (или закрытое): ср. слова *prêt* 'готовый' с *э* широким и *pré* 'луг' с *э* узким; между тем в русском языке это различие не коррелятивно и характеризует дивергенты единой Ф. *э*, напр. *цел* (*э* широкое, между твердыми согласными), *цель* (*э* более узкое, между твердым и смягченным согласным); во многих языках различаются как Ф. гласные краткие и долгие: ср. нем. *Stadt* 'город' и *Staat* 'государство'; франц. *bette* 'белая свекла' и *bête* 'животное', а также 'глупый'; чешск. *pas* 'паспорт' и *pás* 'пояс'; между тем в русском языке гласный, произнесенный без удлинения, и протянутый гласный — даже не дивергенты, так как протягивание гласного применяется в русском языке не в зависимости от позиции, а только для выражения известных эмоций, т.е. в качестве одного из средств фразной интонации; также и высота гласных в русском, как во многих других языках, служит только для интонирования фразы, тогда как во многих африканских языках это коррелятивный признак, различающий Ф., а следовательно, и слова; в русском, белорусском, болгарском, немецком и других языках звонкий шумный согласный в конце слова заменяется глухим; в украинском, сербском, французском, английском и ряде других языков этой дивергенции нет; в русском литературном языке широко представлена в качестве дивергенции редукция гласных в безударных слогах, но она значительно ограничена в севернорусском наречии (ср. литера-

турное *вада* и севернорусское *вода* с сохранением отчетливого *о*) и вовсе отсутствует в украинском языке. Наконец, языки обнаруживают различия и в общем характере фонологической системы. Так, русский язык отличается чрезвычайным богатством вариаций как гласных, так и согласных Ф. и небольшим числом гласных Ф. (одни ученые насчитывают их пять, другие — шесть); в немецком — то же богатство дивергенций согласных, тогда как число гласных Ф. достигает 16; прогрессивная ассимиляция широко представлена в агглютинативных языках — тюркских, монгольских, финно-угорских — и в немецком, но почти не встречается в русском и других славянских, а также в романских языках.

Фонематизация см. Фонологизация.

Фонетика¹ — отдел языкознания, изучающий звуковую сторону языка — его фонетическую систему. Расчленяется на: 1) антропофонику и фонологию; 2) учение о фонетических элементах и учение о фонетических сочетаниях, которое, в свою очередь, расчленяется на учение о взаимовлиянии фонетических элементов и на учение об их координации, иначе — на учение о высших фонетических единствах (акцентологии); 3) общую фонетику и частную фонетику, или фонетику отдельных языков, причем термин «фонетика» переносится и на сам объект изучения частной фонетики — на фонетическую систему того или иного языка; 4) синхроническую, или описательную, фонетику, изучающую фонетическую систему определенного языка той или иной эпохи как одновременно данную систему, независимо от ее исторических изменений, и диахроническую, или историческую, фонетику, изучающую историческое развитие фонетической системы данного языка; 5) фонетику единичных языков и сравнительную фонетику группы родственных языков. Эти линии членения могут перекрещиваться между собой, образуя различные области фонетического исследования (синхроническая фонология, диахроническая фонология, историческая акцентуация отдельного языка, описательная антропофоника группы родственных языков и т.д.).

Фонетика² — отдел языкознания, изучающий звуковой строй (звуковую структуру) языка. Ф. обычно включается в состав грамматики, но, ввиду того что два других раздела грамматики — морфология и синтаксис — связаны между собой более тесно, а Ф. связана не только с другими отдела-

ми языкознания, но и с естественными науками — с физиологией и акустикой, она занимает в грамматике и вообще в языкознании несколько обособленное положение. Ф. расчленяется на общую Ф., входящую в состав общего языкознания, и частные Ф., изучающие звуковой строй того или иного отдельного языка или определенной группы языков. С этим членением перекрещивается членение Ф. на описательную (синхроническую, статическую) и историческую (диахроническую, эволютивную), причем некоторые лингвисты относят название «фонетика» только к исторической, называя описательную фонетику «физиологией (звуков) речи» или «фонологией» (не в общепринятом значении этого термина). Историко-фонетическое исследование в плане частной Ф. опирается на критический анализ написаний в памятниках письменности данного языка (если они существуют) и на сравнение звукового строя его диалектов и генетически родственных языков в их диалектном ветвлении. Последняя область составляет ряд особых дисциплин в пределах частной Ф. — сравнительно-исторические Ф. отдельных языковых семей и групп родственных языков; они образуют наиболее разработанный отдел сравнительно-исторической грамматики соответствующей семьи или группы языков и служат главнейшей опорой для этимологии, на которую, в свою очередь, опираются. В учении об отдельном языке, если в нем выработалась литературная форма, различается Ф. литературного языка и диалектологическая Ф.; сравнительно-историческое изучение диалектов данного языка с включением литературного диалекта совпадает с исторической Ф. данного языка в целом. Практическая задача обучения произношению иностранных языков вызвала разработку особой разновидности частной Ф. — сопоставительных Ф. двух или большего числа живых языков в их литературной форме на современном этапе их исторического развития, независимо от наличия или отсутствия между этими языками генетического родства.

Между фонетическими дисциплинами существует тесная связь. Общая Ф., выясняя общие условия и теоретические возможности производства и восприятия звуковой материи языка, общие признаки применяемых в языке звуковых образований, опирается на данные акустики, физиологии (органов речи, слуха, а также головного мозга) и психологии; устанавливая же в общей форме различия в использовании этих возможностей, в проявлении и сочетании этих

признаков в разных языках, общая Ф. строится путем обобщения данных Ф. отдельных языков; в свою очередь, исследования в области частных Ф. в значительной мере опираются на знания, накопленные общей Ф. Описательная Ф. не должна упускать из виду, что состояние звуковой структуры языка, принимаемое ею за более или менее устойчивое на протяжении некоторого отрезка времени, в действительности непрерывно испытывает изменения, закономерности которых в известной мере раскрываются в исторической Ф.; в то же время для исторической Ф. современное состояние звуковой структуры данного языка служит исходной точкой и предметом исторического объяснения, а различия фонетических норм по диалектам и колебания их внутри каждого диалекта дают исторической Ф. материал для заключений не только о тенденциях дальнейшего развития звуковой структуры данного языка, но и об ее прошлом. Тем не менее методы исследования и характер получаемых знаний в описательной и исторической Ф. настолько различны, что между этими дисциплинами создается известный разрыв: описательная Ф. современного языка пользуется непосредственным наблюдением и экспериментированием и допускает даже применение точных приборов (экспериментальная Ф., точнее, инструментальная Ф., которая представляет собой не отдельную фонетическую дисциплину, а только совокупность определенных приемов исследования); историческая же Ф., пользуясь указанными выше методами, получает выводы менее конкретные, в известной части носящие характер гипотез.

Изучение звуковой структуры языка представляет двоякую задачу: в Ф. изучается, с одной стороны, звуковая материя языка, с другой — ее социальная функция, использование звуковой материи для образования значимых единиц языка — морфем, слов и фраз. Эти две стороны звуковой структуры языка — материальная и функциональная (иначе — антропофоническая и фонологическая) представляют собой две неразрывно сплетенные и взаимно проникающие точки зрения Ф. на предмет ее исследования. Ошибочным является различение «фонетики» (материальной Ф.) и «фонологии» (функциональной Ф.) как двух разных наук, из которых первая служит вспомогательной дисциплиной для второй и будто бы принадлежит естествознанию, тогда как вторая входит в состав языкознания как одной из общественных наук: отказавшись в пользу «фонологии» от изуче-

ния социальной функции звуковой материи в языке, Ф. лишилась бы предмета исследования, потому что под углом зрения этой функции определенные материальные и психические явления группируются в единый комплекс. Само понятие отдельного звука речи как известной единицы устанавливается только языкознанием. С другой стороны, учение о функционировании в языке материальных единиц в отрыве от исследования их материальной природы ведет к грубой схематизации и дает искаженное отражение языковой действительности.

Антропофоническая звуковая материя языка изучается с трех точек зрения: с точки зрения ее производства при помощи органов речи, т.е. как известная физиологическая и психическая деятельность; с точки зрения вызываемого этой деятельностью звучания, т.е. как известный акустический процесс, сводящийся к колебаниям частиц воздуха; с точки зрения восприятия этого звучания слухом, т.е. как известный процесс физиологический и психический. Таким образом, понятие звука языка и звука речи шире акустического понятия звука: с материальной стороны эти явления трехсторонние — произносительно-акустико-слуховые (а не произносительно-слуховые, как говорят обычно).

От других лингвистических дисциплин (от лексикологии, морфологии и синтаксиса) Ф. отличается тем, что принципиально исключает из своего содержания анализ значений и смысловых отношений, выражаемых звуковыми средствами языка. Ф. интересуется только фактом смыслового использования («семасиологизация») звуковых образований и явлений, характером их связи с выражением значений (непосредственная или косвенная связь), совпадением или несовпадением звуковых границ с границами между значимыми величинами языка (фразами, синтагмами, словами, морфемами).

Основной физиологической и в то же время основной фонетической единицей языка является фонема — кратчайшее выделимое из морфем и слов звуковое образование, способное нести в определенном языке смысловую функцию, т.е. служить первичным элементом звуковой структуры его значимых единиц. Фонема представляет собой обобщение ряда звуков под углом зрения их смысловой функции. Звук языка — не что иное, как вариант какой-либо фонемы данного языка, звук речи — это звук, служащий вариантом фонемы в каком-либо языке; т.е. понятия

антропофонических единиц — звука языка и звука речи — опираются в конечном счете на понятие фонемы, т.е. на смысловую функцию материи языка. Более сложными сравнительно со звуком фонетическими единицами являются (в восходящем порядке) слог (см.), силовая группа, а высшими, всегда значимыми, — синтагма и фраза (см.), образуемые при помощи интонационных средств (см. Интонация). Вне этой градации стоит слово как своеобразная фонетическая единица. Почти во всех языках смысловое единство полнозначного слова поддерживается теми или иными фонетическими средствами — одноместным экспираторным ударением (на последнем слоге слова во французском языке, на предпоследнем в польском, на начальном в чешском, венгерском и др.) или гармонией гласных, сообщающей известное единообразие всему вокализму (гласному составу) слова, как в тюркских, монгольских и финно-угорских языках, или музыкальным (мелодическим, тоновым) ударением, так или иначе организующим слово при помощи мелодических приемов (высота голоса), различных в разных языках, например, в китайском, японском, сербскохорватском, шведском; менее ярко — при помощи равноместного экспираторного ударения, как в русском языке, при помощи специфических позиционных чередований в конце слова (замена звонкого шумного согласного глухим, как в русском и многих других языках).

На основании анализа возможностей произносительного аппарата, с одной стороны, и сопоставления звуков, встречающихся в разных языках, — с другой, общая Ф. составляет общий инвентарь и классификацию звуков речи. Классификация звуков строится почти целиком на основе произносительных признаков. Произносительная сторона звуков речи значительно более изучена, чем акустическая, и в довольно широких пределах допускает непосредственное наблюдение — зрительное, осязательное и при помощи мускульного чувства; поэтому произносительная характеристика звуков оказывается практически более доступной и во многих случаях более полезной, например при исследовании фонетически еще не описанных языков, при усвоении произношения чужого языка, при обучении иностранному произношению, при исправлении дефектов речи и т.п. Акустическое же исследование, переводя качественные различия между звуками в количественные и достигая этим большой точности в характеристике звуков, принципи-

ально едва ли способно дать опорные точки для их классификации.

Классифицируя звуки речи, общая Ф. вынуждена несколько обобщать их произносительные признаки, так что тот или иной «звук речи» представляет собой фонетическую (антропофоническую) категорию, в пределах которой уместаются звуки, обладающие известными общими признаками, но не вполне одинаковые в деталях. Так, например, звук *т* — это переднеязычный взрывной глухой согласный, но в разных языках он может варьировать по ряду признаков: может произноситься с поднятым (как в английском) кончиком языка или с опущенным (как в русском), смычка в его артикуляции может быть более передней (как в английском) или более задней (как в русском). В значительной мере различия между звуками одной и той же антропофонической категории в разных языках зависят от различий в артикуляционной базе, т.е. от привычного для носителей данного языка уклада органов речи и свойственных им произносительных тенденций.

В звуковом составе отдельных языков обнаруживаются существенные различия, например наличие в немецком, французском, азербайджанском и других языках гласных типа нем. *й*, которых нет в русском, английском, итальянском и даже в южном (верхнегерманском) наречии немецкого языка; наличие во французском и польском языках носовых гласных, наличие в английском и испанском языках межзубных согласных, которых нет во многих других языках. Наряду с различиями в звуковом составе между разными языками обнаруживаются также известные сходства. Так, почти во всех языках имеются гласные категорий «а, э, и, о, у» и согласные категорий «м, н, п, т, к».

Среди антропофонических методов исследования звуковой материи, и прежде всего звуков речи, различаются методы непосредственного наблюдения (слухового, зрительного и произносительного) и методы инструментальные. Существуют приборы, служащие для наблюдения над произносительными работами и установками: ларингоскоп и стробоскоп для наблюдения работы голосовых связок; ряд приборов, регистрирующих произносительные работы при помощи кимографа и пишущих барабанчиков; поясной пневмограф для изучения фонационного дыхания; лабиограф для регистрации работы губ; ларингограф для регистрации вибрирования голосовых связок и др.; фотография

и кинофотография, рентгенография и кинорентгенография полостей рта, зева, гортани; палатография — получение на искусственном нёбе отпечатков языка при произнесении различных звуков, и лингвография — получение на языке отпечатков прикосновения к окрашенному нёбу при произнесении различных звуков. Форманты гласных могут изучаться на слух при помощи камертонов или резонаторов, возбуждаемых по принципу резонанса при совпадении настройки полости рта, созданной соответствующей установкой органов речи с их характерным тоном. Осциллограф, спектрометр и другие анализаторы дают графики, улавливающие не только форманты, но и весь акустический состав звука. Фонограф, грамофон, магнитофон производят звукозапись, допускающую воспроизведение звучания и при помощи известных приспособлений перевод в форму акустических кривых; таким образом, одно и то же звучание может изучаться параллельно при помощи слуха и объективным измерительным методом с исключением слуха; осциллографическая система звукового кино дает одновременно акустическую кривую, звучание и кинофотографию лица говорящего. Кимограф, соединенный с пишущими барабанчиками, дает кривые, регистрирующие одновременно давление воздуха, истекающего через нос и через рот, скорость его истечения, наличие или отсутствие вибрирования голосовых связок и носового резонанса, движение высоты голоса, длительность звучания и отдельных его элементов. Несмотря на ценность результатов, получаемых путем инструментального исследования, никоим образом не следует пренебрегать непосредственным наблюдением и экспериментированием при помощи слуха, зрения и особенно мускульного чувства. Инструментальные данные нередко не могут быть правильно истолкованы без сопоставления с данными непосредственного наблюдения; особенно ценны те инструментальные приемы, которые совмещают объективное исследование со слуховым. Слуховое впечатление, принципиально исключаемое акустическим исследованием, играет чрезвычайно важную роль в процессе языкового общения и в выработке ряда навыков, прививать которые призвана Ф. как прикладная наука; на первое место иногда выдвигаются чувство и зрение.

Практические приложения Ф. очень разнообразны. На Ф., частью в антропофоническом, частью в фонологическом аспекте, опираются: правильно поставленное обуче-

ние произношению чужих языков, обучение грамоте, исправление дефектов речи, обучение глухонемых звучащей речи и чтению с губ, развитие остатков слуха у тугоухих, далее — составление алфавитов для письменных языков и реформирование существующих алфавитов и систем орфографии, в известной мере — орфоэпия, техника сценической речи и пения, телефония, звукозапись, радиотехника. Данными Ф. пользуется психология, например, при исследовании развития функции речи у ребенка, медицина — при диагностике нервных и психических расстройств и при локализации поражений коры головного мозга.

Фонетическая альтернация см. Фонетическое чередование.

Фонетическая категория — понятие совокупности звуков, объединенных определенным произносительно-слуховым признаком, например категории гласных и согласных, глухих и звонких звуков, смычно-взрывных звуков, переднеязычных согласных, лабиализованных и нелабиализованных гласных, гласных переднего образования, твердых и мягченных согласных, гласных полного образования и редуцированных и т.д.

Фонетические категории, опирающиеся на один и тот же произносительно-слоговой признак, всегда соотносительны, или, что то же, взаимно противопоставлены, т.е. объединяют звуки либо содержащие данный признак, либо лишенные этого признака; однако такое соотношение в конечном счете включает иногда более двух членов; так, звуки, лишенные того или иного признака, в свою очередь, подразделяются на звуки, содержащие или не содержащие другой признак того же порядка: так, гласные непреднего образования являются гласными либо среднего, либо заднего, либо нейтрального образования. Точно так же и различные разряды согласных по месту образования представляют собой соотносительные фонетические категории, равно как и различные категории согласных по способу образования.

Фонетические категории могут носить более общий или более конкретный характер: так, категории согласных — переднеязычных согласных — переднеязычных щелинных согласных — переднеязычных щелинных глухих согласных — переднеязычных глухих щелинных шипящих согласных — переднеязычных глухих щелинных шипящих дорсальных согласных — представляют ряд фонетических ка-

тегорий, расположенных по убывающей степени общности и возрастающей степени конкретности. Пример узких (т.е. обладающих значительной конкретностью) фонетических категорий представляют пары соответствующих звуков.

Как показывают приведенные примеры, каждый звук речи, совмещая несколько признаков, подводится под целый ряд фонетических категорий. Об отдельном звуке речи как фонетической категории см. Звук речи.

Фонетические категории опираются на произносительно-слуховые, т.е. антропофонические, признаки и потому, рассматриваемые независимо от их функции в данном языке, являются категориями антропофоническими. Фонологизация соотносительной пары признаков, на которой построены соответствующие фонетические категории, превращает их в категории фонологические.

Фонетическая система языка — система свойственных данному языку фонем, дивергенций с вариациями и акцентно-интонационных средств.

Фонетические звуковые законы — формулировки закономерных звуковых изменений («звуковых переходов»), совершившихся в определенном, ограниченный период времени в историческом развитии того или иного языка. В 70-х годах XIX в. представители немецкой лингвистической школы младограмматиков провозгласили принцип отсутствия исключений из Ф.з., кроме случаев совместного действия двух или нескольких Ф.з. и действия аналогии. Закономерные (регулярные) фонетические изменения, как и нерегулярные (единичные), к числу которых принадлежат метатезы и диссимиляции, могут быть спонтанными, т.е. охватывающими все случаи употребления данного звука, или комбинаторными, т.е. охватывающими случаи употребления данного звука в определенном фонетическом положении (например, переход *e* в *o* в положении перед твердым согласным или в конце слова в русском языке). Примером скрещения двух Ф.з. служит объяснение исключений из закона передвижения согласных в германских языках законом К. Вернера.

Само понятие «Ф.з.» подверглось суровой критике со стороны лингвистов, не примыкавших к школе младограмматиков (Г.Шухардт, И.А.Бодуэн де Куртенэ и др.); но даже защитники этого термина (в том числе и один из его авторов — К.Бругман) вынуждены были признать, что он, в сущности, не является необходимым. По существу, содер-

жащиеся в Ф.з. формулировки регулярных звуковых изменений для исторической фонетики необходимы, но они должны рассматриваться лишь как тенденции, которые осуществляются постольку, поскольку не встречаются препятствий в других фонетических и нефонетических факторах развития языка. Всякий Ф.з. формулирует только начальный и конечный пункты сложного процесса и не охватывает промежуточных этапов, не прослеживает борьбы между отживающими и нарождающимися явлениями (см. Речь).

Понятие «Ф.з.» нередко расширяют, подводя под него: 1) звуковые соответствия, устанавливаемые сравнительно-исторической фонетикой между родственными языками; 2) нормы описательной (синхронической) фонетики — правила сочетаемости и несочетаемости звуков и правила чередований звуков — живых позиционных и традиционных.

Фонетические нормы — социальные нормы (нормы, действующие в определенном социально-языковом коллективе), определяющие фонетическую структуру данного языка.

Фонетический стиль речи — совокупность произносительно-слуховых особенностей каждого конкретного акта речи, зависящая от его целевой установки и внешних условий, а также от индивидуальных речевых привычек говорящего. Классификация фонетических стилей не может претендовать на большую точность, так как опирается на несколько неопределенную совокупность нередко трудноуловимых признаков. Опыт такой классификации, предназначенной для целей преподавания иноязычного произношения, принадлежит Ш.Балли. Его классификация сводится к следующим четырем ступеням: торжественное произношение, тщательное произношение, замедленное разговорное произношение, быстрое разговорное произношение. Наиболее уловимым признаком для классификации фонетических стилей является темп речи, рядом с ним в качестве факторов фонетического стиля выступают такие тесно связанные с ним акцентно-интонационные средства, как общая напряженность и громкость речи (см. Темп речи и Динамика речи) и степень акцентной расчлененности речи (см. там же и Интонация); далее, степень четкости акцентных разделов и выбор осуществляющих их средств, степень разнообразия, четкости и яркости динамико-мелодических движений. Совокупным действием акцентно-инто-

национных средств обуславливаются по преимуществу такие общие определения, как «рассудочный стиль», «резонерский стиль», «лекторский стиль», «разговорный стиль» и т.п. Факторами фонетического стиля служат также степень тщательности произношения со стороны полноты и точности артикуляции, степень строгости выполнения орфоэпических норм, полнота или неполнота звукового состава слов (*здра(в)ствуйте* или *здрасте* и т.п.), более или менее широкое пользование редукцией, применение или устранение факультативных ассимиляций — ср. Факультативная дивергенция.

Нормы произношения, обязательные или допустимые в одном стиле речи, могут оказаться совершенно неуместными в другом; так, некоторые нормы немецкой Hochsprache, применяемые в разговорной речи, вызывают у немца впечатление искусственности и напыщенности.

Фонетическое чередование (иначе — чередование звуков, фонетическая альтернатива) — существующее в данном языке в известную эпоху соотношение между двумя звуками или двумя фонетическими категориями, состоящее в том, что в известных условиях, определяемых фонетически (см. Комбинаторные условия) или морфологически, т.е. известными случаями словообразования и словоизменения, допускается один из этих звуков (или одна из этих фонетических категорий) и не допускается другой из этих звуков (или другая из этих фонетических категорий). Звуки, связанные чередованием, называются альтернантами, и совокупность их образует альтернативный ряд. Сообразно двум указанным категориям условий, вызывающих чередования, различаются два основных вида чередований (см. Дивергенция) и соответственно два вида альтернантов (дивергенты и коррелятивы) и два вида альтернативных рядов (дивергентные и коррелятивные ряды). Понятие фонетического чередования переносится с отдельных звуков и фонетических категорий также и на различные виды одной и той же морфемы, видоизменяемой чередованиями (дивергенциями и корреляциями). Знаком фонетического чередования служат две вертикальные черточки, например в русском языке альтернативные ряды звуков $a||l||t$, $d||d'||t$; альтернативный ряд, образующий морфему *ход* (*ход-ы*) — *хлд* (*ход-ить*) — *хот* (*ход*) — *хлж* (*хож-у*) — *хаж* (*хаж-ивал*) — *хлжд* (*хождение*).

Фонологизация (иначе — семасиологизация) — использование в фонетической системе данного языка того или иного элементарного, т.е. далее неразложимого, произносительно-слухового (иначе — антропофонического) признака в качестве основного (т.е. непроеизводного, в частности — независимого от комбинаторных условий; ср. Дивергенция) признака для различения пар знаменательных языковых единиц. Такие признаки называем фонологизованными или семасиологизованными признаками. Служа признаками различения, фонологизованные признаки тем самым соотносительны им, или, что то же, взаимно противопоставлены. В зависимости от того, для различения каких единиц — морфем, слов или словосочетаний и предложений — применяется тот или иной фонологизованный признак, различаем три вида фонологизации — морфологизацию, лексикализацию и синтактизацию. Признаки, по которым различаются фонемы — фонематизованные, или фонематические, признаки, — как явствует из определения фонемы, принадлежат к числу признаков морфологизованных или лексикализированных. Фонема представляет собой комплекс фонематизованных (фонематических) признаков.

Системы фонологизованных признаков неодинаковы в разных языках. Так, соотносительные признаки твердости—смягченности согласных фонематизованы в русском языке (ср. *дан* и *дань*, *ров* и *рев*), но не фонологизованы ни во французском, ни в немецком, ни в английском (ср. Фонема); соотносительные признаки долготы и краткости гласных фонематизованы в трех последних языках, но только синтактизованы в русском (см. Долгие и краткие звуки); соотносительные признаки ударности и безударности слога лексикализированы в русском языке, обладающем подвижным и морфологически свободным ударением (ср. *за́мок* и *замо́к*, *ру́ки* и *руки́*), морфологизованы в немецком, где ударение морфологически связано, и синтактизованы во французском — в языке с неподвижным ударением. В качестве примеров синтактизованных признаков можно привести акцентные средства — мелодические, динамические и темповые, служащие для взаимного противопоставления акцентных периодов, или мелодические движения, служащие для различения повествовательных и вопросительных предложений (см. Интонация, Мелодика речи).

Фонологическая категория см. Фонетическая категория.

Фонология¹ (иначе — функциональная фонетика) — учение о звуковой материи языка с точки зрения ее функции — построения и различения значимых единиц языка (морфем, слов и фраз). Основную и наиболее разработанную часть ее составляет теория фонемы, т.е. учение о функционировании в языке отдельного звука. Фонологическое изучение ударения, фразной интонации, морфемы и слова как фонетических целых, так же как и разработка исторической Ф., находится в зачаточном состоянии.

Некоторые лингвисты (Ф. де Соссюр, М.Граммон) употребляют термин «Ф.» в другом значении, применяя его к физиологии звуков речи, абстрагированной от конкретных языков.

Фонология² — отдел фонетики, изучающий использование звуковой материи языка для выражения значений. Таким образом, фонология изучает фонетическую систему языка во всем ее объеме под углом зрения социальной функции языка. Элементарной единицей, подлежащей изучению фонологией, является фонема. Ср. Антропофоника.

Об употреблении термина «фонология» в других значениях см. Фонетика.

Формант гласного — самый сильный характерный тон гласного (см. Резонатор). На слух, в шепотном произношении (во избежание заглушения характерного тона звуком голоса, см. там же), может быть воспринят характерный тон переднего резонатора (т.е. полости, находящейся впереди места подъема языка), несколько модифицированный примесью характерных тонов других частей резонатора. Сравнивая гласные на слух по высоте характерного тона, необходимо произносить их шепотом с одинаковой (лучше всего с минимальной) степенью напряженности, так как изменение степени напряженности равносильно изменению степени упругости стенок резонатора. При помощи таких опытов можно установить следующие положения: при прочих равных условиях 1) более узкий гласный выше, чем более широкий; 2) гласный более переднего образования выше, чем гласный более заднего образования; 3) нелабиализованный гласный выше, чем лабиализованный; 4) чистый гласный выше, чем носовой.

Фраза¹ — предложение в смысле синтаксического целого, рассматриваемое с произносительно-слуховой, акцентно-интонационной стороны; акцентная цепь; вообще —

предложение, рассматриваемое в известной абстракции от его формально-грамматической структуры; предложение как смысловое и фонетическое единство.

Фраза² — грамматический термин, в одном употреблении (например, во французской грамматической литературе) обозначающий то же, что предложение, в другом (например, у А.М.Пешковского) — противопоставляемый термину «предложение». В последнем случае под Ф. понимают смысловое единство, целостность и законченность которого выражается средствами формально-грамматическими, и притом предикативными. Понятие Ф., противопоставляемое понятию предложения, предполагает различие двух типов синтаксического целого и в связи с этим используется не всеми грамматистами, а некоторыми даже подвергается критике. Различие между предложением и Ф., с точки зрения тех грамматистов, которые пользуются обоими понятиями, выступает особенно ярко при сопоставлении простого и сложного предложения. Простое предложение, не входящее в состав сложного, образует законченное единство, одновременно смысловое, интонационное и формально-грамматическое; следовательно, оно является и фразой, и предложением. Но сложное предложение лишено формально-грамматического единства; поэтому, с той же точки зрения, это не предложение, а «сложное синтаксическое целое» — «союз предложений», представляющий собой законченное единство только смысловое и интонационное, т.е. Ф.

Фрикативные звуки см. Щелинные звуки.

Фрикация см. Щель.

Функциональная фонетика см. Фонология¹.

Х

Характерный тон см. Резонатор.

Ц

Цепь (точнее, акцентная цепь, по-немецки Kette) — пятая и высшая ступень акцентного членения (ср. Акцентуация), непосредственно следующая за акцентным рядом. С синтаксической стороны соответствует предложению, точнее, синтаксическому целому, которое представляет из-

вестную законченность не только со смысловой и формально-грамматической точки зрения, но также и с точки зрения фонетической — как прочное акцентное и интонационное (см. Интонация) единство. От подчиненных ей акцентных периодов цепь отличается тем, что вызывает в восприятии впечатление акцентной законченности. Основным фактором членения речи на акцентные цепи служат мелодические средства (см. Мелодика речи). К мелодическим средствам разграничения цепей обычно (но не обязательно) присоединяется пауза. Кроме того, конец цепи обычно так или иначе отмечается динамическими средствами (см. Акцентные разделы). Ср. Акцентуация, Ряд, Фраза¹.

Церебральные согласные см. Дорсальные и корональные согласные.

Ч

Частная фонетика см. Фонетика.

Чередование звуков см. Фонетическое чередование.

Черпаловидные хрящи см. Произносительный аппарат.

Чистые гласные см. Носовые звуки.

Ш

Шепот — безголосная речь, производимая обычно при незначительном сужении (шепотном укладе) голосовой щели. Более тихий шепот производится при расширенном (дыхательном) укладе голосовой щели, более громкий шепот — при сужении нижнего отдела голосовой щели (между пирамидальными хрящами) и при расширенном укладе верхнего ее отдела (между голосовыми связками). Шепот противопоставляется голосной речи, свободно пользующейся суженным укладом голосовой щели, и отличается от голосной речи меньшей громкостью (ср. Голос).

В шепотной речи сохраняется нормальное соотношение звуков по напряженности; по этому признаку звонкие согласные в голосной и в шепотной речи отличаются. Ср. слова *баба* и *папа*.

Шипящие согласные см. Свистящие и шипящие согласные.

Широкие и узкие гласные — категории гласных с точки зрения способа образования, определяемые степенью подъема той или иной части языка (степенью сужения ротового прохода для выдыхаемой воздушной струи в месте образования). Установить сколько-нибудь точные границы между отдельными рядами гласных по степени подъема языка и число подлежащих различению степеней подъема не представляется возможным: установленная некоторыми английскими лингвистами трехступенная градация — гласные высокого, среднего и низкого подъема — во многих случаях оказывается недостаточной. Степень подъема языка нормально стоит в обратном отношении к степени раскрытия рта (опущения нижней челюсти), хотя этот последний фактор и не играет существенной роли в артикуляции и ее слуховом эффекте; поэтому широкие гласные называют открытыми, а узкие — закрытыми. Гласные, незначительно различающиеся по степени подъема языка, в ряде случаев определяются как широкая и узкая (открытая и закрытая) разновидность (оттенки) одного и того же гласного.

Шумные звуки см. Сонорные и шумные звуки.

Щ

Щелинные звуки — фрикативные, проточные, придумные звуки, спонты — согласные, в которых основная работа целиком сводится к образованию щели. Щелинные звуки относятся к числу длительных.

Щель (иначе — теснина) — одна из двух основных форм преграды для выдыхаемой воздушной струи (см. Произносительные работы, ср. Смычка), состоящая в сближении активного органа с пассивным или пары активных органов. Слуховой эффект при этой форме преграды создается трением выдыхаемой воздушной струи о края щели (фрикацией). При помощи щели образуются щелинные и смычно-щелинные звуки, а также шепот. Ширина щели бывает различна при разных звуках; строгую границу между широкой щелью и узким свободным проходом (а стало быть, между гласными и согласными) провести затруднительно; поэтому щелинные согласные [j] и [w] трудноотличимы от гласных [i] и [u] в неслоговой функции.

Щитовидный хрящ см. Произносительный аппарат, Голосовая щель, Голос, Активные и пассивные органы речи.

Э

Экскурсия см. Артикуляция.

Экспериментальная фонетика см. Антропофоника.

Экспирация — выдох, одна из двух последовательно сменяющихся фаз каждого отдельного акта дыхания. Выдох, т.е. освобождение легких от наполняющего их воздуха, противопоставляется вдоху — наполнению легких воздухом. Произносительная деятельность (фонация) сводится к регулированию выдоха (см. Произносительные работы). Фонационное, или речевое, дыхание отличается от немого дыхания (т.е. дыхания вне процессов речи) также и удлинением выдоха за счет вдоха, тогда как при нормальном немоном дыхании обе фазы акта дыхания равнодлительны. О связи силы выдоха с произносительной напряженностью, а также о силе экспирации в разных языках см. Напряженность звуков речи. Изменения в силе экспирации вызывают соответствующие изменения в общей громкости речи (см. Динамика речи). Немое дыхание протекает при расширенном (дыхательном) укладе голосовой щели и при опущенном мягком нёбе, свободно висящем между задней стенкой зева и корнем языка, вследствие чего выдыхаемый воздух свободно истекает через полость носа, а при разомкнутых губах — также и через полость рта (см. Носовые звуки).

Энклитики см. Безударные слова.

Я

Язычковые согласные (иначе — увулярные согласные) — согласные звуки, в артикуляции которых основной работой является работа язычка. К их числу относится немецкий ударный согласный (R). Об употреблении его в отдельных языках см. Ударные звуки.

Язычные согласные — согласные, в артикуляции которых основную работу составляет работа той или иной части языка. С точки зрения произносительных работ различают спинку языка (верхнюю его поверхность) и кончик языка (переднюю вертикальную его часть, служащую грани-

Язычок

цей между верхней и нижней поверхностью языка). Спинку языка, в свою очередь, разделяют на переднюю, среднюю и заднюю спинку. Соответствующим образом язычные согласные по месту образования разделяются на согласные переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные.

Язычок см. Произносительный аппарат, Язычковые согласные, Активные и пассивные органы речи.

Приложения

А.А. Леонтьев

Русская фонетика в универсально-сопоставительном освещении

§ 1 Система дифференторов в системе звукотипов. Под дифференторами мы будем понимать те дифференциальные признаки звуков языка (или звукотипов), которые отождествляют звукотипы в сознании носителей языка и в совокупности образуют основу для системы звукотипов. Строго говоря, к ним можно относить и те (интегральные) признаки звукотипов, которые являются «строительным материалом», но в действительности не отличают данный звукотип от других звукотипов, так как в системе языка нет звукотипа с «обратным знаком». Так, для русского звукотипа *г* признак назальности—неназальности несуществен, потому что в системе нет коррелятивного ему звукотипа. Однако мы вынуждены учитывать и этот признак, характеризуя *г*, так как коррелятивные ему по месту образования *б* и *д* имеют соответственно *м* и *н*.

Говоря о дифференциальных признаках, чаще всего имеют в виду систему признаков, предложенную Р.Якобсоном, Г.Фантом и М.Халле (40) и опирающуюся на чисто акустические характеристики звуков речи. Для целей сопоставления, а тем более для целей обучения гораздо удобнее идти по пути, предложенному еще И.А.Бодуэном де Куртенэ, а именно выделить кинакемы, или артикуляционно-акустические дифференциальные признаки. В этом случае русская фонетика будет характеризоваться следующим набором дифференторов (кинем).

Для гласных:

1. Ряд (передний, средний, задний)
2. Подъем (верхний, средний, нижний)
3. Лабиализация (наличие—отсутствие)

Для согласных:

1. Место образования (губно-губные, губно-зубные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные)
2. Способ образования (смычные, щелевые, аффрикаты, смычно-проходные, дрожащие)
3. Звонкость—глухость

4. Мягкость—твердость, или палатальность—непалатальность
5. Краткость—долгота (этот дифферентор для русского языка проблематичен)
6. Назальность—неназальность

Сходную по составу дифференторов картину мы находим в большинстве языков европейского ареала. Отступления не слишком велики. Например, в сербскохорватском, венгерском и немецком языках для гласных характерны долгота/краткость, в польском, французском и португальском — назальность/неназальность. В датском и немецком языках имеется фарингальный звук — гортанная смычка, входящая в общую систему звукотипов. Для немецкого языка характерно наличие признака палатальности/непалатальности у гласных, корреляция сила—слабость (*fortis—lenis*) на месте русской звонкости/глухости. В большинстве языков Европы (кроме некоторых славянских) отсутствует корреляция согласных по палатальности/непалатальности. Во многих языках имеется корреляция простых гласных и дифтонгов.

Однако, как только мы выходим за пределы Европы, список дифференторов резко расширяется. Приведем список некоторых из них с примерами языков, где они встречаются, указывая также и характерные для русского языка дифференторы, в других языках отсутствующие.

1. Придыхательность—непридыхательность (бенгальский, хинди, пенджаби, непали и другие языки Индии, китайский, корейский, вьетнамский, японский и др.).

2. Отсутствие корреляции звонкость—глухость (дравидские языки, корейский язык).

3. Отсутствие корреляции смычность—спирантность (тамильский язык, язык абелам).

4. Признак лабио-велярности, т.е. одновременное осуществление губной и заднеязычной смычки (йоруба, языки Новой Гвинеи).

5. Преназальность/отсутствие преназальности (ряд языков Новой Гвинеи).

6. Наличие/отсутствие частичной инспирации (койсанские языки, южные языки банту — зулу, коса и др.).

7. Преглоттализация/отсутствие преглоттализации (языки Новой Гвинеи). Имеется в виду гортанный взрыв, предшествующий артикуляции основной части согласного.

Наиболее многообразна структура противопоставлений согласных по месту образования, к чему мы вернемся при характеристике звукотипов.

Под звукотипами здесь и в дальнейшем мы будем понимать фиксированную в данном языке комбинацию сегментных дифференторов, осознаваемую носителем языка как основная строевая единица фонетического уровня. Звукотипы того или

иного языка составляют систему, отдельные элементы которой характеризуются наличием или отсутствием дифференциального или интегрального признака (дифферентора). Говоря о звукотипах, мы имеем дело с единицами, выступающими в независимой позиции (см. ниже). Такой позицией для гласных является изолированное произношение, а для согласных, как правило, позиция в абсолютном начале фонетического слова. Некоторые звукотипы не удовлетворяют этому условию, так как не встречаются в изолированном произношении или начальной позиции (таков, например, звукотип *ɨ* в русском языке или звукотип *lg* в корейском и ряде других языков).

В русском языке можно говорить о следующих звукотипах (даем их список по работе Л.В.Бондарко (5)). Интегральные признаки согласных взяты в угловые скобки <...>.

Гласные: а — низкого подъема, среднего (или заднего) ряда, *нелабиализованный*

о — среднего подъема, заднего ряда, *лабиализованный*

у — высокого подъема, заднего ряда, *лабиализованный*

е — среднего подъема, переднего ряда, *нелабиализованный*

и — высокого подъема, переднего ряда, *нелабиализованный*.

Согласные: п — губной, взрывной, глухой, твердый, *неносовой*

п' — губной, взрывной, глухой, мягкий, *неносовой*

б — губной, взрывной, звонкий, твердый, *неносовой*

б' — губной, взрывной, звонкий, мягкий, *неносовой*

м — губной, смычный, твердый, *носовой*

м' — губной, смычный, мягкий, *носовой*

ф — губной, спирант, глухой, твердый, *неносовой*

ф' — губной, спирант, глухой, мягкий, *неносовой*

в — губно-зубной, спирант, звонкий, твердый, *неносовой*

в' — губно-зубной, спирант, звонкий, мягкий, *неносовой*

т — переднеязычный, смычный, глухой, твердый, *неносовой*

т' — переднеязычный, смычный, глухой, мягкий, *неносовой*

д — переднеязычный, смычный, звонкий, твердый, *неносовой*

д' — переднеязычный, смычный, звонкий, мягкий, *неносовой*

н — переднеязычный, смычный, твердый, *носовой*

н' — переднеязычный, смычный, мягкий, *носовой*

с — переднеязычный, спирант, глухой, твердый, *неносовой*

с' — переднеязычный, спирант, глухой, мягкий, *неносовой*

- з — переднеязычный, спирант, звонкий, твердый, носовой
- з' — переднеязычный, спирант, звонкий, мягкий, носовой
- ш — переднеязычный (двухфокусный), спирант, глухой, твердый, <нососовой>
- ж — переднеязычный (двухфокусный), спирант, звонкий, <твердый>, <нососовой>
- ц — переднеязычный, аффриката, <твердый>, <нососовой>
- ч — переднеязычный, аффриката, <мягкий>, <нососовой>
- л — переднеязычный, сонант (боковой), твердый, <нососовой>
- л' — переднеязычный, сонант (боковой), мягкий, <нососовой>
- р — переднеязычный, сонант (дрожащий), твердый, <нососовой>
- р' — переднеязычный, сонант (дрожащий), мягкий, <нососовой>
- щ (ш'): — переднеязычный, спирант, мягкий, <нососовой>
- ј — среднеязычный, сонант, <глухой>, <нососовой>
- к — заднеязычный, смычный, глухой, мягкий, <нососовой>
- к' — заднеязычный, смычный, глухой, мягкий, <нососовой>
- г — заднеязычный, смычный, звонкий, твердый, <нососовой>
- г' — заднеязычный, смычный, звонкий, мягкий, <нососовой>
- х — заднеязычный, спирант, <глухой>, твердый, <нососовой>
- х' — заднеязычный, спирант, <глухой>, мягкий, <нососовой>.

Из этого списка видно, что далеко не все комбинации дифференторов действительно реализуются в русской фонетике. Так, полностью отсутствуют заднеязычные носовые согласные. (Впрочем, некоторые комбинации признаков оказываются артикуляционно невозможными, например аффриката + назальность.)

В классификации Л.В.Бондарко, использованной нами, дается обобщенная характеристика согласных по месту образования (активному органу). Она опирается на следующие основные артикуляторные варианты: губные (или губно-губные), губно-зубные, переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные. В числе переднеязычных выделяются аффрикаты (и соответственно неаффрицированные согласные), двухфокусные спиранты *ш*, *щ* и *ж*, а также боковые (латеральные) *л* и *л'* и дрожащие (вibrанты) *р* и *р'*.

Остановимся на некоторых категориях звукотипов, отсутствующих в русском языке, но имеющих в других языках мира.

Полностью отсутствуют в русском, да и в большинстве других языков шелкающие согласные (кликсы). В языках европейского ареала, в том числе в русском, такие артикуляции, правда, встречаются, но лишь вне фонетической системы — в символической функции (см. ниже), т.е. как междометия или призывные (отгонные) звуки. «Шелкающий переднеязычный, например, представлен в таджикском и туркменском языках, где он имеет значение отрицания, и в русском, в котором он служит для выражения сожаления» [13, с. 118].

В русском языке отсутствуют придыхательные согласные, широко распространенные в других языках, где они четко противопоставлены непридыхательным. Особенно характерны согласные этого типа для североиндийских индоевропейских языков.

Звонкость—глухость согласных русского языка может иметь параллель в категории так называемых полувзвонких согласных, в которых голос звучит не на всем протяжении артикуляции согласного, например в индонезийском, корейском, азербайджанском. Эти звуки воспринимаются русскими на слух как глухие, но для самих азербайджанцев они не противопоставлены.

По Л.Р.Зиндеру, в гуджарати и других индийских языках, а также в некоторых языках банту имеется особая категория согласных, которую по-английски обозначают как *breathy murmured*, а по-русски — как «хрипло-звонкие». При них «головые связки колеблются только в передней части, до черпаловидных хрящей, межхрящевая щель не закрыта. Фонация сопровождается усиленным выдохом воздуха легкими» [13, с. 123].

Как уже говорилось, русскому языку чуждо противопоставление сильных и слабых согласных. Они имеются в немецком языке, курдском, корейском, ряде кавказских языков.

В системе русских звукотипов, если не считать [ш':], признак долготы/краткости не используется. Однако в очень большом числе языков он существует как для гласных, так и для согласных. Явление это настолько распространено, что мы не будем приводить конкретные примеры.

В ряде языков существуют гласные, которые характеризуются признаком лабиализованности/нелабиализованности (например, в лезгинском), фарингализованности/нефарингализованности (например, в арабском), глоттализованности/неглоттализованности (во многих кавказских языках). Как уже отмечалось, есть языки, в которых имеет место преназализация (тип *nd*), постглоттализация и т.п.

В отношении спирантов существенно наличие в некоторых языках наряду с круглощелевым также плоскощелевых согласных (например, в английском).

В русском языке отсутствуют лабио-велярные согласные, количественные, например, в языках Западной Африки, Океании (австронезийские, папуасские). Из двухфокусных отметим губно-фарингальный в корейском и в некоторых других языках.

В плане места (активного органа) артикуляции следует отметить распространенность апикальных (действует кончик языка), какуминальных (кончик языка загнут вверх), ретрофлексных (кончик языка загнут вверх и назад) согласных.

Апикальные, или альвеолярные, согласные свойственны, например, английскому, тюркским, эскимосскому, чукотскому языкам; ретрофлексные — индоиранским языкам; какуминальные — английскому, чукотскому, пушту и др.

Из дорсальных согласных, характерных и для русского языка, следует отметить наличие в аварском и других кавказских языках боковых аффрикат.

В некоторых языках существует корреляция по глухости/звонкости в группе носовых. Так обстоит дело в эскимосском, в одном из диалектов хантыйского языка.

В русском языке нет губных аффрикат, которые представлены, например, в немецком (pf), а также губных щелевых и зубно-губных смычных. Губные щелевые есть, однако, в большинстве других языков, например в арабском, английском, японском, тибетском.

В русском языке среднеязычные представлены, как мы видим, только спирантом *j*. В других языках есть и взрывные со сходной артикуляцией (нивхский, финно-угорские). Среднеязычный носовой есть, по мнению Л.Р.Зиндера, во французском, якутском, нивхском, хантыйском. Среднеязычные аффрикаты (в русском отсутствующие) есть в ряде самодийских и финно-угорских языков.

В отличие от русского языка, в некоторых других среднеязычные спиранты могут быть как глухими, так и звонкими (например, коми, ненецкий, чукотский).

Боковые щелевые среднеязычные есть в испанском и сербскохорватском языках.

Носовые заднеязычные звуки, в частности сонанты, распространены во многих языках, например в тюркских, китайском, японском, корейском, австронезийских. При этом есть языки, где такой сонант (типа *ŋ*) может стоять в начальной позиции (тунгусо-маньчжурские, австронезийские и др.). Заднеязычные могут быть неглубокими (как в русском языке) и глубокими: такая корреляция есть, например, в арабском и турецком языках.

В русском языке отсутствуют увулярные согласные. По артикуляции они близки заднеязычным, но составляют само-

стоятельный класс, противопоставленный этим последним. Увулярные согласные встречаются, например, в чукотском, нивхском, тюркских языках, в языке урду, в тагальском. К ним относится один из территориальных вариантов произношения немецкого *r* (Zäpfchen-R).

Отсутствуют в русском языке и фарингальные (глочные) согласные. Их можно найти в арабском, курдском, дагестанских языках. К числу фарингальных относится *ħ* в английском, немецком, украинском языках, а также арабском, персидском, японском и др.

Гортанные звуки, образуемые путем сужения голосовой связки, также чужды русскому языку. Это так называемая гортанная смычка, которой посвящена специальная обзорная работа Вяч.Вс.Иванова (15). Гортанная смычка может выступать и как самостоятельный звукотип (чукотский, дагестанские языки), и как часть гласного (корейский, немецкий, датский и тунгусо-маньчжурские языки). Сюда же следует отнести ряд звуков арабского языка (эмфатические согласные).

Что же касается гласных звуков, то в некоторых языках они производятся с большой силой воздушной струи (гуджарати, индейские языки Америки). Для киргизского, удэйского и других языков характерна такая особенность гласных, как их двухвершинность.

Как уже говорилось, во многих языках существует самостоятельная подсистема носовых гласных. Кроме французского и португальского сюда можно отнести некоторые языки Северного Кавказа, хинди и др.

Существует и подкласс фарингализованных гласных (курдский, эвенский, дагестанские языки).

С точки зрения места образования в языках мира встречаются все возможные варианты гласных, в том числе и не существующие в русском языке. Таков, например, губной лабиализованный типа *ʏ* в немецком, якутском и других языках, заднерядный негубной гласный (румынский и корейский языки), открытый губной заднего ряда, соответствующий негубному заднему *a* (курдский).

Совершенно особую группу гласных звукотипов составляют дифтонги, отсутствующие в русском языке. В этом отношении русский язык — скорее исключение, так как дифтонги встречаются, по-видимому, в подавляющем большинстве языков. В русском языке нет и дифтонгоидов (гласных с элементом другого гласного, придающим артикуляции неоднородный характер), встречающихся, например, в хинди, корейском и других языках.

Данное выше определение звукотипа не подходит для звуковых единиц в таких языках, как китайский или вьетнамский, так как в них может быть осознана и является реальной строевой фонетической единицей только определенная (внут-

ри слога) последовательность звуков, а именно инициаль и финаль.

Однако, учитывая, что практически инициаль — это всегда один звук и что в этой позиции могут, как правило, выступать любые согласные, при анализе звуковых типов языков вроде китайского можно условно приравнять инициаль к звукотипу и так же условно включить гласные и медиали в общую систему звукотипов.

§ 2. Слоговые позиции и структура слога. На уровне сегментных фонетических явлений, т.е. дифференторов и звукотипов, языки различаются не только самой номенклатурой этих дифференторов и звукотипов, но и их взаимоотношением в рамках слога. При этом можно выделить несколько типов таких взаимоотношений.

1. Различные системы позиций внутри слога; они могут быть, в свою очередь, разделены на облигаторные и факультативные.

2. Возможность или невозможность употребления того или иного дифферентора (звукотипа) в определенной позиции внутри слога.

3. Комбинаторика дифференторов (звукотипов) в рамках слога.

Остановимся на этих типах подробно.

1. Все языки мира можно разделить на две основные группы. Для первой из них характерна жесткая (облигаторная) система слоговых позиций; иначе говоря, любой слог языка этой группы может иметь совершенно определенную, общую для всех слогов, вокально-консонантную структуру, а внутри этой структуры каждая позиция может быть замещена только строго определенными звукотипами. Примерами могут служить китайский, вьетнамский, бирманский и другие языки Юго-Восточной Азии. Если мы возьмем, например, китайский язык, то в нем, по Е.Д.Поливанову, «звуки располагаются в составе слога в одном, строго определенном порядке: именно, при полном составе слога... сначала согласный, потом неслоговой гласный, затем слогообразующий гласный и, наконец, неслоговой конечный элемент дифтонга (причем каждый из этих элементов может быть только один), и совершенно невозможны, следовательно, столь разнообразные типы слогового состава, как в русском: *скрыт* (СССVC), *вспрыск...* (СССVCСС), *искр* (VССС), *для* (ССV) и т.д.» (16, с. 5).

Вторая группа языков принципиально допускает множественность слоговых структур; сюда относятся русский и все языки европейского ареала, а также алтайские, семито-хамитские, банту и многие другие. Правда, в некоторых из языков этой группы номенклатура возможных слоговых типов крайне бедна. Это касается, например, австронезийских языков, где почти обязательно правильное чередование согласного—глас-

ного (CVCVCV...) и лишь изредка возникают (а в полинезийских никогда!) сочетания типа ...СС... Однако качественно слог (силлабема) китайского языка и слог, скажем, гавайского языка принципиально различны, так как и для носителя языка, и в морфонологическом плане гавайский слог не выступает как особое целостное образование, как автономная структура, формируемая звукотипами, не воспринимаемыми и не функционирующими вне этой структуры.

Таким образом, понятия структуры слога и соответственно слоговой позиции оказываются неоднозначными. Для одних языков (типа китайского) это закономерное и обязательное чередование определенных классов звукотипов, причем некоторые слоговые позиции могут быть замещены нулем звука. Для других, типа русского, это определенный набор возможных вокально-консонантных структур, и позиция здесь носит не абсолютный, а скорее относительный характер. Действительно, можно ли, не углубляясь в чисто формальный анализ, непосредственно сопоставить поствокальную позицию *с* в слове *вспрыск* и *с* в слове *искр*? Конечно, в принципе в каждом языке есть четкие ограничения на такие системы позиций, и для русского языка вполне возможно построить матрицу позиций, где, однако, большая часть клеток будет заполнена нулями. Но нужна ли такая матрица для сопоставительнотипологических целей, если она будет заведомо различной для разных языков? Поэтому для каждой консонантно-вокальной структуры набор слоговых позиций будет различным, и лишь некоторые из этих позиций допускают межъязыковое сопоставление.

Наиболее существенные характеристики слоговой структуры в языках второй группы опираются на понятия открытого (...V), закрытого (...C) и полужакрытого (...сонант) слога, а также прикрытого (C...) и неприкрытого (V...) слога. Универсальной является наличие открытого прикрытого (CV) слога; не существует языков, где не было бы этой структуры. Все остальные варианты более или менее факультативны. Так, открытый неприкрытый слог (V) невозможен в арабском.

В русском языке допускаются следующие типы слогов: V(и), CV(мы), C...CV (сто, тпру), VC (ад), VC...C (иск, искр), CVC (нам), C...CVC (строй), CVC...C (пост, быстр), ...CVC...C (вспрыск). В английском языке возможны V (a), CV (sea), CCV (play), VC (at), CVC (fat), CCVC (plays), CCVCC (speaks), CVCC (fact), VCCC (acts), CCCV (spray), CVCCC (facts), CCCVC (sprays), CCVCCC (sphinx), CCCVCC (streets) и еще четыре типа, а кроме этого, четыре типа слога с сонантом-слогоносителем типа (li)sence (sn̩s). Во французском: V, CV, CCV, CCCV, VC, VCC, CVC, CCVC, CVCC, CCVCC, CCCVCC. В арабском: CV, CVC, CVCC, CCVC. В турецком: V, VC, CV, CVC, VCC, CCV, CVCC, CCVC, CCVCC. В кечуа: CV и CVC. В целом ряде языков консонантные

стечения разрежаются либо использованием сонанта в слогообразующей функции (*рубль*), либо появлением эпентетических гласных, не осознаваемых как «подлинный» звукотип и нефонологичных (в армянском и многих других).

2. Наиболее жесткие правила замещения позиций существуют, естественно, в языках первой группы. Так, для вьетнамского языка действуют следующие закономерности. Всего в нем 36 звуков, из которых 14 — гласных и 22 — согласных. В первой (начальной) позиции выступает 21 звукотип (кроме *p*), т.е. практически любой согласный. Так происходит, если вторая позиция не заполнена; если же она заполнена, то возможно 15 звукотипов. В их число не входят *p*, *b*, *f*, *v*, *m* и два спиранта — *z* и *j*. Вторая позиция допускает только один элемент — неслоговой гласный (сонант) *ɨ*. Третья, центральная позиция соответствует гласному. В ней возможны все гласные вьетнамского языка, в том числе дифтонги. Четвертая позиция может быть заполнена восемью звукотипами, а именно *p*, *t*, *k*, *m*, *n*, *ng*, *ɨ*, *ɨ* и их позиционными вариантами.

В китайском языке в первой позиции возможны *п*, *б*, *м*, *ф*, *д*, *т*, *г*, *к*, *цз* (апикальный полувзвонкий непродыхательный свистящий спирант), *ц*, *чж* (апикальный полувзвонкий непродыхательный шипящий, аффриката), *ч* (коррелятивная ей глухая аффриката), дорсальные палатализованные *цз'* и *ц'*, *с*, *с'*, *ш*, заднеязычный спирант *х*, носовые *м*, *н*, *н'*, сонанты *л* и *ж* (последний звукотип в русской транскрипции обозначается графемой *ж* условно) — всего 23 звукотипа. Во второй позиции возможны неслоговые *ɨ*, *ɨ* и *у*. В третьей позиции встречаются *а*, *и*, *у*, *и*, слоговое «эрл», а также неоднородные гласные (полифтонги), которых в китайском языке шесть. В четвертой позиции число возможных звукотипов крайне ограничено: это *ɨ*, *ɨ*, *п*, *ng* и неслоговое «эрл».

В языках второй группы возможностей замещения позиций гораздо больше, хотя и здесь имеют место некоторые ограничения. Так, в русском языке возможно консонантное сочетание СССС, но далеко не все звукотипы встречаются в каждой из этих четырех позиций. Типичны здесь комбинации *вздр*, *вспл* и т.д., т.е. сочетания двух спирантов разного места и способа образования, взрывного и сонанта. Другая последовательность даже тех же элементов уже не встречается. Здесь действуют общие закономерности слогоделения в русском языке, сформулированные Р.И.Аванесовым [2].

Наряду с подобными ограничениями возможны и такие, которые носят абсолютный характер. Так, не все гласные могут встретиться в неприкрытом слоге типа V или VC: в русском языке это, например, гласный *ы*. С другой стороны, в очень многих языках, в том числе и в русском, в закрытом слоге согласный, стоящий в абсолютной финальной позиции, при отсутствии влияющих на него других факторов (например, ре-

грессивной ассимиляции последующим звонким согласным другого слога) не может быть звонким.

3. Что касается комбинаторики дифферентов, или звукотипов, в слове, то это такие фонетические особенности, которые связаны с влиянием согласного на гласный и гласного на согласный (обычно объединяемые под названием «аккомодация»). Так, в русском языке в сочетании CV невозможно *ы*, если *С* — мягкий согласный. Подобного рода комбинаторные закономерности, как аналогичные закономерности в рамках фонетического слова, не всегда ведут к чередованию звукотипов, но гораздо чаще — к появлению позиционных вариантов звукотипов, характеризующихся «нетипичной» артикуляцией. Пример: бурятск. *ger* 'дом' с заднеязычным и *gal* 'огонь' с увулярным *g* перед гласным заднего ряда.

Следует иметь в виду, что к числу вариантов звукотипов в одном языке могут относиться такие звуковые образования, которые в другом языке соответствуют различным звукотипам и даже различным фонемам (см. ниже). Известнейшие примеры — *fée* 'фея' и *fait* 'факт' во французском языке, различающиеся по открытости/закрытости, и корейские *r* и *l*.

В рамках настоящей работы невозможно дать сопоставление русского языка с другими языками по всем перечисленным выше характеристикам. Поэтому ограничимся общими замечаниями, высказанными выше.

§ 3. Функции фонем. Морфо- и синтагмофонетика. До сих пор мы не вводили понятия фонемы, так как не рассматривали звуки (звукотипы) в их функциях в системе данного языка. Переходя к такому рассмотрению, определим фонему (в рабочем порядке) как класс (альтернативный ряд) звукотипов и их вариантов, имеющих в системе языка определенное значение, т.е. отождествляющий семантические единицы (знаки, лексемы) и грамматические единицы. Иными словами, это единица, выступающая в независимой позиции в виде звукотипа, в других позициях и в фонетическом контексте — в виде позиционных или комбинаторных его вариантов. Если ограничиваться независимой (основной) позицией, фонему можно охарактеризовать как звукотип в его языковой функции.

Строго говоря, это не всегда так. Теоретически можно представить себе язык, в котором каждый отдельный звукотип не может нести на себе языковую функцию, не выступает как функциональная единица. Все языки первой группы близки к этой теоретической модели, так как в них морфологическая, а возможно, и семасиологическая функция должна быть приписана единице, соответствующей слогу, — силлабеме (Е.Д.Поливанов) или морфосиллабеме (А.А.Драгунов). Это дает основание в языках данного типа считать фонемой не аналог звукотипа, а аналог слога, т.е. силлабему. Промежуточную позицию между этой и традиционной точкой зрения занимает

М.В.Гордина, выделяющая во вьетнамском слоге две фонетические единицы — инициаль и остальную часть (т.е. 1—2, 3, 4 позиции) (9).

Наконец, особый взгляд можно найти у Нгуен Куанг Хонга, для которого во вьетнамском языке имеются три фонологические единицы — силлабема, инициаль и финаль. Он пишет: «Если под фонемой понимается мельчайшая фонологическая единица, потенциально могущая выступать в качестве носителя значения, то для современного вьетнамского языка характерна не фонема, а тонированный слог, силлабема. Если фонема определяется как минимальная фонологическая единица, которая может самостоятельно выступать в качестве звукового компонента (составной части) языковых знаков, то фонеме такого рода соответствует инициаль и финаль в составе вьетнамской силлабемы. И наконец, если считать фонемой... совокупность фонологических признаков, свойственных языковому знаку в целом (или его части), то во вьетнамском языке к фонемам такого характера можно относить не только силовой тон или медиаль, принадлежащие к силлабеме в целом, но и другие совокупности совместимых и несовместимых признаков, присущих каждой из двух составных частей силлабемы, — инициали и финали» (24, с. 59).

Это рассуждение можно положить в основу наших дальнейших соображений. Итак, а) фонема как носитель значения, б) фонема как конститuent знака, в) фонема как пучок различительных признаков на абстрактно-фонологическом уровне. Первое понимание, предполагающее критерием выделения фонемы ее способность отождествлять знак или класс знаков, заставляет рассматривать как основную функциональную единицу силлабему, т.е. мы приходим к тому же выводу, что и Е.Д.Поливанов и А.А.Драгунов. Второе понимание приводит нас к понятию минимальной единицы фонетической нормы, осознаваемой носителем языка, т.е. к звукотипу. Третье понимание связано с трактовкой фонемы как чисто реляционной различительной единицы.

Однако значение, носителем которого является фонема (или силлабема), может быть разным. Быше мы уже говорили о морфологической и семасиологической функциях; остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Семасиологическая функция — это возможность использования данной единицы для отождествления фонетического слова, а в конечном счете — лексемы как основной семантической единицы. Возникает, правда, вопрос: в каком отношении стоит такое понимание к широко распространенной идее, что основной функцией фонемы является различительная? Ср. например, широко известное рассуждение Р.Якобсона и М.Халле о «мистере Диттере», открывающее их книгу (39, с. 231). С точки зрения лингвиста, исследующего язык, на первый

план выступает действительно различие. Но прием сопоставления минимальных пар (квазиомонимов), столь распространенный в лингвистических исследованиях, как нельзя более далек от реальности функционирования языка в общении. Для носителя языка различие квазиомонимов «играет ничтожную роль, так как в речи они не могут оказаться в одинаковых контекстах» (12, с. 29). Слушающий отождествляет слово как таковое и лишь в процессе вторичного факультативного анализа может соотносить его с другими словами, но может и не соотносить. Во всяком случае, для носителя языка отождествление элементов звуковой цепи обязательно, различие их — в типичном случае — факультативно. Исключением является восприятие имен собственных и неизвестных слов, которые не могут быть, естественно, отождествлены.

Таким образом, целесообразно говорить о двух сторонах семасиологической функции, причем доминирующей является отождествительная, см. [20, с. 141—144].

Морфологическая функция связана с возможностью использования данной единицы для отождествления словоформы (морфемного слова), т.е. множества грамматически тождественных семантических единиц, или для отождествления других единиц грамматического уровня.

В соответствии с различием этих функций можно выделить два различных класса фонологических единиц — семантофонемы и морфонемы. Здесь мы следуем за И.А.Бодуэном де Куртенэ, который говорил о том, что «семасиологизованы» и «морфологизованы» даже не фонемы, а кинакемы.

Это различие не укрепилось в фонетике русского языка (понятие морфонемы если и употребляется в ней, то совершенно в ином смысле). Дело здесь в том, что подобное различие неактуально для русского языка, в котором хотя и существуют не используемые в морфологии признаки звукотипов, функционально значимые для семасиологии, но их число ограничено.

Приведем примеры семантофонем в русском языке. (Мы будем рассматривать лишь словоформы, входящие в одну и ту же морфологическую парадигму.) Так, звукотип *г* может входить как элемент в альтернативный ряд (семантофонему) *г/г'/к* (*ногам—ноги—ног*) или в семантофонему *г/ж* (*могу—можешь*) либо *г/к* (*могу—мог*). В зависимости от выбранного нами критерия (т.е. объединяем ли мы в одну систему различные парадигмы одной и той же словоформы) в последних случаях можно говорить о фонеме *г/ж/к* и даже *г/г'/ж/к* (*берегу—береги—бережешь—берег*).

Примером морфонемы в русском языке является *и/о'* (*красишь—бережешь*) или *ы/и* (*косы—земли*). В самом приближенном смысле морфонемами можно считать все звукотипы, встречающиеся в составе морфем (грамматических морфем), или альтернативные ряды таких звукотипов.

По-видимому, семантофонемы есть в любом языке мира, хотя они могут соответствовать разным звуковым отрезкам (силлабам в языках типа китайского). Морфонемы можно выявить во всех языках, где есть морфология как таковая, т.е. словоизменение. Таким образом, возможны языки без морфонемы (с одной семантофонемикой).

Другим критерием, по которому русский язык можно противопоставить языкам иной структуры, является объем альтернативного ряда семанто- или морфонемы. Так, например, в тюркских (и вообще агглютинативных) языках число чередований в рамках семантофонемы меньше, чем в русском (и вообще флективных языках).

Третьим критерием является позиционный, т.е. позиция чередующихся альтернантов в структуре фонетического слова и вообще значимой единицы. В русском языке эта структура выглядит так: MMS...SM...M; в языках банту — MM...MSS...SM...M; в арабском и других семитских — (M) SMSMSM...M.

До сих пор мы затрагивали только две фонемные функции. Однако существует и третья — символическая, т.е. использование звукотипов для непосредственного (иконического) изображения либо звуков окружающего мира (звукоподражание), либо движений или эмоциональных переживаний (образоподражание); в обоих этих случаях звуковая форма слова мотивирована на уровне индивидуального значения слова (*кукарекать*); возможен и третий вариант этой функции, связанный с мотивированностью на уровне категориального (грамматического или лексико-грамматического) значения, или звуковой символизм. Пример звукового символизма — отмеченная Л.А.Булаховским палатализация в русских ласкательных именах.

Символическая функция в своем звукоподражательном (или образоподражательном) варианте обычно связана с замкнутым классом слов, обладающим как семантической, так и грамматической спецификой (ономатопозитические слова, идеофоны). Существенное различие между языками как раз и заключается в наличии (отсутствии) такого класса. Он отсутствует, например, в русском языке, но наличествует в корейском, японском, языках Западной Африки. Можно различать языки и по роли в них образоподражаний; так, в русском языке преобладают звукоподражания, в то время как в языке эве, например, основная масса «символических» слов — образоподражания. Интересный материал по звуко- и образоподражаниям в различных языках собрал еще во второй половине XIX в. русский ученый В.И.Шерцль (36).

Слова с преобладанием символической функции характеризуются иным типом фонетической вариантности — она выходит за «допустимые» фонологические пределы. Так, в русском

звукоподражании звону колокола свободно чередуются звуко-
типы *o* и *a* (*бом/бам*); в звукоподражании крику петуха —
почти все гласные русского языка (*кукареку/кикирики*); в
языке хауса в образоподражательных словах свободно че-
редуются согласные внутри артикуляционных групп, а именно
b/p/f/h, z/s, m/n и др., например *gada—gada/kata—kata/taga—
taga/tangan—tangan/tangal—tangal* 'еле держась на ногах' [8,
с. 54]. По-видимому, можно сопоставлять языки и по объему, и
по характеру таких альтернативных рядов.

Переходя к звукосимволизму, следует отметить, что в раз-
личных языках звукотипы характеризуются различной симво-
лической окраской. Экспериментально показано [10], что лю-
бой звукотип в большей или меньшей степени характеризуется
фонетическим (или, точнее, фоносимволическим) значением.
Показано также, что в различных языках (русском и польском,
русском и литовском) это значение различается даже у звуко-
типов, сходных по артикуляционно-акустическим характери-
стикам. К сожалению, подобная типология звукосимволиче-
ского значения требует огромного труда, так как связана с
экспериментом. Иные подходы также показывают различие
языков по использованию в них звукосимволической функции.
Так, по данным С.В.Воронина, в словах, содержащих в себе
сему «округлости», частота появления лабиальных превышает
статистическое ожидание в 2,5 раза в английском языке, в
1,4 — в русском, в 1,88 — в чувашском, в 1,58 — в венгер-
ском, в 1,6 — в монгольском и т.п. [7, с. 18]. Во всяком случае,
несомненно, что звукосимволизм (а тем более звуко- и образо-
подражание) как явление носит универсальный характер.

**§ 4. Соотношение сегментных дифференаторов и фоне-
тического слова. Словесные позиции.** Фонетическое слово
(«звуковое слово-тип» Л.В.Щербы) имеет свою специфику в
различных языках в плане его соотношения с отдельными
дифференторами (кинакемами) и их пучками — звукотипами,
не сводимую к правилам их появления в тех или иных сло-
говых позициях. Начнем наш анализ с констатации того бес-
спорного факта, что существуют языки, в которых любое фо-
нетическое слово обязательно требует единства сегментных
дифференаторов в подклассе гласных или (реже) в подклассе
согласных. Иными словами, все гласные (согласные) звуко-
типы в слове должны характеризоваться как минимум одним
общим акустико-артикуляционным признаком. Это явление
называется в общем языкознании сингармонизмом (или соот-
ветственно гармонией гласных либо согласных). Как отмечал
еще Е.Д.Поливанов, «в русском мягкость согласных — это спе-
цифическая черта самого данного звука, в турецких же языках
твердость или полумягкость согласных зависит от того, яв-
ляется ли все слово задним или передним в сингармонисти-
ческом отношении» [28, с. 28]. Пример из турецкого языка:

gözlermizden 'от моих глаз', где все звукотипы — в соответствии с гласным основы *ö* — переднего ряда (узкие). Подобное явление кроме тюркских языков известно в корейском, монгольском, тунгусо-маньчжурских, языке ибо, языке ламба, финском, зулу, тамильском и многих других.

Что касается гармонии согласных, она отмечена в индийских языках (признак какуминальности), в турецком языке (признак звонкости—глухости), в некоторых индейских языках Америки и т.п. В русском языке гармонии гласных, как и гармонии согласных, нет.

В некоторых работах [1] сингармонизм слова рассматривается как частный случай ассимиляционных явлений. В русском языке, как известно, имеются оба вида ассимиляции — *Ванька—Ванька* (прогрессивная) и *сдать—здать* (регрессивная). Оба они представлены в той или иной мере во всех или, во всяком случае, в подавляющем большинстве языков мира. Так, в арабском языке очень распространена ассимиляция при сочетании артикля со словами, начинающимися с согласного: *'as-sawrah* 'революция', *'ar-rus* 'русские', *'az-zikarah* 'память' и др. В нем же возможны случаи типа *'isxshabara* 'терпеть' из *'isxtabara*. Разница между языками — прежде всего в распространенности ассимиляционных процессов, в их преобладающей направленности и в качестве ассимиляции (т.е. в характере воздействующего дифферента).

Обратное ассимиляции явление, диссимиляция, по меткому наблюдению Ю.С.Степанова, «обратно» только по внешности. «На самом деле это проявление той же самой тенденции к гармонии звуков на протяжении слова: при диссимиляции звуки расподобляются в одном отношении, но уподобляются в другом» [32, с. 107]. По-видимому, это также универсальное или, во всяком случае, достаточно широко распространенное явление.

Более сложные, но также распространенные явления комбинаторной фонетики слова типа диерезы или гаплоггии мы здесь не будем рассматривать, как и явление эпентезы (вставки гласных или согласных).

До сих пор предметом нашего рассмотрения были комбинаторные чередования внутри фонетического слова. Наряду с ними возможны и чисто позиционные. К ним относятся процессы, происходящие в интервокальной позиции, в абсолютном конце слова и т.п. Так, во многих языках имеет место спирантизация или озвончение согласного в интервокальном положении. Различие между языками можно усмотреть в номенклатуре позиций и в характере происходящих процессов. Некоторые из позиционных словесных альтернатив исключительно редки: сюда относятся отдельные явления кельтских языков, редчайшее явление оглушения согласных в интервокальной позиции в языке бурушаски и т.п.

Особое место занимает явление позиционной редукции гласных. В русском языке оно хорошо известно; здесь имеют-ся три степени редукции, связанные с местом ударения. Однако в большинстве языков, где редукция имеет место, она ограничивается двумя степенями (по мнению П.Р.Зиндера, в русском языке дело обстоит так же). Во многих языках позиционная редукция вообще отсутствует; есть основания думать, что к таким языкам относится подавляющее большинство языков мира.

Кроме слоговых позиций возможны и словесные, т.е. позиции, характерные для фонетического слова в целом, в которых допустимы или недопустимы определенные звукотипы. Так, в эскимосском языке в конце слова недопустима почти половина согласных звукотипов этого языка, в частности *p, v, f, l, r*; в финском *d* и *ng* допустимы только в конце слова и т.п. Другой критерий для сопоставления — возможность/невозможность (или относительная частотность) появления в слове тех или иных сочетаний звукотипов (это, так сказать, обратная сторона ассимилятивно-диссимилятивных и эпентетических явлений); универсально допустимы, как заметил Б.Трнка и за ним Н.С.Трубецкой (35, с. 278), лишь сочетания типа CV.

Определенные различия между языками можно установить статистическими методами, прилагая их к сегментной звуковой организации фонетического слова. Так, Л.Г.Зубкова (14) изучала различные языки с точки зрения статистической встречаемости звуков в той или иной позиции. По ее данным, во многих языках глухие согласные характерны для начальной позиции слова и относительно редки в середине слова. Для конца слова они типичны лишь в индонезийском, яванском и тагальском языках. Звонкие типичны для начала слов в яванском, тагальском, нанайском языке и для середины слов в японском. Носовые свойственны концу слова, особенно в русском, чешском, таджикском, монгольском, турецком, японском, индонезийском языках; наименьшую активность (кроме японского языка) они проявляют в начале слова. Плавные типичны для середины слова. Сонанты ни в одном языке не типичны для начала слова, но типичны для середины слова в яванском, турецком, монгольском, таджикском, чешском, русском языках.

В каждом языке можно выделить «типично начальные», «типично серединные» и «типично конечные» звукотипы. В русском это будет соответственно: 1) *к, б, п, с, р, м, т*; 2) *р, л, т, л', р', к, м, п*; 3) *н, т, р, к, с, л'.* В индонезийском — 1) *к, с, б, т, л, г*; 2) *л, г, к, т, б, с*; 3) *ng, т, к, г, h, п.* Таким образом, дистрибуция звукотипов в фонетическом слове может характеризоваться и абсолютно (невозможность появления в той или иной позиции того или иного звукотипа или подкласса звукотипов), и статистически (отклонение реальной встречаемости от абстрактной вероятности).

Во многих языках мира существует явление, известное под названием музыкального слогового тона, или музыкального слогуударения. В языках, где оно имеется, высота основного тона является обязательной характеристикой любого, в том числе и изолированного слога. Мы будем в дальнейшем употреблять термин «слоговое политоническое ударение» или «слоговой тон».

В русском и во всех языках европейского ареала слоговое политоническое ударение отсутствует. Оно широко представлено в языках Восточной и Юго-Восточной Азии (китайский, вьетнамский, бирманский, тайский и др.); в Африке (все гвинейские языки и ряд других); в индейских языках Америки. В этих (тональных) языках дифференсор слогового тона действует на всем протяжении слога (или на протяжении финали).

В тональных языках возможны два типа слоговых тонов: регистровые и контурные, см. (42). Под регистровыми понимаются тоны, различающиеся по высоте, но не включающие как значимую характеристику направление изменения тона. Контурные — это слоговые тоны, в которых функционально значимо как раз направление движения тона. По фонологическим соображениям (21, с. 165) удобно считать, что регистровые тоны присущи слогообразующему гласному, а контурные — слогу. Есть и экспериментально-фонетические подтверждения такой точки зрения (т.е. что носителем контурного тона может быть не только гласный, но и звонкий взрывной или сонант).

Количество тоновых регистров варьируется в разных языках. Так, два регистра в языке отоми, в центральных диалектах тибетского, по-видимому, в бирманском, в языке нама. Особенно часта система трех регистров (эве, другие языки гвинейской группы, вьетнамский, языки банту). Четыре регистра встречаются только в некоторых языках Америки.

Тоновые контуры могут различаться по направлению изменения тона, относительной разнице высоты в начале и конце изменения, времени изменения, интенсивности тона и др. Обычно система тоновых контуров сочетается с системой тоновых регистров. При этом возможны два основных случая: а) одни тоны различаются только по регистру, другие — только по контуру (эве, йоруба); б) в языке все тоны контурные, но они различаются и по регистру, и по контуру (нама). Как и сегментные фонетические явления, слоговой тон может выполнять семасиологическую, грамматическую и символическую функции. Например, эве: *da* с низким тоном 'оставить, бросать', *da* с высоким 'уменьшать'; луба: *u¹di¹* 'ты еси' — *u²di¹* 'он есть'. По Д.Вестерману (44, с. 318), в эве есть четкая корреляция между семемами отдельных слов и тоновым регистром.

По-видимому, тональные различия воспринимаются только в составе тональной модели слова. Это дает основания рас-

сматривать слоговой тон вместе с другими явлениями, характерными для фонетического слова.

Особое место занимает качественная (тембральная) окраска силлабемы, которая в ряде языков выступает как общий признак слога — аналогично тону. В китайской традиции эта окраска называется «ху», см. (23, с. 20—21).

§ 5. Акцентуация и ее функции. На уровне акцентуации мы имеем дело не с собственно фонетическими единицами типа звукотипов, а только с акцентуационными дифференторами. Иначе говоря, в слове можно выделить определенные акустико-артикуляционные характеристики, соотносящие слог с другими слогами данного фонетического слова (см. ниже).

По природе акцентуационных дифференторов можно выделить два основных типа акцентуации: а) силовое (экспираторное) ударение и б) музыкальное ударение (словесный тон, словесное политоническое ударение). В последнем случае существенны качество тона и место его в слове. При этом конкретная высота тона каждого слога (в отличие от тональных языков) иррелевантна: важен общий рисунок мелодии внутри слова. Музыкальным ударением располагает ряд индоевропейских языков (литовский, сербскохорватский, шведский, норвежский), а также японский, корейский, айнский, некоторые австронезийские, ряд индейских языков Северной Америки (в частности, такелма) и др.

Более распространено силовое ударение. Оно присуще, в частности, русскому, английскому, французскому, немецкому (кроме некоторых диалектов), испанскому, арабскому, тюркским, финно-угорским языкам.

Сила экспираторного ударения различна в разных языках. Например, оно слабое в грузинском, хинди, но сильное в русском. В чистом виде силовое ударение редко — чаще оно сопровождается изменением длительности слога и других его фонетических характеристик (как в русском). В некоторых языках в слове может быть кроме главного и второстепенное ударение; обычно это связано со слабостью главного ударения (как в грузинском).

Теоретически кроме силового и тонального существуют еще два способа выделения слога в составе слова: количественное ударение и специфическая качественная характеристика. Естественно, изменение ударного слога по долготе возможно лишь в тех языках, где долгота—краткость не выступает как характеристика отдельного гласного звукотипа. Но на практике оба эти способа как самостоятельные (вне силового или музыкального ударения) не встречаются. Другой вопрос, какова роль в выделении слога количественного, силового и других компонентов. Как уже говорилось, в русском языке доминирует силовое ударение, изменение количества ему сопутствует. По-видимому, обратное положение в индонезийском

языке, хотя в нем «нет единого мнения о природе ударения, а именно является ли оно силовым или количественным» (3, с. 51); но, по мнению В.А.Кочергиной, «количественное ударение в индонезийском языке преобладает» (18, с. 59). Индонезийский язык также может служить примером неиспользования качественного изменения гласного — в отличие от русского, где ударный гласный имеет четкие качественные характеристики («качественный оттенок гласного», по Л.В.Щербе).

Существуют довольно многочисленные языки, в которых словесное ударение вообще отсутствует. Л.В.Щерба показал это во французском языке (37, с. 85), Е.Д.Поливанов — в эрзя-мордовском (29), Л.Р. Зиндер указывает на палеоазиатские и некоторые тунгусо-маньчжурские (например, эвенский и эвенкийский) (13, с. 262).

С точки зрения места ударения в фонетическом слове в языках мира имеется большое разнообразие. Оно (прежде всего силовое) может быть фиксированным, т.е. приходится всегда на определенный слог (от начала или от конца слова), может быть подвижным, т.е. в зависимости от функционального использования приходится на разные слоги, а может быть свободным, т.е. вне зависимости от функции падать на любой слог в слове. В языках с фиксированным силовым ударением местом такой фиксации может быть первый слог (латышский, чешский, финский, чеченский, монгольский), последний слог (персидский, армянский, многие тюркские), второй от конца слог (польский, языки банту) и др.¹ Примером языка с подвижным ударением может служить русский, где это движение используется в морфологической функции (см. ниже). Языки со свободным ударением — это, например, грузинский, тамильский.

Силовое ударение свойственно не только языкам без слогового тона, но и тональным языкам. В них, таким образом, тональная характеристика присуща слогу, а силовая (динамическая) — фонетическому слову. Именно так обстоит дело, например, в китайском и вьетнамском языках.

Музыкальное ударение удобно рассмотреть на примере норвежского и японского языков. В первом слова могут противопоставляться как по месту ударения (менее значимое различие), так и по характеру тона, но в любом слове есть только один ударный слог, в рамках которого и происходит чередование слогов. Иначе в японском языке или в его диалектах. Так, в диалекте Тоса в каждом слове обязательно есть отре-

¹ Чаще всего таких акцентуационных позиций несколько — в зависимости от других характеристик слова. Так, в ливанском диалекте арабского языка (30, с. 118) ударение падает на второй от конца слог, если он долгий (или если слово двусложное), и на третий от конца — в остальных случаях.

зок, произносимый с высоким тоном. Он может находиться в начале, в середине или в конце слова и быть разной протяженности — один, два и более слогов. Так, \uparrow atu | i 'толстый' отлично от \uparrow a | tu | 'жаркий'. Слов, в которых не было бы высокой части, не существует. Для двусложных слов возможны следующие типы ударения: \uparrow ha | na 'цветок', \uparrow hana 'нос', | ka 'sa 'колпак'. Иначе говоря, здесь более существенна разница в месте, чем в характере ударения. Наиболее простую из всех схем тональной акцентуации обнаружил Е.Д.Поливанов (27) в говоре японской деревни Мие, где все слова делятся на баритонные (с понижением к концу слова) и окситонные (с повышением к концу слова), что и составляет единственное значимое акцентуационное различие.

Можно выделить три основные функции акцентуации: семасиологическую, морфологическую и группообразующую. Соответственно можно говорить о двух видах акцентуационных единиц: семантоакценте и морфоакценте. Первая из них отождествляет звуковую оболочку фонетического слова (или класса фонетических слов) и может служить если не единственным, то основным различителем слов-квазиомонимов (*кура—Курá*). Морфоакценте отождествляет типорформу, т.е. класс словоформ; морфологической функции ударения в русском языке посвящена специальная монография А.А.Зализняка (11).

Теоретически можно предположить существование языков, где ударение характеризуется только морфологической функцией. Есть основания полагать, что к этому типу близки некоторые изолирующие языки, например китайский, однако полной определенности нет.

§ 6. **Фонетическая группа.** Третья, основная функция акцентуации — группообразующая. «Над» фонетическим словом существует промежуточная между ним и фонетической фразой единица, которая может быть — на фонетическом уровне — названа фонетической группой (ср. «ритмическую группу» Л.В.Щербы (37, с. 87)). Для нас эта единица интересна в нескольких отношениях. Во-первых, языки различаются с точки зрения соотношенности фонетического слова и фонетической группы; в некоторых из них фонетическое слово характеризуется относительной самостоятельностью, в других — в потоке речи — подчиняется фонетической группе. Так, например, в русском языке фонетическое слово более или менее самостоятельно, т.е. в сочетании, скажем, *молодой человек* слышатся две акцентемы, каждое из фонетических слов имеет тенденцию к слоговой завершенности²; наконец, для русского

² Л.В.Щерба писал, что в русском языке «слово сохраняет свое слоговое строение и в потоке речи. По-русски говорят *ходит-око-ло*, а не *ходи-то-ко-ло*, но зато говорят *ходи-тол-ком*; говорят *мой-окна*, а не *мо-е-кна*, но зато *ма-ло-ем-кий*, а не *малой-ом-кий* и т.д.».

языка характерны межсловные паузы и так называемые пограничные сигналы, свидетельствующие о начале (конце) фонетического слова (по Н.С.Трубецкому [35, с. 324], еще более типичны они для тамильского, где до 80% всех границ между словами отмечены пограничными сигналами, хотя в этом языке для разграничения слов вполне достаточно фиксированного ударения на первом слоге). Но, например, в турецком языке фонетические слова стремятся к слиянию в рамках фонетической группы, что выражается в «смазывании» слоговой структуры слова, отсутствии паузы, отсутствии ярко выраженных пограничных сигналов; «словесное ударение может перемещаться в зависимости от положения слова во фразе. Слова, не несущие главной смысловой нагрузки в синтагме, утрачивают свое ударение» [17, с. 25—26]. Сходное положение в арабском, французском, индонезийском, казахском языках.

В тех из языков со «смазанной» границей фонетического слова, где имеется (обычно свободное) словесное ударение, происходит — при включении его в фонетическую группу — депласация ударения (арабский, индонезийский). Таким образом, в этих языках группообразующая функция ударения является доминирующей, а в языках, где словесное ударение, по-видимому, отсутствует (французский, эрзя-мордовский), — по-видимому, и единственной. Во всех этих случаях на уровне фонетического слова можно говорить о позиционных ограничениях, налагаемых на наличие/отсутствие ударения. В русском языке, однако, ничего подобного нет.

Говоря о русском языке, следует, впрочем, учесть, что в нем интенсивность (громкость) и слоговая длительность, выступающие обычно как акцентуационные дифференторы, используются и как дифференторы интонационные. Здесь мы имеем типичный пример различного функционального использования одних и тех же языковых средств. Видимо, в русском языке можно говорить о дополнительной группообразующей функции ударения, определяемой на фонетической группе.

Само понятие фонетической группы очень неопределенно. Она представляет собой фонетический аналог морфосинтагмы, как фонетическое слово — аналог словоформы, см., например, [6]. Образующие элементы фонетической группы, обеспечивающие ее целостность, могут быть различными. Так, в некоторых языках действует принцип эквитемпоральности (произносительно синтагмы приравниваются по долготе независимо от количества слогов); по-видимому, к таким языкам относится английский. В русском языке, по Л.В.Щербе, фонетическое единство синтагмы достигается «усилением последнего словесного ударения».

§ 7. **Интонация.** Под интонацией понимается сложный комплекс суперсегментных (фонетических) явлений, соотносимых с целым высказыванием и либо служащих для выражения грамматических категорий высказывания (модальность,

коммуникативный тип), либо выступающих как средство актуального членения, выделения степени важности и т.д. В целом, по Л.Р.Зиндеру, опирающемуся здесь на Л.В.Щербу, интонация «обязательно участвует в оформлении предложения, но она выражает при этом лишь общие категории, а не конкретные отношения внутри предложения или между предложениями» (13, с. 271). Интонация складывается из высоты основного тона (мелодика), интенсивности (динамика), длительности и темпа, паузирования, тембральной окраски. В конкретных языках и в конкретных интонационных конструкциях, а также при выражении различных функций интонации роль всех этих средств различна.

Интенсивность и длительность связывают интонацию и акцентуацию: как уже говорилось, это общие для акцентуации и интонации дифференторы, различающиеся лишь по функции. То же касается (частично) мелодики. В языках типа русского «только интонацией осуществляется деление на синтагмы», а именно «интонация отмечает, является ли данный отрезок речи конечной или неконечной синтагмой» (33, с. 271).

Вслед за И.Г.Торсуевой (33; 34) мы считаем, что у интонации есть две основные функции: коммуникативная (выражение коммуникативного типа) и экспрессивная (выражение степени значимости части высказывания). Соответственно можно говорить о двух различных классах интонационных единиц; один из них (коммуникативные единицы) определяется только на целостном высказывании, другой (экспрессивные единицы) отражает соотношенность фонетической группы и высказывания (вернее здесь было бы говорить не о высказывании, а о фонетической фразе как модели «звуковой оболочки» высказывания).

Этим перечень функций интонации, однако, не исчерпывается. Так, Н.Д.Светозарова (31) выделяет пять таких функций: 1) функция организации и членения речевого потока; 2) функция парадигматического противопоставления единиц членения (аналог коммуникативной функции И.Г.Торсуевой); 3) функция выражения связи или отношений между единицами членения; 4) функция выражения отношений между элементами интонационной единицы (аналог экспрессивной функции); 5) функция выражения эмоциональных значений и оттенков. По-видимому, уместно говорить и об эмфатической функции интонации.

И.Г.Торсуева в цитированной монографии (33, с. 30—31) выделяет 14 параметров интонации, выступающих как дифференторы. Это: 1. Форма изменения частоты основного тона. 2. Мелодический или высотный уровень. 3. Уровень начала/конца мелодического движения. 4. Интервал между двумя точками интонационного контура. 5. Мелодический диапазон. 6. Угол падения или повышения тона. 7. Высшая точка подъема мелодического движения. 8. Амплитуда интенсивности.

9. Длительность слогов, ритмических групп, синтагм. 10. Среднеслоговая длительность. 11. Максимальная амплитуда интенсивности. 12. Максимальная средняя длительность слогов. 13. Максимальный интервал. 14. Максимальный диапазон. По тому же автору, восприятие коммуникативного типа высказывания основывается на первых семи дифферентах, а смыслового членения — на дифферентах 7, 11, 14.

Особый случай составляет произнесение всей фразы с высоким тоном («эмоциональная интонация», по К.Л.Пайку (42, с. 15—16)), типичное для тональных языков и языков с музыкальным ударением. Такое повышение не связано с той или иной конкретной функцией, а отражает эмоциональное отношение говорящего к содержанию высказывания.

Вообще в тональных языках интонация может реализовываться следующим образом, см. (21, с. 179—180):

а) путем деформации системы фонетических тонов, так что их противопоставление полностью или частично снимается (хауса, бирманский);

б) путем подчеркивания существующих тональных различий, т.е. интонация характеризуется некоторым постоянным отношением к признакам тона (вьетнамский);

в) путем «вклинивания» интонации в систему слоговых тонов. Так, в языке отоми действует следующее правило: «тоны всех слогов, которые не являются конечными, суть фонологические тоны. Тоны конечных слогов всех слов являются частью интонационной системы» (43, с. 37);

г) и наконец, путем деформации последнего по счету тона в фонетической фразе. Ср. в языке эве³: кро¹ `видеть' — ате³ка³не³кро¹⁻³ `кого ты видел?'.

По существу, типы а, б, г представляют собой разновидности одного и того же способа реализации, проявляющегося лишь в большей или меньшей мере и с различным знаком. Тот же способ мы находим в языках с музыкальным ударением, где (например, в японском языке) интонация реализуется путем изменения звуковысотных характеристик последнего слога.

Экспрессивная функция интонации, по-видимому, совершенно чужда тональным языкам и компенсируется линейным синтаксисом, специальными грамматическими или лексическими средствами, ср. (45, с. 38).

Типология интонационных различий исследована недостаточно. В дальнейшем изложении мы будем опираться на работы Т.М.Николаевой (25), обобщающей, в частности, универсальные интонационные характеристики различных языков, и — при изложении конкретных различий русского, англий-

³ Здесь принята нотация К.Пайка, где цифрой обозначается тоновой регистр.

ского, французского и испанского языков — на цитированную монографию И.Г.Торсуевой (33). Кроме того, дается общая характеристика интонации арабского языка в сопоставлении с русской. Рассматривается только коммуникативная функция интонации (выражение коммуникативных типов).

Итак, по Т.М.Николаевой, универсальны функции интонации и ее компонентов: выражение отношений смысловой важности при помощи темпа, связанности при помощи мелодики, эмоциональной оценки. «При этом эмоциональная сторона речи раздваивается: одни эмоции передаются одинаковыми для всех языков средствами... другие — специфически языковыми...» (25, с. 220—221).

Вопрос всегда передается восходящей мелодикой, общее сообщение — понижающейся, экспрессивная функция — максимализацией параметров. Вскюду различаются вопрос и переспрос, общий и специальный вопросы. Имеется относительно единая форма интонации простого предложения — так называемая «шляпа» / / \ /. По И.Фонадю, во всех языках в yes/no-вопросе имеется понижение тона.

Русский и французский языки. Повествование: значимых различий нет. Незаконченность (интонация неконечных синтагм): понижение в конце русской синтагмы, отсутствие его во французском. Мелодический пик тяготеет к концу во французском, в русском способен к перемещению. Направление движения тона во французском неизменно, в русском изменяется. Интонационный контур в русском — двухвершинный. Общий вопрос: во французском — повышение тона; в русском — повышение с последующим понижением. Мелодический пик во французском в конце, в русском — в середине. Специальный вопрос: во французском языке направление движения тона понижающееся, в русском сначала повышающееся, затем понижающееся. Во французском мелодическая кривая начинается выше. Восклицание: во французском кривая начинается высоко и, имея выпуклую форму, постепенно понижается. В русском — сначала повышение, затем понижение, и мелодический диапазон в два раза меньше. Мелодический пик соответственно в начале и в середине. Побуждение: понижение во французском, в русском — повышение, понижение, затем плато. Мелодический диапазон во французском в два раза больше, и мелодическая кривая начинается в нем выше. Как можно видеть, «в русском языке движение тона более изменчиво, что связано с особенностями распределения словесного ударения» (33, с. 127). Мелодический пик во французском в начале или в конце, в русском он перемещается; во французском обычно более высокое начало и больше мелодический диапазон.

Русский и испанский языки. Повествование: почти полное совпадение. Незаконченность: в испанском есть две

степени ее, отличающиеся более крутым и высоким подъемом одной из них. В целом здесь модели совпадают, особенно если в испанском фраза начинается с безударного слога. В противном случае кривые совпадают по началу и концу контура. «При преподавании следует обратить особое внимание на ровный тон испанской фразы, начинающейся после ударного слога» (33, с. 131); вообще же в конце испанской кривой имеется небольшой подъем, в конце русской — небольшое понижение. Общий вопрос: в русском выпуклая форма кривой, в испанском — вогнутая (т.е. понижение — плато — повышение) при примерно одинаковом мелодическом диапазоне. Специальный вопрос: примерно одинаково. Восклицание: в испанском совпадает со специальным вопросом, т.е. крутой подъем и медленное понижение; в русском — более сложный и более ровный контур. Побуждение: сходно с восклицанием и специальным вопросом в испанском и со специальным вопросом в русском, где более резкое понижение. В целом есть большое сходство.

Русский и английский языки. Повествование: почти полное совпадение. Незаконченность: большое сходство. Общий вопрос: в обоих языках повышение, но в русском с дальнейшим частичным понижением. Вообще для английского характерно здесь повышение в конце, невозможное в русском. Специальный вопрос: в русском тенденция к восходящей, в английском — к нисходящей кривой, но понижение возможно и в русском. Восклицание: в английском несколько интонационных вариантов, в целом близких к русскому. Побуждение: в английском резко различается просьба и приказание, причем русское побуждение ближе к английскому приказанию. Но в ударной части (ядре) английской кривой имеет место повышение, что невозможно в русском, как и подъем в конце кривой. В общем в английском восходящий тон начинается ниже, в нем чаще соединяются в одном слогe восходящий и нисходящий тон; наконец, «в русских фразах менее ярко выражена ритмическая структура» (33, с. 143).

Особое место занимает парентеза (вводные части высказывания), где русский язык более всего отличается от других. Во французском языке это прямые отрезки на двух разных высотных уровнях (в этом языке два варианта парентезы). В испанском тоже два варианта и тоже ровное движение тона, но второй (более высокий) уровень разделен большим диапазоном. В английском интонация парентезы сильно зависит от коммуникативного типа основного высказывания. В русском имеется плавное падение в начале кривой, затем ровное мелодическое движение; здесь форма кривой почти независима от коммуникативного типа.

Русский и арабский языки. В повествовательных высказываниях арабского языка имеется плавное восхождение

(или ровный тон) и более крутое падение. Общий вопрос: ускоренный тон, повышение на ядре (вопросительная частица) и сильное падение на заядерных слогах. В отличие от русского, где «вопросительность закончена в основном коммуникативном центре предложения, который выделяется интонационно, а остальная часть остается нейтральной», в арабском «вопросительность выражается всем тоном предложения, и особенно звучанием его последних слогов» (19, с. 182). Специальный вопрос: замедленный тон, нисходящая мелодика заядерных слогов, интонационно выделяется не вопросительное слово, а зависимый от вопроса член. К нему примыкает вопросительное слово, а всем остальным членам свойственно нисходящее движение тона. Побуждение: нисходящий тон в конце (просьба) или падение на всей протяженности кривой с ровным тоном в конце. Незаконченность: резкое повышение.

§ 8. Проблемы фонетической вариантности. В этом параграфе обобщены все те виды фонетических чередований, которые — в рамках единой фонологической системы — соответствуют различным фонетическим нормам. Такие чередования бывают следующих видов.

1) Чередования, связанные со стилем произношения. Они хорошо изучены, см. (38; 26) и др.

2) Чередования, связанные с половой и возрастной дифференциацией языкового коллектива. Здесь явственно выделяются две разновидности. Во-первых, есть такие чередования, которые для самих носителей языка не маркируют никаких половозрастных (прежде всего возрастных) групп, но объективно существуют. Так, в языке покомчи люди старше 60 лет произносят закрытое *e* там, где более молодые — открытое (что установлено лишь в результате специального анализа, см. (1)). Видимо, сюда же можно отнести продвинутость вперед у женщин всех гласных среднего и заднего рядов в дархатском говоре монгольского языка. Во-вторых, есть чередования, вполне осознаваемые самими носителями языка и маркирующие для них ту или иную половозрастную группировку. Так, В.Г.Богораз пишет: «Одной из любопытных особенностей дуораветланского (чукотского — *А.Л.*) языка является особое женское произношение. Женщины в отличие от мужчин произносят вместо *ч* и *р* только *ц*, в особенности после мягких согласных» (4, с. 7). Такого рода фактов много в самых различных языках (но не в русском и не в языках европейского ареала).

3) Чередования, связанные с социальной дифференциацией языкового коллектива. См. у А.М.Мерварта о современном тамильском языке: «Произношение тамильского звука *с* находится в зависимости не только от его места в слове, но и от других условий, как каста и местность, к которым принадлежат говорящие... В начале слова этот звук произносится в

чисто тамильских словах 1) как санскритское *ṣ* в *ṣaṣtram* (браминское произношение); 2) как русское *с* — это произношение свойственно низким кастам и довольно распространено на о. Цейлоне; 3) как *чь* в говоре средних каст... мадурской области» (22, с. 28). Такие чередования можно найти практически в любом языке.

4) Чередования, связанные с территориальной дифференциацией языкового коллектива. Они тоже практически универсальны (ср. различие «московского» и «ленинградского» произношения). Другой пример — различие произношения французских гласных в Канаде и во Франции.

На практике все эти виды чередований часто переплетаются друг с другом и образуют весьма сложную систему. Так обстоит дело, например, в арабском языке.

Литература

1. *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
2. *Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. М., 1972.
3. *Алиева Н.Ф. и др.* Грамматика индонезийского языка. М., 1972.
4. *Богораз В.Г.* Пуораветланский (чукотский) язык. — Языки и письменность народов Севера. Ч. 3. М.—Л., 1934.
5. *Бондарко Л.В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
6. *Бухарин В.И.* Синтагмы и речевые такты. — Вопросы русского языка. Ярославль, 1975.
7. *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. АКД. Л., 1983.
8. *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л., 1983.
9. *Гордина М.В.* Основные вопросы фонетического строя вьетнамского языка. АКД. Л., 1960.
10. *Журавлев А.П.* Фонетическое значение. Л., 1974.
11. *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.
12. *Зиндер Л.Р.* О минимальных парах. — Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии. Тезисы докладов. М., 1963.
13. *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. 2-е изд. М., 1979.
14. *Зубкова Л.Г.* Сегментная организация слова. М., 1977.
15. *Иванов Вяч.Вс.* О функциях гортанной смычки. — Звуковой строй языка. М., 1979.
16. *Иванов А.И., Полливанов Е.Д.* Грамматика современного китайского языка. М., 1930.
17. *Кондратьев В.Г.* Вводный фонетический курс турецкого языка. Л., 1976.
18. *Кочергина В.А.* Введение в языкознание. М., 1979.
19. *Лебедев В.Г.* Фонетика современного арабского литературного языка. М., 1978.
20. *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. М., 1965.
21. *Леонтьев А.А.* Функциональное использование звуковисотных различий в языках мира. — Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению. М., 1971.

22. Мерварт А.М. Грамматика тамильского разговорного языка. Л., 1929.
23. Нгуен Куанг Хонг. Проблема силлабемы как основной звуковой единицы языка. АҚД. М., 1974.
24. Нгуен Куанг Хонг. О вьетнамской силлабеме и ее делимости. — Вьетнамский лингвистический сборник. М., 1976.
25. Николаева Т.М. Три интонационных слоя звучащей фразы. — Звуковой строй языка. М., 1979.
26. Панов М.В. О стилях произношения. — Развитие современного русского языка. М., 1963.
27. Поливанов Е.Д. Введение в языковедение для востоковедных вузов. Л., 1928.
28. Поливанов Е.Д. Словарь лингвистических терминов. — ВЯ. 1960, № 4.
29. Поливанов Е.Д. К вопросу о функциях ударения. — Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению. М., 1971.
30. Ромачев Б.И. Некоторые вопросы словесного ударения в современном арабском литературном языке. — Арабская филология. М., 1968.
31. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.
32. Степанов Ю.С. Основы общего языковедения. 2-е изд. М., 1975.
33. Торсуева И.Г. Теория интонации. М., 1974.
34. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания. М., 1979.
35. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.
36. Щерць В.И. Основные элементы языка и начала его развития. — Филологические записки. 1886, вып. I—V.
37. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М., 1953.
38. Щерба Л.В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов. — Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
39. Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике. — Новое в лингвистике. Т. II. М., 1962.
40. Jakobson R., Fant G., Halle M. Preliminaries to Speech Analysis. Cambridge, 1955.
41. Mayers M.K. The Pocomchi. A Sociolinguistic Study. Chicago, 1960.
42. Pike K.L. Tone Languages. Ann Arbor, 1948.
43. Pike E. Tonemic Correlation in Mazahua (Otomi). — International Journal of American Linguistics. Vol. XVII, № 1, 1951.
44. Westermann D. Laut, Ton and Sinn in westafrikanischen Sudansprachen. — Festschrift Meinhof. Hamburg, 1907.
45. Westermann D. Grammatik der Ewe-Sprache. B., 1907.

Основные типы гласных и некоторые знаки для них
Vocalium sonorum genera principalia litteraeque
quaedam ad eos exprimendos

Передние Anteriores	Смешанные Mixtae	Задние Posteriores
y i	ɨ	ш ы
y i		ъ ы
ø e	9	y o
œ ε	3	ʌ ɔ
	æ	
	a a ɒ	
Неопределенные Indefinitae	{ a a	

Таблица 2

Основные типы согласных и некоторые знаки для них
 Consonantium sonorum genera principalia quaedam ad eos exprimendos

По Шерре	Губные — labiales		Передязычные — praelinguales				Среднеязычные — medio-linguales		Заднеязычные — postlinguales		Увулярные — uvulares		Фарингальные — pharyngales		Гортанные — laryngales												
	губные labiales	зубные dentilabiales	фронтальные frontales	какуминные nasales	алвеолярные alveolares	лопальные dorsales	язычные linguales	факкальные uvulales	язычные linguales	верхние superiores	нижние inferiores	язычные linguales	факкальные uvulales	верхние superiores		нижние inferiores											
Смычные — occlusivae	p b	m	t d	t̪ d̪	t̪ d̪	t̪ d̪	t̪ d̪	t̪ d̪	k g	k̪ g̪	k̪ g̪	k̪ g̪	k̪ g̪	k̪ g̪	k̪ g̪												
																чистые — purae											
Шумные — explosivae	p̪ b̪	m̪	t̪ d̪	t̪ d̪	t̪ d̪	t̪ d̪	t̪ d̪	t̪ d̪	k̪ g̪	k̪ g̪	k̪ g̪	k̪ g̪	k̪ g̪	k̪ g̪	k̪ g̪												
																аффрикаты — affricatae	однокусные unacentrales	двухкусные bicentrales	боковые laterales	сонанты — sonantes	однофокусные unacentrales	двухфокусные bicentrales	боковые — laterales	средние — medianae	боковые — laterales	шумные — fricativae	сонанты — sonantes
																Щелевые — rimales	ф	ф	з	з	з	з	з	з	с	с	с
однофокусные unacentrales	двухфокусные bicentrales	боковые — laterales	средние — medianae	боковые — laterales	шумные — fricativae	сонанты — sonantes																					
Дрожжистые — vibrantes	w	w	r	r	r	r	r	r	j	j	j	j	j	j	j												
																боковые — laterales	шумные — fricativae	сонанты — sonantes									

Содержание

От редактора.....	5
<i>А.А.Леонтьев</i> . С.И.Бернштейн как фонетист.....	7
Список опубликованных трудов С.И.Бернштейна	18
Список основной литературы о С.И.Бернштейне.....	29

С.И.Бернштейн

СЛОВАРЬ ФОНЕТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Предисловие автора.....	32
А—Я.....	33

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>А.А.Леонтьев</i> . Русская фонетика в универсально-сопоставительном освещении	144
Основные типы гласных и некоторые знаки для них.....	173
Основные типы согласных и некоторые знаки для них....	174

Научное издание

БЕРНШТЕЙН СЕРГЕЙ ИГНАТЬЕВИЧ

Словарь фонетических терминов

Редактор *М.И.Карпова*

Художник *Б.П.Резников*

Художественный редактор *Э.П.Эрман*

Технические редакторы *Е.А.Пронина, О.В.Аредова*

Корректор *И.Г.Ким*

Компьютерные набор и верстка *М.П.Горшенкова*

Изд. лиц. № 020910 от 02.09.94

Сдано в набор 03.09.96

Подписано к печати 26.11.96

Формат 60×90¹/₁₆. Бум. офсетная

Печать офсетная. Усл. п. л. 11,0

Усл. кр.-отг. 11,1. Уч.-изд. л. 10,6

Тираж 1500 экз. Зак. № 213. "С"—1

Издательская фирма

«Восточная литература» РАН

103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография РАН

107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Найденный в архиве Сергея Игнатьевича Бернштейна «Словарь фонетических терминов», составленный в 1937 г. как приложение к его книге «Вопросы обучения произношению применительно к преподаванию русского языка иностранцам», не был издан.

Как считал сам автор, «Словарь не ставит себе задачей исчерпать всю фонетическую терминологию. Он предназначается для читателей, которые нуждаются в приобретении или углублении знаний в области общей фонетики как базы для изучения иностранного произношения. В первую очередь имеются в виду преподаватели русского языка иностранцам, преподаватели иностранных языков в средней и высшей школе, преподаватели русского языка в средней школе... Сообразно с этой задачей и с этим кругом читателей определения и объяснения даются применительно к фонетической структуре четырех языков – русского, немецкого, английского и французского... Особое внимание уделено двум отраслям фонетики – фонологии и акцентологии».
